

ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ СССР - IV

АЛЕКС ШУ

ОТВЕТНЫЙ УДАР

На Алексея Шелестова объявлена охота. Дед погиб, а по следам идут ЦРУ и КГБ. На его поимку брошены все имеющиеся силы и огромные средства. Сможет ли Алексей ускользнуть из загребущих лап спецслужб, спасти близких, любимую девушку и нанести врагам ответный удар? Именно от этого зависит продолжит ли обновленный СССР своё существование или будет уничтожен внешними врагами и внутренними предателями.

Алекс Шу

Последний солдат СССР

Ответный удар

Пролог

Два разговора

26 декабря 18:15. Москва. ул. Чайковского. Посольство США

Дерек Росс кипел от гнева. Он с трудом сдерживался, чтобы не наорать на виновато опустившего глаза подчиненного. Таким главного аналитика Центра Специальных Операций ЦРУ никогда не видели. Налитое кровью лицо обычно невозмутимого полковника перекосилось в злобном оскале. Нервно подрагивающие пальцы лихорадочно крутили позолоченный «Паркер». Немигающий взгляд пылающих яростью глаз напоминал кобру, приготовившуюся к броску.

Эндрю Вуд, сидевший напротив шефа, не мог заставить себя поднять глаза. Он осознавал свою вину, и не находил слов для оправдания. И что гораздо страшнее, не мог предложить план действий, позволяющих быстро исправить сложившуюся ситуацию или свести к минимуму полученный ущерб. Это был оглушительный провал. Такой, какого ЦРУ ещё не знало за всю свою историю. Четыре трупа американских граждан, переодетых в санитаров «Скорой» на территории потенциального противника. Убитый советский военный. Исчезнувший в неизвестном направлении школьник, которого должны были тихо похитить, допросить, а потом, возможно и ликвидировать, замаскировав смерть под несчастный случай.

Опытный оперативник понимал, в какую огромную зловонную кучу дерьма он попал вместе с шефом. Последствия должны были быть катастрофическими, и для их карьеры, и для ЦРУ, не говоря уже о международном имидже США.

В ноябре прошли выборы в конгресс, закончившиеся победой демократов. Лидеры республиканцев Ховард Бейкер, Тед Стивенс и Боб Пэквуд, наверняка не упустят шанс раздуть скандал, и взять своеобразный реванш за проигрыш. Дело вполне могло окончиться импичментом президента Картера. Массовый провал агентов ЦРУ по всему миру, убитые американцы в Новоникольске могли спровоцировать такую волну разборок среди политического истеблишмента США, что мало бы не показалось никому.

— Ты понимаешь, что произошло? — холодно процедил Росс, не сводя злого взгляда с оперативника.

— Понимаю, — буркнул Вуд. Он по-прежнему избегал смотреть в глаза шефу, с которым его связывала многолетняя дружба и совместная работа.

— Да ни черта ты не понимаешь! — взорвался Дерек. Позолоченный «Паркер» с громким треском сломался напополам, залив трясущиеся пальцы и лакированную коричневую столешницу лужицей чернил. Полковник брезгливо сморщился, аккуратно подцепил ногтями лист из стопки, лежащей перед ним, промокнул им расплывающуюся синюю лужу, взял второй и, шелестя бумагой, тщательно обтер пальцы. Затем полез в карман пиджака, стараясь его не заляпать, вытащил пачку салфеток и повторил процедуру. Листы вместе с салфетками отправились в стоящую у стола мусорную корзину, и Росс снова повернулся к Эндрю.

— Ты, наверно, уже осознал, что мы попали в большую задницу? Большую, черную и целлюлитную. Как будто провалились в вонючее черное дупло свиноподобной негритянки, ежедневно пожирающей пару десятков гамбургеров и килограмма полтора картошки фри. И теперь плещемся в говне, мать твою! — брызгал слюной полковник. — У нас были

негласные договоренности с КГБ и ГРУ. На территории США и СССР силовые акции не проводятся. Теперь этими договоренностями можно вытереть задницу. Сейчас Советы будут нас иметь, как захотят. А всё потому, что вам было поручено простое дело, аккуратно и без шума упаковать школьника в «Скорую» и отвезти в приготовленное место, а вы устроили маленький Армагеддон с пятью трупами. И что самое паршивое, там не только наши агенты, которые есть во всех картотеках русских, но и советский военный. Ты хоть размеры грядущей катастрофы представляешь?

Подчиненный горестно вздохнул и кивнул.

— О последствиях продолжим потом, — чуть успокоившийся Росс немного сбавил тон. — Сначала я хочу услышать, как можно было так обосраться, черт тебя подери? Ты успешно организовывал и исполнял операции намного сложнее, чем поимка какого-то сопливого русского мальчишки. Неужели это было так трудно? Почему, вы все так облажались? Четыре трупа, Горовиц, Майкл, Джон, ещё эта дура Пауэл зачем-то из машины вылезла. Как ты это допустил Эндрю, мать твою!

— Все было просчитано до мельчайших деталей, — угрюмо пробубнил Вуд. — Вы же сами добро дали. Никто не ожидал, что так получится.

— А надо, надо было ожидать! — заорал Дерек, и с силой стукнул кулаком по лакированной столешнице. — Теперь все. Конец. Наша карьера пошла коту под хвост. Такого провала нам никто не простит. Вся жизнь под откос из-за какого-то мальчишки.

— Я знаю, шеф, — грустно ответил Вуд.

— Рассказывай, что произошло во всех деталях и подробностях, — приказал полковник. — Будем думать, что дальше делать.

— План я согласовал с вами. Вы читали подробный отчет. Все должно было сработать, с учетом психологического портрета, возраста и характера объекта. 17-летний мальчишка просто не мог не прибежать к матери, тем более что, теоретически, она могла пойти на работу этой дорогой, чтобы сократить путь. Через свою московскую агентуру подобрали машину «Скорой», медицинские халаты. Все было продумано идеально. В конце концов, мы же не опытного оперативника ГРУ должны были взять, а тинейджера. Его должны были схватить в машине, сделать укол и перевезти в частный дом нашего агента, где его ждал я. «Скорую» милиция не останавливает, а если бы тормознули, документы в порядке, в машине лежит умирающий больной без сознания. Мы собирались его допросить, а потом действовать, исходя из полученной информации. Никаких проблем не намечалось. Но здесь возник неучтенный фактор. Все наши планы спутала роковая случайность. Вместе с Шелестовым-младшим оказался военный с оружием. Как я предполагаю, нашим сотрудникам пришлось импровизировать на ходу. И этот военный что-то заподозрил и начал стрелять. А потом бой включился школьник, отлично владеющий рукопашным боем. Результат вы знаете...

— Знаю, — кивнул Росс. — Одно замечание. Это не роковая случайность, а отвратительная оперативная работа. Такую возможность вы были обязаны предусмотреть. И не сделали этого. А ведь можно же было собрать более полную информацию, узнать, что Шелестова иногда возят на машине, и подкорректировать план захвата, с учетом этой детали.

— На машине он ездил нечасто, — вздохнул оперативник, — и с таким же парнем, постарше на два-три года. Только когда к детдомовцам отправлялся или к деду. А так всё время пешком или на общественном транспорте. Кто же мог предусмотреть появление

военного с оружием? Это было непрогнозируемо. Особенно с учетом того, что устраивать круглосуточную слежку за Шелестовым в маленьком городе, мы не могли. Это не Москва. Слишком много было рисков, что привлечем к себе внимание. Обращаться к местным, тоже не вариант. Постоянной агентуры у нас в Новоникольске нет, а договариваться с уголовниками или мелкой шпаной — высокий шанс засветиться. Даже если таких найти, то финал был бы предсказуемым. Слежку, сто процентов заметили, если не сам школьник, то его друзья и знакомые. А могли и завербованные агенты нас слить. Шелестов-младший — личность в городе известная. И «Красное Знамя» — клуб популярный.

Здесь ещё один фактор надо учитывать. В доме живет много отставников Советской Армии. Это специфическая публика. Отец — непростой человек, военспец, бывший советником в разных странах. Руководитель клуба — в прошлом офицер спецподразделения ГРУ. Парней, тренирующихся в «Знамени» натаскивают как боевиков. Тем более что школьника уже похищали. И сейчас все его знакомые, соседи, одноклубники вдвойне настороженно относятся ко всем незнакомым, возникающим в поле зрения. В общем, мы не рискнули.

— Это ещё раз доказывает аксиому, что любую акцию надо готовить тщательно. И к операции со школьником надо относиться так же скрупулезно как к захвату матерого профессионала-агента КГБ. Это была большая ошибка, — процедил Росс и махнул рукой, обрезая оперативника желающего что-то ответить. — Молчи. Знаю. И моя тоже. Мы все обделались. После ряда успешных операций в Восточной Европе, Латинской Америке и Африке, расслабились. И поплатились за это.

Эндрю вздохнул и спросил:

— Что теперь делать?

— Меня срочно вызывают в Лэнгли. Там уже, естественно, в курсе событий. Будут иметь, во всех позах, — поджал губы полковник. — Дело может окончиться даже моей отставкой. Но я постараюсь убедить начальство дать нам срок до середины января.

— До первого заседания нового конгресса? — сообразил Вуд.

— Именно, — усмехнулся главный аналитик Центра Стратегических операций ЦРУ. — Пока не соберется новая Палата Представителей, импичмент старине Джимми не грозит. А быстро она не соберется. Скандал только начинает раскручиваться. И наша группа, если у меня получится убедить адмирала Тернера и Кейси, а им — президента, продолжит заниматься этим делом. Правда, потом на нас спустят всех собак. Если, конечно, мы не сумеем хоть частично компенсировать свой провал, удачной акцией. И здесь тебе Эндрю представляется случай хоть как-то реабилитироваться. Я предварительно связался с адмиралом. Он, конечно, в гневе, но согласие дал. Тебе выделяют наших лучших русских агентов, любые финансовые и технические фонды, в разумных пределах, естественно. Только поймай мальчишку. Пацан, регулярно общающийся с Иващутиным, участвующий в операциях ГРУ, очень непрост. Есть у меня ощущение, что он ключ ко многим происходящим событиям. А интуиция, как ты знаешь, меня ещё никогда не подводила.

— Сделаю, сэр, — в голосе оперативника появились стальные нотки, на скулах заиграли желваки. — Всё что смогу, и не только.

— Иди, работай, — вздохнул полковник.

— Окей, — кивнул Вуд и встал.

— Подожди, — окликнул его шеф возле двери.

Эндрю неторопливо обернулся. На лице Росса играла злобная ухмылка.

— Кстати, ты в курсе, что не только мы накосычили? Наши друзья из КГБ тоже жидко обделались.

— Да. Сегодня утром они пытались взять деда школьника. Генерал начал отстреливаться. Он погиб как мужчина в бою, положив двух сотрудников, приехавших его брать, — улыбнулся оперативник.

— Мария сказала? — уточнил шеф.

— Да, она как раз от вас возвращалась со сфабрикованными документами на Шелестова-старшего. А почему бы и нет? Мы работаем над одним делом.

— Понятно, — задумчиво протянул шеф. — Беда с этими Шелестовыми. И мы, и КГБ с них зубы обломали. Ладно. Как там у русских говорится? Первый блин комом?

— Именно, — кивнул Вуд. — Известная поговорка. Покойный Майкл её любил. Я с ним и раньше в паре дел пересекался. Жалко парня и всех остальных тоже. Особенно Мэтью и Джину. Хорошие оперативники были, хоть и со своими тараканами.

— Можешь идти, я тебя больше не задерживаю, — сухо распорядился нахмурившийся полковник. — У тебя есть шанс поймать мальчишку и отомстить за их гибель.

— Конечно, сэр, — кивнул Вуд и открыл дверь.

26 декабря. Кремль. Кабинет Андропова. 19:40

— Что скажешь, Евгений Петрович? — голубые глаза Андропова из-под очков смотрели холодно и отстраненно, губы сжались в тонкую полоску. Холеное лицо председателя КГБ было спокойным и немного презрительным. Но внешняя невозмутимость была обманчива. Давно знавшие Андропова сослуживцы и близкие могли увидеть, что Юрий Владимирович напряжен и очень зол. Тонкие пальцы периодически постукивали по столешнице. От фигуры председателя КГБ веяло арктическим холодом и суровой монументальностью, как перед вынесением расстрельного приговора. Питовранов, обладавший чутьем матерого волка, отточенным ещё во времена сталинских «чисток», оценил настрой шефа и внутренне напрягся.

— Виноват, Юрий Владимирович, прокололся. Задание мы не выполнили. Мои сотрудники, конечно, напортачили, спорить не буду. Но здесь ещё сыграло роковое для нас стечение обстоятельств. Люди, опытные, и клянутся, что делали всё чисто. Ни одного громкого звука не издали при проникновении в дом генерала. Не знаю, почему Шелестов не спал, как ему удалось заметить наших оперативников, но факт остается фактом. Когда мои люди открыли отмычкой дверь, он уже их ждал с пистолетами в руках. Я сначала подозревал, что где-то протекло. Но тщательно всё обдумал и решил, что это невозможно.

— Почему невозможно? — Андропов продолжал сверлить глазами Питовранова, ожидая продолжения.

— Потому что, приказ они получили в последний момент. Я специально дал инструкции, чтобы во время подготовки акции они были вместе. Теоретическая возможность, что кто-то из них смог узнать телефон генерала и предупредить его, имеется. На практике это бы заняло определенное время и в таком случае, Шелестов-старший нашёл бы как обезопасить себя. Подключил бы Ивашутина, устроил бы ловушку во дворе, и взял бы моих людей «тепленькими». Или просто уехал бы с дачи. На самом деле, все обстоятельства перестрелки говорят о том, что наших людей он обнаружил в последний момент, и времени хватило только на то, чтобы схватить пистолеты и приготовиться их встретить.

И ещё один аргумент в пользу моей версии. А какой смысл, неоднократно проверенным

сотрудникам, которых мы использовали в самых деликатных делах, предупреждать незнакомого генерала? Тем более самим подставляться под пули. На волге приехало четверо. Двое убито. Один ранен тяжело, другой — легко. Целым не ушёл никто.

— Очень плохо, Евгений Петрович. Сейчас такая буча поднимется. Константин Николаевич Шелестов — не какой-то мальчишка, а генерал-лейтенант со связями и друзьями в самых высших кругах Министерства Обороны. С ним даже Дмитрий Федорович в приятельских отношениях, — Андропов не повышал голоса, но каждое слово звучало очередным гвоздем, забиваемым в крышку гроба Питовранова.

— Мы можем всё обернуть в свою пользу, — торопливо заговорил глава «Фирмы», надеясь переубедить шефа, — вчера я общался с нашими американскими партнёрами. Они уже сфабриковали документы по сотрудничеству Шелестова с ЦРУ, спрашивали по каким каналам их слить.

— Не надо уже ничего сливать, Женя. Поздно, — вздохнул Юрий Владимирович. — Раньше надо было это делать, а не тянуть время. И Остроженко я отбой дал. Хорошо, что он наш человек и дальше его это не пойдёт.

— Но как? — растерялся Питовранов. — Почему? Да, Шелестов погиб, но мы можем все равно использовать эти материалы для его дискредитации и, соответственно, дальше по цепочке подтянем Иващутину.

— Женя, ты, похоже, совсем думать разучился. Или неудача с Шелестовым тебя так потрясла, что два плюс два сложить не можешь, — председатель КГБ, тяжело вздохнул, снял очки. Дужки громко клацнули о поверхность стола.

— Поясните, Юрий Владимирович, — подобрался Питовранов.

— Что тебе пояснить? — устало вздохнул Андропов. — Все же очевидно. Если бы нам удалось взять генерал-лейтенанта и выбить с него показания, мы бы были на коне. Все эти успехи Иващутину, встречи обоих с Машеровым, не просто так. Я нутром чую, что они что-то задумали. Смотри, что получается, ГРУшники обезвреживают предателей сами. Они наплевали на правила игры, на необходимость прежде всего уведомить Следственный комитет КГБ. Арестовывают офицеров в серьезных званиях. Значит, что получается? КГБ и его председателю они не доверяют. Почему? Здесь возможны два варианта. Первый. За Иващутиним стоит член Политбюро, который хочет меня подсадить. Вопрос, зачем, мы пока откладываем, вариантов много, будем все рассматривать, потеряем время. Но это маловероятно. Я всех как облупленных знаю. Никто на такую игру против меня не способен. Кроме Щелокова. Он, да, может. Но зачем Николаю Анисимовичу Иващутин? У него достаточно средств и людей, чтобы под меня копать. А личная дружба с Лёней позволит чувствовать себя неуязвимым. Разумеется, пока Брежнев генсек. Возможно, что Щелоков обратился к Иващутину, поскольку у начальника ГРУ, есть внешняя агентура и специалисты, способные накопать на меня компромат. Но это слишком фантастично звучит. Не каждый будет работать против председателя КГБ. К тому же у нас своя агентура в ГРУ есть. А там тишь да гладь, ничего особо подозрительного, за исключением успехов со шпионами.

На всякий случай мы проверили. Никаких контактов между Щелоковым и Иващутиним не обнаружено. Знают друг друга, да. Здороваются при редких встречах. Но и только. Здесь ещё много вопросов возникает. Например, как сотрудники ГРУ за короткий срок провели масштабную чистку предателей? Поэтому первую версию я решительно отбрасываю.

А вот вторая всё как раз объясняет. Подозреваю, что Иващутин знает о наших планах и контактах с американцами. Если взять за основу эту версию, всё становится на свои места.

Давай прикинем, откуда он мог получить информацию о десятках шпионов и двойных агентов в ГРУ и КГБ. Такие сведения мог дать только кто-то из высшего руководства ЦРУ. О нас с тобой знают несколько человек — президент США, главы ЦРУ и АНБ, пара-тройка сотрудников из их ближайшего окружения. Теперь предположим, что начальнику ГРУ слили информацию не только о перебежчиках и агентах, но и о нашем сотрудничестве с американцами. Тогда все выстраивается в стройную логическую цепочку. Становится понятно, почему Ивашутин не обратился ко мне, и действовал самостоятельно. И обрати внимание, не позвонил, и не попытался объясниться со мной хоть как-нибудь за свои действия.

Также ясно, почему начали с Горбачева. Он наше слабое звено. В ЦК КПСС не вошёл, в Ставрополье на него много компромата. Говорил я ему, чтобы аппетиты поумерил, был поскромнее, не слушал. На словах согласился, а потом, эта ненасытная стерва Райка, опять его настропала. Брал налево и направо. Царьком себя чувствовал и доигрался.

Теперь смотри, что получается. Против нас играет не только Ивашутин, со своими сотрудниками, но и ещё целая группа людей. У него просто не было таких ресурсов, чтобы провести масштабное расследование в Ставрополье. И кто-то же сохранил оперативные материалы на Горбачёва, а потом любезно передал их сотрудникам. Расследование было проведено действительно грандиозное, я интересовался. Вскрыть такой пласт информации за короткое время без помощи определенных людей в партийных структурах и милиции невозможно.

Так вот, возвращаемся к операции с генерал-лейтенантом Шелестовым. Если бы удалось его взять и расколоть, мы бы поняли, что они с Ивашутинным знают, какие действия готовят. С высокой долей вероятности, могли бы даже узнать, кто им дал информацию о двойных агентах и предателях и сообщил о наших планах. Мы ведь озвучивали их на переговорах с американцами, когда договаривались действовать совместно.

Генерала можно было представить заговорщиком, используя полуправду. Можно было даже морально сломать его, напомнив о сыне, супруге, любимом внуке, которые могут неожиданно умереть, и заставить наговорить на камеру все, что нам нужно. А потом убить при попытке к бегству.

С такими доказательствами, да и ещё и признаниями, выбитыми Остроженко и документами, сфабрикованными ЦРУ у нас был полный карт-бланш. И никто бы после этого неудобных вопросов не задавал. Победителей не судят.

А что получается сейчас? Генерал погиб, застрелив двух неизвестных, которые оказываются бывшими сотрудниками госбезопасности. На самом деле они оперативники твоей «фирмы», но об этом, никто кроме нескольких твоих доверенных людей не знает, правильно?

Питовранов кивнул, продолжая внимательно слушать шефа.

— Теперь если предъявим документы об измене генерала Шелестова, возникнет сразу много вопросов. Прежде всего, к нам. Почему его брали какие-то неизвестные отставники, а не группа «А», задерживающая шпионов такого ранга? Что за ночной штурм дачи? Неужели нельзя было арестовать Шелестова без лишнего шума и пыли, в Министерстве Обороны вызвать в какой-то кабинет, раз были основания для задержания. Или просто быстро взять у входа в московскую квартиру? Где дело, необходимые следственные действия, почему не был подключен Следственный отдел КГБ или особисты из контрразведки? И учти, если мы начнем оформлять документы задним числом, об этом сразу же узнает Леня, а вместе с ним

и всё Политбюро. Не зря он ко мне приставил Цвигуна и Цинева. Мимо них такие действия точно не пройдут. А это уже пахнет фальсификацией. И одновременно против нас будет активно копать обозленный Иващутин. Не останутся в стороне друзья Шелестова среди руководства армии. Они не только до Устинова, до Брежнева дойдут. Константина Николаевича знают, и в его предательство без железных доказательств не поверят. Те документы, которые будут у нас, такими не являются.

В общем, подведем итог. В случае удачи, мы бы были на коне. Тихо взяли генерала на даче, допросили, получили сведения, и прикинули, как их использовать. И самое главное, разобрались, что ими движет, что задумали заговорщики, и как намерены действовать в дальнейшем. Но получилось по-другому. Твои люди провалили дело. После перестрелки на даче и смерти генерала, давать ход этим документам — себе срок подписывать. Слишком многое не сходится и вызывает обоснованные вопросы. Посадить, может быть, и не посадят, черт его знает, но на почетную пенсию точно спроведят.

— И как мы теперь будем действовать? — Питовранов подобрался. От ответа шефа зависело, списал ли он Евгения Петровича или у него ещё есть шанс.

— Пацана искать, — криво усмехнулся Андропов. — Думаю, он много интересного знает, недаром его наши американские друзья похитить хотели. Слышал?

— Конечно, — кивнул Питовранов, — такое пропустить невозможно. Скандал серьезный. Пять трупов. Один наш военный.

— Это старшина Виктор Попов — бывший водитель Шелестова-старшего, — криво усмехнулся Андропов.

— Так может, под это дело, и оперативную комбинацию сварганим? — оживился Евгений Петрович. Стекла очков руководителя «Фирмы» азартно блеснули.

— Документы об измене генерала у нас есть. Если подумать, можем сделать красивую версию событий. Мол, сначала решился сотрудничать, а потом заартачился, вот ЦРУшники и решили его внука схватить.

— Нет, — голосом Андропова можно было заморозить весь Кремль. — Скандал сейчас начнёт разгораться. Мы тоже получим на орехи. Пока, затихнем, подождём. А документы всё-таки у американцев возьми. Признания, выбитые Остроженко, я тоже тебе передам. Попридержим их до поры до времени. Поймаем мальчишку, выпотрошим его, будет видно, что делать дальше. Не зря же наши американские друзья нацелились на него, а нам ничего не сказали. Я думаю, пацан может много интересного нам поведать.

— Твоя главная задача — мальчишка. Ищи его, Евгений Петрович. Найдешь, можешь считать, наполовину свой сегодняшний промах искупил, — добавил после паузы председатель КГБ.

Питовранов облегченно выдохнул про себя.

«Слава богу, в этот раз пронесло, ещё побарахтаемся».

Но вслух сказал:

— Буду землю рыть, Юрий Владимирович, но этого щенка найду, можете не сомневаться.

26 декабря 1978 года

Вечер

— Иэх, — топор безжалостно обрушился на толстое суковатое полено и с хрустом перерубил его на две части. Крепкий седобородый мужик лет шестидесяти выдохнул облако белого морозного воздуха, засадил лезвие топора в чурбан и распрямылся. Смахнул серым рукавом телогрейки мутные капли пота, сбив на бок ушанку, оставляя на лбу грязные следы.

Я тихонько постучал по деревянным доскам калитки. Старик обернулся и увидел меня. Глянул из-под косматых седых бровей и хрипло спросил:

— Чего тебе, парень?

— Здравствуйте, Иван Дмитриевич, — дружелюбно улыбнулся я.

— Ну здравствуй, коли не шутишь, юноша, — усмехнулся седобородый. — Чего надобно?

— У меня к вам письмо от Константина Николаевича.

— Какого Константина Николаевича? — прищурился старик. Под его изучающим тяжелым взглядом я почувствовал себя неудобно.

«А старик хватку то не потерял. Матерый волкодав. Именно так и определяются бывшие менты и гебешники. По специфическому, давящему взгляду. На подследственных или подозреваемых так смотрят. Или на подозрительных, незнакомых людей. Профессиональная деформация. Надеюсь, дед, ты знал, что делал, когда писал записку-письмо», — мелькнула в голове тревожная мысль.

— Генерал-лейтенанта, Константина Николаевича Шелестова. Он просил передать, что время отдать должок наступило и ещё вручить вам лично в руки письмо от него, — на одном дыхании выпалил я.

— От Кости, значит? — из взгляда ушла настороженность. — А ты кто, будешь, юноша? Что у тебя с бровью?

Я машинально потрогал пальцем полоску пластыря.

— Так получилось. Я вам чуть позже все расскажу.

Дед продолжал внимательно изучать меня.

— Станный ты, парень. Непонятный. Не на занятиях почему-то. В твоём возрасте молодежь где-то учится или работает, коли постигать науки не хочет. И куртка у тебя интересная. Немного мятая и, похоже, наспех от грязи очищена. Повторю вопрос: Кто, ты такой, юноша?

— Внук Константина Николаевича Шелестова, Алексей.

— Внук, говоришь? — прищурился дед. — А, похож. Вылитый Костя, в молодости. Только пониже да пожиже.

— Мы так и будем стоять на морозе? Или позвольте мне в дом войти? — саркастично поинтересовался я. — Мне точить лясы с вами недосуг. Записку вам от деда хотел передать. Но если она вас не интересует, не отнимайте у меня время, скажите и я уйду.

— Ты гляди, какой ершистый, — усмехнулся Иван Дмитриевич, — Костя в твои годы таким же был. Конечно, позволю. Куда я денусь?

Старик неторопливо двинулся навстречу. Хлопья снега сочно хрустели под толстыми серыми валенками. Крепкая мозолистая ладонь сдернула защелку, и распахнула жалобно скрипнувшую калитку.

— Заходи.

Я не заставил себя упрашивать и юркнул во двор, придерживая рукой лямки рюкзака.

Дед ещё раз окинул меня внимательным взглядом, развернулся и зашагал к дому. Я шёл следом, смотрел на маячившую впереди широкую спину в старой серой телогрейке с вылезшими на плече нитями ваты и прикидывал, как построить разговор. Чувствовал, что человек явно не простой. Да и дед кое-что о нём рассказал, когда письмо передал.

Дверь оказалась не заперта, старик дождался меня, распахнул её и жестом пригласил зайти.

— Обувку свою в тамбуре скидывай, грязь не заноси. У меня слуг нет, сам убираюсь, не барин, чай, — ворчливо предупредил меня хозяин.

Из раскрытой двери потянуло теплом и домашним уютom. Меня немного развезло, и дед это сразу заметил.

— Давно на морозе бегаешь? — усмехнулся он, закрывая дверь.

— Часа два, — честно признался я. — До Авдеевки автобусом добирался, а потом пришлось к вам шагать. Вы, как партизан, Иван Дмитриевич, в такую глушь забрались, что так просто не добраться.

— Знаю, — улыбнулся дед. — У нас транспорт редко ходит. Мало людей здесь осталось. В Авдеевке, и клуб, и магазин большой, и колхоз под боком. Школа с библиотекой имеются. Вот народ туда и потянулся к цивилизации поближе. А здесь уже мало кто живет. Умирает Терехово. И до войны всего лишь несколько семей жило. А сейчас вообще, только я, да ещё пара старух соседок осталось. Да семья одна выбрала дом, получила ордер у председателя, и сюда перебралась. Отчего, не ведаю. Неудобно тут. Даже в магазин нужно в соседнюю деревню идти минут пятнадцать. Кстати, тебе нужно было до Боровков доехать, а не в Авдеевке сходить. Быстрее бы добрался.

— Ага, — ухмыльнулся я. — Уже знаю. Просветили люди добрые по дороге. С одной из ваших соседок тоже познакомился. Она мне и подсказала, как ваш дом найти.

— Это какой соседкой? — нахмурился дед, — высокой и худой или низкой и полной?

— Со второй. Сидела на лавочке у дома, закутанная в серый платок почти до самых глаз. Марьей Тимофеевной представилась. Перед тем как рассказать, как к вашему дому пройти, выпрашивала, по какому делу приехал, и кем вам прихожусь.

— И что ты ей сказал? — дед ухмыльнулся уголками губ и с интересом ждал ответа.

— Что родственник ваш — внучатый племянник, и приехал навестить. Иначе бы не отстала, и как дом найти не рассказала. Дед такую ситуацию предусмотрел и предупредил, как и что говорить. Он знал, что вы живете один, изредка сын приезжает, и с местными особенно не откровенничаете.

— Костя меня как облупленного знает, — ухмыльнулся Иван Дмитриевич, — считай, с тридцатых годов знакомы. И виделись часто, пока я в это захолустье не уехал. Как он там поживает?

— Умер сегодня утром, — перед глазами встало улыбающееся лицо деда, к горлу подкатил ком, грудь сперло спазмом. Я резко выдохнул, всхрипнул, и стиснул челюсти, пытаясь держать себя в руках. Горечь свежей потери рвала душу. Когда я об этом не думал, все было относительно нормально. Как только вспоминал деда, хотелось выть и крушить всё вокруг. Было очень больно. Даже в прошлой жизни я так не переживал его смерть.

— Мои соболезнования, — посерьезнел хозяин. — Светлая память Константину Николаевичу. Настоящим мужиком и человеком был. Таких сейчас уже не делают.

Старик замолчал, насупившись и задумавшись. Даже лицо немного обмякло и осунулось, возле губ проступили трагические складки, резче обозначились морщины на лбу и под глазами. Известие о смерти старого товарища его явно расстроило.

— Ладно, — вздохнул Иван Дмитриевич. — Не стой на пороге. Ботиночки свои скидывай, куртку на крючок вешай, и в комнату проходи. Там обо всём поговорим.

— Ага, — кивнул я, повесил куртку и присел, развязывая шнурки на ботинках.

— Надевай, — возле меня с глухим стуком упали войлочные тапочки.

— Спасибо, — поблагодарил я. Ногам сразу стало тепло и уютно.

— А чего шапку не снимаешь? Боишься, продует? Так и будешь в ней по дому ходить? — дед иронично поднял бровь.

— Вы, Иван Дмитриевич, слишком много вопросов задаете. Как на допросе. Похоже, задавать вопросы когда-то было вашей профессией, — пробурчал я.

— Ты смотри, и тут угадал, — криво усмехнулся старик. — И ведь не поспоришь. В точку попал. Из бывших я.

— Ментов или гебешников?

— Откуда вы такие шустрые беретесь? — притворно удивился старик. — Тебе вопросы мои не понравились, а сам допрос мне устраиваешь. Вот, посидим чайку с баранками откушаем, я письмо Кости прочту. После, может, и отвечу тебе, коли нужным сочту. Ты шапочку-то снимай. Не стесняйся.

«Петушок» снимать не хотелось, но пришлось. Я вздохнул и стянул шапку.

— Мда, всё страньше, и страньше, как когда-то говорил мой начальник, — протянул дед, рассматривая мою макушку, залепленную тонким слоем бинтов и держащуюся на пластырях у висков и на шее. — И как это понимать?

— Получилось так, — смущенно пробормотал я. — Потом расскажу. Вы записку сначала прочтите.

— Проходи, Алеша, — дед неловко посторонился, пропуская меня в комнату. И когда я сделал шаг вперед, резко притиснул меня к стене, придавив горло предплечьем, а его здоровенная лапа, задрав свитер, вытащила «бульдог» у меня из-за пояса. Дуло пистолета уперлось мне в бок. Я был настолько ошарашен, что даже не сопротивлялся.

— Очень прошу, не дергайся, — тихо попросил дед. — Если ты ко мне без злого умысла пришел, всё будет нормально. Просто не люблю, когда ко мне в гости со стволами являются. Всякое в жизни бывало, и одну важную истину я хорошо усвоил — иногда лучше перестраховаться.

Затем меня ухватили за шиворот и резко развернули лицом к стене. Здоровенная пятерня прошлась по карманам, похлопала по груди и спине, забрала рюкзак. В руки Ивана Дмитриевича перекочевал миниатюрный «дерринжер».

— Ни черта себе, — выдохнул старик, продолжая удерживать меня. — Дирринжер, настоящий. Я такой только у американских офицеров в 45-ом видел. Ты случаем, Леша, в ЦРУ не подрабатываешь?

— Наоборот, — буркнул я. — Сам от них прячусь.

— Так, Алексей, я тебя отпущу, только ты, повторяю, не буянь, не надо. Навыки у меня ещё остались, могу ненароком стрельнуть и тебя положить. Письмо где?

— В боковом кармане рюкзака.

— Замечательно.

Рука старика перестала прижимать меня к стене.

Я развернулся. Старик уже отошел на пару шагов и внимательно контролировал каждое моё движение.

— Ты в комнату-то проходи, — пригласил хозяин.

Я зашел и осмотрелся. У дальней стенки — печка с дымоходом, уходящим в потолок и лежаком. Из-под заслонки идет волна тепла, слышится треск горящих дров. Посередине комнаты старый стол с потертой скатертью. Рядом четыре деревянных стула. На столе возвышается дымящийся самовар. Недалеко от него чашка с блюдечком и холодильник с вязанкой баранок наверху.

— Присаживайся, — Иван Дмитриевич кивнул на стулья, продолжая держать пистолет наготове, — а я пока сидор твой посмотрю. Может, там тоже чего интересного найду.

— А вам не кажется, что лазить по чужим вещам, нехорошо, — не удержался я. — Как-то это непорядочно выходит.

— Не кажется, — отрубил старик. — Ты сам посуди. Приходит молодой парень, говорит, что внук старого друга. Вид такой, словно его крепко били. За поясом ствол. В заднем кармане второй. И как я, по-твоему, должен на всё это реагировать? От излишней доверчивости меня жизнь давно отучила. Много моих друзей в могилах лежат из-за недостаточной бдительности. Да и у меня был случай...

Иван Дмитриевич замолчал, задумавшись.

Внезапно картинка перед глазами потеряла четкость, затуманилась и поплыла. Очередное видение накатило неожиданно, и моё сознание растворилось в событиях 35-летней давности...

Лето 1943 года выдалось жарким. Девятнадцатого апреля вышло постановление Совнаркома о передаче особых отделов НКВД в ведение Народного Комиссариата Оборона и о реорганизации его в Главное управление контрразведки НКО «СМЕРШ» для борьбы с антисоветскими деятелями, шпионами, диверсантами и другой агентурой немцев, ведущих в тылу Красной Армии террористическую и иную подрывную деятельность. А уже с наступлением июня пришлось, как следует поработать. Старший лейтенант Иван Березин вместе с боевыми товарищами занимался выявлением групп немецкой агентуры на территории Приморской оперативной группы. По данным УКР «СМЕРШ» Ленинградского фронта летом немцы начали массовую переброску агентов именно на этом участке.

С разведшкол фашистской разведки в Риге, Вентспилсе, окрестностях Таллина, мысе Кумна засылались диверсанты и шпионы, набранные из пленных красноармейцев, моряков Балфлота и идейных противников Советской власти, добровольно пришедших служить рейху.

Генерал-майор Александр Семенович Быстров, руководивший управлением контрразведки СМЕРШ по Ленинградскому фронту и его заместитель полковник Иосиф Лоркиш разработали план мероприятий по противодействию агентуре противника.

На передовой были выставлены секреты и засады. Работали патрули, проверяя всех подозрительных лиц. Были созданы и подготовлены 34 специальные поисковые группы, патрулировавшие населённые пункты, леса и побережье Финского залива. Сотрудники СМЕРШ действовали под видом крестьян, заготавливавших дрова и косивших сено, собиравших ягоды и грибы. Изображали красноармейцев, выписавшихся из госпиталей и следовавших в свои части. Пять человек под видом рыбаков находились в деревне Лахта. Две группы оперативников СМЕРШ работали на ленинградских вокзалах.

Старший лейтенант Иван Березин руководил двумя оперативно-поисковыми группами. Задача, поставленная командованием, была проста — патрулирование побережья и прилегающей к нему территории в районе Ладожского озера, от Коккореево до близлежащих поселков и населенных пунктов. В первую он назначил руководителем сержанта Семенова — невысокого кряжистого мужичка лет 45-ти, служившего в особых отделах НКВД с начала войны и отлично знавшего свое дело. Вторую возглавил сам. Группы должны были патрулировать побережье, разъехавшись в разные стороны на мотоциклах М-72, с пулеметами Дегтярева, установленных на колясках.

На подъезде к лесной опушке группа Ивана заметила трех человек. Двоих красноармейцев и одну девушку в гражданской одежде, бодро шагавших по дороге.

Увидев бойцов РККА, подъезжающих к ним на мотоцикле, троица остановилась.

— Глушков держи их на прицеле, на всякий случай, — тихо бросил Березин, рассматривая военных и девушку. Крепкий 30-летний ефрейтор кивнул, и плотнее перехватил приклад, направив пулемет на троицу.

На вид в красноармейцах и сопровождающей их девушке не было ничего необычного. Высокий парень лет 25-ти и плечистый дядька с угрюмым лицом с возрастом под полтинник. В гимнастерках и пехотных полевых погонах. У парня — погоны с красными нашивками: большой поперечной и меньшей продольной.

«Старшина», — отметил Березин.

Хмурый мужик был рядовым.

Оба с вещмешками, закинутыми на плечи. Девчонка совсем молодая и достаточно привлекательная. Копна русых волос, вздернутый маленький носик, пухлые губки, большие голубые глаза, изящная миниатюрная фигурка в белом ситцевом платье с голубыми цветочками.

«Господи, как на Таньку то похожа», — мысленно отметил Иван, «Вылитая». Но младшая сестренка вместе с родителями, эвакуированная из Киева, сейчас жила в Казахстане и появиться в зоне боевых действий никак не могла.

— Тормози, — приказал Иван. Сидевший спереди за рулем рядовой Васюта послушно остановил мотоцикл и заглушил мотор, не доезжая метров пяти до троицы, перехватил висевший спереди автомат и красноречиво клацнул затвором. Березин неторопливо растегнул кобуру, но пистолет доставать не стал. Он встал с мотоцикла, сместился вправо, чтобы не загораживать своим бойцам сектор обстрела, и сделал пару шагов вперед. Достал красное удостоверение со звездой и крупными буквами «СМЕРШ», раскрыл его, предъявил военным, и приложил ладонь к козырьку фуражки:

— Старший лейтенант Иван Березин. Отдел контрразведки «СМЕРШ» 30-ый стрелковый корпус.

Лейтенант и его подчиненные были в пехотной форме, чтобы не привлекать лишнего внимания. Но сейчас Березин «засветился» намеренно, внимательно наблюдая за реакцией военных и девчонки.

У парня и девушки ничего подозрительного Иван не заметил. А вот в глазах хмурого мужика на мгновение мелькнула растерянность. Лейтенант насторожился, но внешне остался деловитым и невозмутимым.

— Старшина 260-го полка 168-ой стрелковой дивизии Сергей Ильющенко, — отрапортовал парень, отдавая честь.

— Рядовой 260-го полка 168-ой стрелковой дивизии Григорий Мещеряков, — козырнул

хмурый мужик.

— Катя, просто Катя, местная я, — пискнула девчонка, вызвав улыбки у его ребят и Ильюшенко. Мещеряков остался таким же хмурым.

— Откуда и куда идёте? — Березин внимательно наблюдал за военными.

— А чего так строго, товарищ старший лейтенант? — улыбнулся молодой. — Свои мы. На Ораниенбаумском плацдарме воевали. Были ранены. Мне пару осколков вошли в грудь. Слава богу, на излете. А Гришу контузило, и он оглох малость. Морячки нас в Ленинград доставили. Лечились в госпитале на Энгельса. Раньше там школа была, а сейчас раненых со всего города свозят. После выписки на пару часов заехали к родственникам Мещерякова. Сейчас идем от них в Коккореве. Катюша с нами увязалась, ей к родичам нужно. Проводим девушку к родным, а потом на попутной машине до Ленинграда и на фронт. Туда транспорт постоянно ходит, уверен, нас подберут.

— Понятно, — на лице Ивана не дрогнул ни один мускул. — Значит так, старшина, берешь у Мещерякова книжку красноармейца и выписку из госпиталя, добавляешь к ним свои документы и передаешь мне. Не делая лишних движений. Рядовой остается на месте. У девчонки какие-то бумаги, подтверждающие личность есть?

— Нет, — мотнула головой Катя. — А зачем они нужны? До Коккорева товарищи красноармейцы проведут. А там меня многие знают.

— Товарищ старший лейтенант, — немного обиженно протянул Ильюшенко. — Всё понимаю, война, проверка. Но чего так сурово?

— Старшина, выполнять приказ, — рявкнул Березин. Пререкаться с военными он не собирался.

— Слушаюсь, — вытянулся парень. Военные достали из вещмешков документы, и через минуту Ильюшенко протянул стопку бумаг старлею.

Иван начал с документов Мещерякова. Развернул справку о ранении. Вроде всё нормально. Госпиталь № 258. Да, это тот самый на Энгельса. Названия частей тоже сходятся. Смотрим дальше. Контузия средней степени тяжести. Начальник госпиталя: подпись, Лифшиц А. В. военврач 1 ранга. Знаю Александра Владимировича. Отличный специалист и человек хороший. И подпись похожа. Если бойцы выдержат сегодняшнюю проверку, и мы решим их не задерживать, все равно нужно у него уточнить персоналии. Теперь книжка красноармейца. Особое внимание обращаем на скрепки. В начале войны немцы крупно прокололись. Подделывая советские удостоверения и документы для диверсантов и шпионов, делали скрепки из нержавеющей стали. А у нас они были железные и быстро ржавели. Много фашистских агентов в самом начале войны на этом засыпалось. Даже патрули их брали на первой проверке. Потом им кто-то из предателей подсказал. И они тоже начали использовать железные. Но Березин по привычке обращал внимание на эту деталь. Со скрепками всё нормально. Железные и немного проржавевшие. Записи стандартные. Не интересуется. Теперь документы Ильюшенко. В справке из госпиталя тоже все, как и у Мещерякова. Только проникающее осколочное ранение правой половины грудной клетки. Глянем книжку красноармейца. Уроженец какого-то села в Ленинградской области. Пока ничего подозрительного. А вот это интересно. В графе «Грамотность и общее образование» значится «Высшее. Мехмат. Ленинградский Индустриальный Институт». И закончил в 1941-ом перед самой войной. Отлично. Сейчас проверим.

— ЛИИ закончил? — уточнил Березин.

— Ага, — кивнул парень. — Мехмат, там же написано.

— Значит, почти коллеги, — улыбнулся старлей. — Я тоже. Только года на три раньше.

— У кого сопромат сдавал? У Дружинина?

— Не, — ухмыльнулся парень. — Сергей Иванович ещё в начале 30-ых в Кораблестроительный ушёл. У Овчинникова Петра Алексеевича.

— Это такой высокий и полный?

— Наоборот, маленький с козлиной бородкой, — Ильюшенко откровенно лыбился, наслаждаясь разговором.

— Да, хороший преподаватель был, студенты его любили, — кивнул Иван. — Всегда понимающим человеком был. Никогда не доставал.

— Это Петр Алексеевич? — развеселился старшина, — да он вредина каких мало. Если хоть одну лекцию пропустишь, на экзаменах лютует, может завалить со злости.

— Точно! — изобразил воспоминание Иван, — я его с Иоселяном — математиком нашим перепутал. Вот он всегда по-человечески поступал. Не то что лаборантка по химии — Светлана Яковлевна. У этой злобной старухи зимой снега не допросишься.

Парень промолчал.

«Есть», — торжествующе щелкнуло в голове у Ивана. Лаборантка Светочка была любимицей всего института, оставшись после окончания ВУЗа на кафедре химии. Эффектная стройная девушка с большой русой косой и монументальной грудью 3 размера притягивала взгляды не только студентов и молодых преподавателей, но пожилых профессоров, прекращавших диспуты при появлении, и провожающих красотку заинтересованными взглядами. Она была местной знаменитостью. И не запомнить эту девушку, во всяком случае, нормальному мужчине, было невозможно. А тут её старой гримзой обозвали и никакой реакции.

— Меня это старая сволочь заваливала постоянно. А у тебя она хоть без скандала лабораторные принимала? — невинно поинтересовался Березин.

— Да, — чуть неуверенно пробормотал Ильюшенко. — Нормальная женщина. Никаких проблем с нею не возникало.

— Странно, — старший лейтенант взялся за козырек фуражки, чуть поправив её, — а мне всегда душу выматывала.

Васюта и Глушков условный жест увидели. Внешне они остались такими же спокойными, но внутренне напряглись, приготовившись при любом подозрительном движении начать стрельбу.

Старлей продолжил рассматривать документы. Потом со вздохом, закрыл их, протянул Ильюшенко, но зацепился взглядом за справку.

— А скажи-ка мне, друг любезный, у вас тут написано, что вас выписали из госпиталя сегодня утром, правильно?

— Да, так и есть, — с достоинством подтвердил парень.

— А как такое могло быть, если госпиталь вчера спешно переводили в другое место, поближе к армейским соединениям. А Александр Владимирович ещё вчера утром уехал осматривать новое здание и принимать первых раненых и поэтому сегодня утром выписать вас и подписать справки никак не мог.

— Товарищ старший лейтенант, — начал старшина, но тут не выдержали нервы у пожилого.

— Сволочь краснопузая, как я вас всех ненавижу, — заорал он, выхватывая пистолет из-под пояса сзади.

Пророкотала короткая очередь «Дегтярева». Пули перечеркнули тело хмурого мужика наискось, разорвав зеленую гимнастерку и выбив алые брызги крови. Старшина, оскалившись, метнулся к деревьям, одновременно вытаскивая револьвер, но не успел. Березин и Васюта выстрелили одновременно. Ильюшенко заорал, споткнулся и повалился грудью в траву. На плече и ногах мнимого старшины расплывались кровавые пятна.

— Где девчонка? — крикнул Березин, держа ТТ наизготовку. Иван огляделся, и увидел слева мелькающее между деревьев белое платье с голубыми цветочками.

— Васюта, Глушков займитесь раненым и трупом, я за девкой, — приказал Иван, и помчался за Катей. Белое платье уже маячило в отдалении, но старлей уверенно сокращал расстояние.

— Стой, стой, стрелять буду, — гаркнул он, но Катя только отчаянно заработала локтями, и прибавила ходу. Как она ни старалась, тренированный старлей догонял беглянку. Иван уже ясно различал голубые цветочки на ситцевом белом платье. Но девчонка, поднажав из последних сил, снова увеличила расстояние.

Иван на бегу вскинул ТТ, прицелился в ногу, но отвел ствол.

«Не могу, как же она всё-таки Таньку напоминает. Вылитая. Может случайно к этим прибилудилась?» — мелькнуло в голове.

— Стоять, — закричал он и выстрелил в воздух.

Катерина от испуга дернулась, зацепилась сандалией за ветку и покатила по зеленой траве. Старший лейтенант притормозил в пяти метрах от упавшей девушки и неторопливо направился к ней, держа ТТ наизготовку.

— Пожалуйста, не стреляйте, родненький. За что? Я же своя, советская, комсомолка! Почему вы со мной так? — девушка рыдала так отчаянно и искренне, заходясь в плаче, что у старлей дрогнуло сердце.

«А если бы с Танюхой такое произошло? Ведь ссыкуха совсем. Может, правда, она ни причем?»

— Ты как в одной компании с фашистами оказалась? — грубовато поинтересовался он.

— Да не знаю я их совсем! — всхлипнула Катя. — В село зашли. К дядьке Ромке и тете Клаве, вроде их родственники. В Коккореево собирались. А мне туда тоже нужно — к брату. Время сегодня беспокойное. Батя смотрит красноармейцы, родня в нашем селе имеется, вот и попросил, чтобы меня с собою взяли. Кто же знал, что они переодетые фашисты?

— А бежала чего? — саркастически хмыкнул Иван. — Если тебе нечего скрывать, надо было остаться на месте. Мы бы разобрались.

— Так испугалась я, — воскликнула девчонка и снова залилась слезами. — Крики, стрельба, откуда я знала, что происходит?

— Допустим, — согласился старший лейтенант. — Тогда вставай. Обрато пойдём. И не переживай, если невиновата, разберёмся и отпустим.

— Ага, — кивнула Катя, вытирая ладонями прозрачные дорожки слез. — Сейчас.

Она привстала, коротко ойкнула, и снова рухнула на траву.

— Я, наверно, ногу подвернула. Или сломала, — виновато сообщила девчонка. — Не могу встать, больно очень.

— Черт, — ругнулся Березин, подходя к ней. — Ну давай посмотрим, что там у тебя.

Девчонка сделала ещё одну попытку привстать, вскрикнула и схватилась за ногу. Подол платья задрался, обнажая стройные загорелые бедра. Старлей смущенно отвел глаза, и наклонился:

— Где болит, покажи?

— Тут, — девушка смущенно указала на правую стопу. Она действительно опухла.

— Вот же ж мать твою, — озабоченно пробормотал Иван.

Ещё секунду назад, раскачивающаяся от боли и держащаяся за ногу Катя, резко вскинула руку. Из девичьей ладони на старшего лейтенанта смотрело дуло миниатюрного пистолета. Краем глаза Березин успел уловить начало движения и на инстинктах ушел в сторону, одновременно нажав спусковой крючок ТТ. Два выстрела, приглушенный и громовой, хлопнули почти одновременно. Из лба Кати плеснуло кровью, и она завалилась на спину. Бок старшего лейтенанта обожгло болью. Березин почувствовал, как горячая и липкая кровь начала пропитывать ткань гимнастерки. Старлей, скрипнув зубами от боли, задрал её вверх и осмотрел рану.

«Жить буду. Зацепило вскользь» — сделал он вывод и зажал рану ладонью. — «Надо к своим, перевязаться, чтобы не было чего»....

Видение пропало так же быстро, как и появилось. Я поднял глаза на старика.

— Я знаю, какой случай у вас был. Вы его сейчас вспоминали.

26 декабря 1978 года

(Продолжение)

— Да? — в глазах старика мелькнула насмешка. — И о чём же я сейчас вспоминал?

— О том, что произошло с вами в июне 1943 года на Ленинградском фронте, недалеко от поселка Коккореево, где до прорыва блокады проходила знаменитая «Дорога Жизни». Тогда вы были старшим лейтенантом ОКР «СМЕРШ». Патрулировали побережье Ладожского озера, наткнулись на группу немецких диверсантов, изображавших двух красноармейцев и деревенскую девушку. После короткого допроса и проверки документов вы их разоблачили. Одного диверсанта убили, второго ранили, а девушка пыталась убежать. Она была похожей на вашу младшую сестренку Татьяну, поэтому у вас рука не поднялась выстрелить ей в спину или ногу. А потом эта Катя, талантливо изобразила истерику девчонки, случайно попавшей в переплет. И вы ей поверили. Почти. А она вас чуть не убила. Достала ствол, который был прикреплен почти у самых трусов, в специальной кобуре, и влупила в упор. Вы чудом успели отпрыгнуть в сторону и на автомате выстрелили в ответ. Девку убили, но и она вас подранила.

Сейчас вспоминаете этот случай и многие другие, и мне особо не доверяете. Как сами сказали, пришел подозрительный пацан с оружием, заклеенной пластырем бровью и перевязанной башкой. Да и ещё второй ствол подозрительный американский. С чего бы ему верить?

Брови Ивана Дмитриевича изумленно взлетели вверх. Дед открыл рот, потом закрыл. Задумчиво пожевал губами, исподлобья посматривая на меня.

— Странно, — буркнул он. — Я об этом случае, после войны никому не рассказывал. Глушков погиб в 44-ом. Васюта — в 45-ом. Даже в служебных документах не распространялся. Кратко описал ситуацию и всё. Откуда ты об этом мог знать?

— Но ведь сейчас вспомнили об этом?

— Допустим, — после паузы, нехотя согласился дед. — Но на мой вопрос ты так и не ответил. Откуда узнал?

— Дар у меня такой, видеть, — признался я. — И прошлое и будущее. Специально вам его продемонстрировал, чтобы в дальнейшем недоверия к моим словам не было.

— Прямо дельфийский оракул, — криво ухмыльнулся Иван Дмитриевич. — Насчёт недоверия, ты, юноша, правильно сказал. Доверие необходимо заслужить. Еще как-нибудь продемонстрировать свой... эээ...дар можешь?

— Запросто, — улыбнулся я. Затем на пару секунд замолчал, сортируя всплывшую в голове информацию.

— Наступающая зима будет аномально холодной. 30 декабря в Москве температура упадет до — 37 градусов Цельсия. В отдельных местах нашей страны дойдет до — 50-ти градусов. А у вас в Терехово и Авдеевке до — 45 градусов дойдет. Это будет самая низкая температура с 1881 года, когда в Российской Империи начали их официально измерять.

— Извини, но не убеждает, — покачал головой старый чекист. — Прогноз, даже если он подтвердится, ты мог и от кого-то из взрослых слышать. А Терехово и Авдеевку для убедительности приплел. Знаешь примерный диапазон будущих температур в Подмосковье, вот и выдал. И вообще, неизвестно, какие у тебя и родителей знакомые. Может кто-то из ваших друзей в Гидрометеорологическом НИИ работает. Что-нибудь другое привести для

примера можешь?

— Могу, — кивнул я. — Об авиакатастрофе в Палермо 23 декабря слышали?

— Да. В программе «Время» рассказывали, — усмехнулся дед. — А что, ты её предсказать собрался? Так она уже произошла.

— Нет, через пару дней будет ещё одна. 28 декабря пассажирский самолет «Юнайтед Эйрлайнс» совершающий рейс Нью-Йорк-Денвер-Портленд, потерпит крушение. Из-за проблем с уровнем авиатоплива двигатели откажут. И авиалайнер совершит вынужденную посадку в пригороде Портленда, не долетев до аэродрома 11 километров. Погибнут десять человек и ещё 23 получают ранения.

— Это уже что-то, — признал Иван Дмитриевич. — Если всё будет так, как ты рассказываешь, то крыть нечем. Поверю, что у тебя есть такой дар.

— А хотите, я ещё пару фактов из вашей биографии расскажу?

— Давай, — улыбнулся дед.

— В 1951-ом году Берия вместе с Маленковым решили устранить мешавшего им министра госбезопасности Виктора Семеновича Абакумова. Науськанный ими начальник оперчасти подполковник Рюмин написал лживый донос, в котором обвинял своего начальника в многочисленных преступлениях, в частности торможении следствий по «делу врачей» и молодежной организации, якобы готовившей покушение на Сталина. Стоящие за его спиной Маленков и Берия сделали всё, чтобы доносу дали ход. На заседании Политбюро обвинения против Абакумова были признаны объективными. Вместе с Виктором Семеновичем был арестован ещё целый ряд офицеров МГБ. И вы в том числе. Абакумов никого не оговорил, держался до конца, хоть и пошел под расстрел, уже после смерти Сталина. Вас и еще ряд офицеров были вынуждены отпустить. Но некоторое время жестоко допрашивали. Тогда у вас впервые появилось желание плюнуть на всё и уйти в отставку. Но вы передумали. Хотя долгое время колебались.

Иван Дмитриевич сжал челюсти. На скулах заиграли желваки. Глаза потемнели от нахлынувших воспоминаний. Минуту он сидел молча, устремив невидящий взгляд куда-то вдаль.

Затем выдавил:

— Да, было такое. Хозяин уже был болен и слаб. А за его спиной эти упыри играли в свои подковёрные игры. Оклеветали Виктора. Боялись, что он преемником станет. Слишком близок был к Иосифу Виссарионовичу. И во время войны отличился, почти с нуля создал самую эффективную службу контрразведки. Так, как СМЕРШ работал, никто не мог.

— Вот видите, — улыбнулся я, — кстати, вы письмо деда до сих пор не прочитали. Оно в наружном кармашке рюкзака лежит.

— Сейчас прочту, — старик с трудом оторвался от тяжелых воспоминаний, — заодно посмотрим, что у тебя в сидоре.

— В рюкзаке, — поправил я.

— Да какая разница, — отмахнулся Иван Дмитриевич, одной рукой развязал лямки рюкзака, не забывая держать меня под контролем, и аккуратно вывалил всё содержимое на пол. Глухо стукнулись о потертый дощатый пол целлофановый пакет с батоном и палкой колбасы. Посыпались пачки денег, звякнул мешочек с царскими червонцами, бесформенной горкой упала одежда, лязгнув спрятанной в брюках железной рукоятью выкидухи. Последним вывалился пакет — «аптечка», аккуратно завернутый в полотенце. Лекарства, перевязочные материалы и дезинфицирующие средства, я приготовил заранее, перед тем как

спрятать рюкзак в куче хлама на балконе.

Березин задумчиво посмотрел на рассыпавшиеся пачки денег. Поворошил рукой одежду, достал выкидушку и отправил к себе в карман. Поднял мешочек с червонцами, пальцами расширил завязку, достал одну монетку, попробовал её на зуб. Поднёс золотой кругляш к глазам, задумчиво хмыкнул, и положил обратно в мешочек. Дуло пистолета всё это время твердо смотрело мне в грудь. Я чувствовал: дед контролировал меня каждую секунду, готовый при попытке нападения встретить пулей.

Последней на пол легла извлеченная из бокового кармана фляжка.

— Письмо в другом карманчике, выше, — подсказал я.

— Скажи-ка, юноша, — мои слова Березин проигнорировал. — Ты что, банк ограбил?

— Не банк, — дипломатично ответил я.

— А кого? — прищурился Иван Дмитриевич.

— Ни один хороший человек не пострадал, — клятвенно заверил я.

— Короче, юноша, — глаза деда внезапно стали холодными и колючими. — Ты мне голову не морочь! Не девица, чай, на свидании. Могу и по-плохому спросить. И не таких раскалывал. А разговариваю вежливо с тобой только потому, что ты Костин внук. Колись давай, кого грабанул?

— Расхитителя социалистической собственности, вора, если по-простому, — вздохнув, признался я. — И не грабанул, а экспроприировал на благое дело.

— Так, — Березин тяжело посмотрел на меня, — к этому вопросу мы ещё вернёмся попозже. А сейчас возьми стульчик, отнеси его подальше, вон туда.

Иван Дмитриевич указал пистолетом на противоположную стену.

— Посиди пару минут спокойно, а я пока письмо Кости читаю. Вижу, что ты парень боевой. Ты уж прости моё стариковское занудство, но ещё раз Христом-богом прошу, не дергайся, не надо. Я в любом случае успею в тебя пулю всадить. А брать грех на душу и стрелять в Костиного внука не хочу. Их и так, у меня довольно.

— Да не буду я дергаться, — пробурчал я. — Судя по тому, что о вас рассказывал дед, вы нормальный человек. Я тоже брать грех на душу не хочу. Своих не трогаю.

— Правильно говорят, наглость — второе счастье, — восхитился Иван Дмитриевич. — Узнаю Костину породу. Сидеть безоружным под дулом пистолета и обещать, что не тронешь старика, это надо уметь.

— Вы письмо прочтите сначала, а потом уже предметно поговорим.

— Ну давай поглядим, что Костя написал, — согласился Березин, и разорвал конверт, глянул на косые строчки.

— Да, это Костин подчёрк, — признал он.

Старик пробежал глазами по письму, задумчиво прикусил губу, минуту молчал, вспоминая что-то своё, вздохнул:

— Эх, Костя, Костя... Как же это ты так?

Затем повернулся ко мне:

— Хочешь прочитать?

— Хочу.

Старик легко встал со стула, сделал два шага ко мне и протянул листок.

— Читай.

Я осторожно взял письмо из его руки и впился глазами в косые строчки текста.

«Здорово, Иван! Если ты читаешь эту записку, значит, меня уже нет на этом свете. Помнишь наш разговор, после 20-ого съезда? Тогда ты заявил, что „это начало конца“, а я с тобой не согласился. Хочу тебе сказать, дружище, ты был прав. В стране набирает ход ползучий переворот. Если его не предотвратить, СССР обречен. Через 12–13 лет страны не станет. Алексей тебе всё расскажет. Ничему не удивляйся. В жизни бывает и не такое. Он действительно обладает необычными способностями. Пообщаешься с ним, сам это поймешь. Помоги парню всем, чем можешь. Даже не ради нашей дружбы, а ради будущего Союза. Если нужны доказательства, Алексей их предоставит.

Р. С. Я всегда поддерживал и верил в тебя. Никогда не подвергал сомнению твои слова и доброе имя. Старался помочь, чем мог. Уверен, ты меня тоже не подведешь.

Твой друг Костя».

В груди защемило. Перед глазами снова встало улыбающееся волевое лицо деда. Я с шумом вдохнул воздух, пытаюсь избавиться от тяжелого чувства вины. Почему-то моё предчувствие в этом случае не сработало. Я не только не смог спасти близкого человека, но и даже не был рядом, когда его шли убивать. И плевать, что ничего не знал о нападении. Легче от этого не становилось.

Березин деликатно отвернулся, шагнул к столу, загредел посудой. Пистолет он положил на стол недалеко от себя. На столе появилась тарелка с нарезанными ломтями розовой варёной колбасы и кусками батона. Старик не глядел в мою сторону, старательно разливая горячую воду в стаканы и добавляя заварку.

«Это тоже проверка», — вдруг понял я. — «Он ствол положил специально. Смотрит, использую ли возможность или продолжу спокойно сидеть. Если дернусь, успеет подхватить пистолет. Ещё не совсем доверяет старый жук».

Старик насыпал в тарелку баранок, выложил и открыл картонную коробку с квадратными кусочками сахара и расставил исходящие паром стаканы с чаем.

Искоса глянул на меня, убедился, что всё в порядке и сказал:

— Пойдем, покажу, где руки помыть, а потом чай пить сядем.

Березин отвел меня в тамбур, где находился пузатый рукомойник с конической ручкой-клапаном внизу. Она поднималась ладонью и на руки проливалась небольшая струйка. Как только клапан возвращался в исходное положение, вода течь переставала. Рядом, в пластмассовой мыльнице, лежал коричневый брусок хозяйственного мыла.

Я быстро ополоснул руки, плеснул на лицо освежающей прохладной водой. Иван Дмитриевич заботливо подал полотенце и через минуту мы уже сидели за столом.

Дед дал мне сделать пару глотков чая, съесть бутерброд с колбасой и баранку, и попросил:

— А теперь рассказывай. Что за переворот упоминал Костя, как он погиб, и откуда ты обо всём знаешь. С самого начала, по порядку. Можешь не торопиться, пить чай, есть, я никуда не спешу.

У меня внутри как будто прорвало плотину. Поток слов хлынул полноводной рекой, растворяя чувство вины. Когда дед передавал письмо, предупредил: «Иван — наш резервный вариант. К нему обратишься только в самом крайнем случае. Человек — кремень, надежный

и проверенный. Ты можешь на него во всем положиться. Никогда не предаст и поможет, чем сможет. Сам погибнет, а тебя выручит. Такой человек. Но учти, в силу своего прошлого, он ложь распознает моментально. И тогда просто не будет тебе верить, со всеми вытекающими из этого последствиями. Даже если ты о чём-то захочешь умолчать, почувствует сразу. Не будет между вами доверия — не будет полноценной помощи. Так что, если вам придется разговаривать, будь с ним, максимально искренним».

Иван Дмитриевич слушал меня с каменным лицом, не показывая эмоций. Только в глазах горели злые огоньки и периодически вздувались желваки на челюсти.

Когда я закончил, он долго молчал. Потом вздохнул:

— У меня очень много вопросов появилось. Но я тебе их завтра утром задам. Хочу все как следует обдумать и осмыслить. Страшные ты вещи рассказываешь, Леша. Звучит как чертовщина какая-то. Другой бы не поверил. А я в деревне родился и всякое видел. И бабка тут одна жила, к ней со всей области бегали. Ворожила, предсказывала будущее, зелья приворотные варила. Не знаю, какая она предсказательница, но кое-что умела. Мне зуб больной заговорила. Пошептала и боль сразу прошла. Как будто и не было. А иной раз взглянет так, жутко делается. Хочется бежать без оглядки. И вот сейчас, твой рассказ разум не воспринимает, а сердце и глаза подсказывают — не врешь ты. Да и я что-то подобное предполагал. Так Косте и сказал после XX съезда, когда Хозяина преступником объявили и из мавзолея вынесли — «это начало конца». Никитка думал, что репутацию Сталина уничтожит, а себя возвысит. Ан нет. Он как был тупым засранцем с манией величия, таким и остался. Чуть страну не угробил. Пришлось силком от власти отдирать. Но самое страшное эта мразь сделала. Доверие подорвала, сомнение в душах зародила. Кому верить, если Сталин, выигравший войну, построивший и восстановивший страну, после смерти был объявлен кровавым убийцей и тираном? Люди же, они, как глина, что им рассказывают, тому и верят. Не все, правда, а большинство. Привыкли так.

— Я ваше мнение полностью разделяю, Иван Дмитриевич, — улыбнулся я, — Но вот что интересно. Вы же при Сталине тоже пострадали. Если бы Абакумов не был человеком со стальной волей и сломался бы под пытками, вы все тоже под нож пошли. И вас прессовали следователи при аресте. А вы Иосифа Виссарионовича защищаете. Почему? Ответ я знаю. Просто хочу услышать его от вас.

— Раз знаешь ответ, изложи, — хитро прищурился Березин. — А я послушаю.

— Да потому, что вы видели, что большевики делали для народа. Как страну восстанавливали, промышленность поднимали, клубы и библиотеки строили, больницы и поликлиники возводили. Образование давали, старались всех хлебом и работой обеспечить. Народ в своей массе, нормально жить стал только при большевиках. А эти разборки и репрессии. Были они, чего греха таить. Но большую часть «репрессированных» арестовывали по делу. Время было такое, страшное, кровавое. И внешние враги пытались уничтожить страну, и внутренних, после Гражданской, немало осталось. И миллионы доносов с самыми жуткими обвинениями написал не лично товарищ Сталин.

— Всё правильно говоришь, Алексей, — кивнул Иван Дмитриевич. — Я после войны одно дело расследовал. О нем подробно рассказывать не буду, подписку о неразглашении давал. Другое сказать хочу. В процессе расследования залез в архивы и начал копаться в дореволюционных документах. Надо сказать интересно мне стало, захотелось почитать свидетельства современников о Царской России. Сейчас все эти белоэмигранты в Европах и Америках, рубаху на себе рвут «ах, какую страну потеряли». А что было на самом деле? Я

смотрел отчёты общества Русских врачей имени Пирогова. Детская смертность в России была одной из самых высоких в мире. Крестьянки рожали детей десятками, и до совершеннолетия доживала, в лучшем случае, только половина из них. С 1867-го по 1881-ый год включительно, только в Европейской части Российской Империи умерло 50 миллионов младенцев. Это, не считая Финляндии и Сибири. По этим регионам статистика в архивах отсутствовала. В любой европейской стране число детских смертей было на порядок меньше. Сумасшедшие данные о детской смертности подтверждаются книгой учёного-библиографа Рубакина «Россия в Цифрах», выпущенной в 1912 году. И материалами статистика Новосельцева. Последний в своей статье 1916 года утверждал, что детская смертность в Империи на каждую сотню родившихся детей доходила до 27 %.

А взрослые тоже массово умирали. От разнообразных инфекционных болезней и эпидемий. От холеры в начале века ежегодно погибали десятки, а иногда и сотни тысяч крестьян. Происходило это потому, что они питались очень скудно, периодически голодали, жили в антисанитарных условиях. И врачебной помощи не получали. Очень часто на 50–60 тысяч населения был один земский врач, который просто физически не мог всех обслужить, да и был занят лечением состоятельных пациентов. А у бедных денег на медиков не было. Рабочие жили в трущобах. Работали в скотских условиях, что называется «от зари до зари». Не все и не всегда, но большинство. Активно использовался низкооплачиваемый детский труд. И многие обитатели трущоб приобщались к водке с раннего детского возраста.

Что самое интересное, Россия активно экспортировала пшеницу, продавая её за золото, а крестьяне в селах, которые её выращивали, голодали из-за отсутствия хлеба. При этом процветала коррупция, огромные деньги тратились на прихоти монаршей семьи и их окружения. В результате страна жила не по средствам и залезала в огромные долги. Александр Дмитриевич Нечволодов — потомственный военный и дворянин, написал трактат, опубликованный в 1906 году, «От разорения к достатку». На это время, по его словам, займы и долги Российской Империи, имеющие гарантии правительства, составили более 50 % всех золотых денежных средств, выпущенных на всем земном шаре. Это подтверждал член Финансового комитета России Шванебах, заявивший, что страна является крупнейшим мировым должником.

И на фоне беспросветной нищеты и скотской жизни большинства рабочих и крестьян, умиравших от голода, эпидемий, надрывавших здоровье на вредных производствах, кучка аристократов и фабрикантов наслаждалась роскошной жизнью, кутила в ресторанах, ездила по Лондонам и Парижам, устраивала балы в своих имениях. Жизни и смерти черни благородных господ не интересовали.

Я всю жизнь интересовался историей и много разговаривал с людьми в деревнях и городах. Практически всем им советская власть дала шанс на достойную жизнь. Ты правильно всё сказал. Большевики ликвидировали безграмотность, построили больницы, спортивные секции, библиотеки, дали возможность трудиться и достойно жить большинству народа. Конечно, это произошло не сразу. Гражданская война, засухи, борьба с кулаками и вредителями, Великая Отечественная — приходилось терпеть и трудиться, ради будущего. Но люди видели, что для них делается, верили, жили мечтой и поэтому преодолевали любые трудности. И Сталин, как бы его не ругали такие гниды, как Никитка, сумел восстановить страну после Гражданской, создать передовую промышленность, выиграть войну с фашистами. Он великий человек, хоть и не без недостатков. Но у кого их нет? Все мы люди. Вот поэтому, я не мог спокойно видеть, как этот плешивый жирный Никитка воюет с тем,

кому при жизни в глаза глянуть боялся. И страна эта, со всеми её достоинствами и недостатками — моя Родина. Я воевал за неё в Великую Отечественную, и сейчас без колебаний возьмусь за оружие. Хоть силы и здоровье уже не те.

— Согласен, Иван Дмитриевич, полностью и со всем, — горячо поддержал Березина я. — Тоже так думаю. Поэтому, мы с дедом и не могли сидеть сложа руки. И сейчас все решается, кто победит, мы или они. Вам придется завтра важное дело сделать. Промедление смерти подобно.

Какое дело? — старик остался невозмутимым, но внутренне напрягся. Он чуть подобрался, глаза стали настороженными и внимательными.

— Знаете, я долго думал, когда к вам на автобусе ехал, — признался я. — После гибели деда хотелось плюнуть на всё и открыть охотничий сезон. Начать с Андропова. Завалить этого оборотня очкастого. Уверен, это его люди ломались ночью к деду. Так хотелось его шлепнуть, что аж челюсти сводило от ненависти. Но это было бы безответственно. Что бы я этим добился? Ничего.

Я вам сейчас очень интересную вещь расскажу. Когда стало модным переобуваться и ругать «проклятых коммунистов», очень много маститых и уважаемых в прошлом деятелей культуры и искусства, партийных работников, моментально перекрасились и стали поливать дерьмом социализм, коммунистов и Советский Союз. Сначала робко, а потом, увидев, что никакого наказания нет, всё смелее и смелее. А когда СССР распался, они вообще разливались соловьями, наперебой рассказывали, как их бедных гнобили и унижали в этой страшной «тоталитарной стране», и как они её ненавидели и уничтожали «изнутри». Преподаватель марксизма-ленинизма Геннадий Бурбулис, делегат двух съездов КПСС и начальник управления спецпропаганды Дмитрий Волкогонов, сатирик Александр Иванов, режиссер Эльдар Рязанов, недавний член ЦК КПСС и Политбюро Александр Яковлев. И было несть числа. Только одиночки осмеливались возражать и их голоса тонули в общем хоре плевков и ругательств. И знаете, что самое интересное? При Союзе все эти деятели жили отлично, как сыр в масле катались. На телевидении выступали, путевки на курорты первыми получали, дачи строили, спецпайки имели, квартиры роскошные им государство выдавало. И с упоением славил коммунизм. А когда политический вектор сменился, с такой же горячностью стали его клеймить.

Ну застрелил бы я Андропова, и ещё пару десятков оборотней? И что бы это изменило? По большому счёту ничего. На смену этим предателям, пришли бы другие поменьше. Имя им легион. Чтобы страну сохранить, нужно её менять. Задать новый импульс развития, как следует встряхнуть общество, показать новые ориентиры. Провести реформы, не идиотские как у Горбачева, а необходимые и полезные для народа. А для этого нужно власть взять. В общем остыл я немного и решил действовать так, как мы с Константином Николаевичем и наметили.

— Правильно решил, — одобрил Иван Дмитриевич. — Периодически я встречаюсь с боевыми друзьями. Общаемся, вспоминаем войну, разговариваем о прошлом и настоящем. Иногда с глазу на глаз много интересного слышу. И об Андропове тоже.

Березин сделал паузу, ухмыльнулся и продолжил:

— Один мой товарищ ещё по СМЕРШ, пересекался с Юрием во время войны. Отзывался о нём негативно. Говорил, умный, но себе на уме и очень трусливый. Многие коммунисты, даже больные и с большими семьями, рвались на фронт. Андропов, наоборот, спрятался за номенклатурную бронь, прикрывался женой, недавно родившимся ребенком, и остался в тылу. В 1943 организовывал партизанское движение в городе Сенеже. Сам линию фронта не переходил, но медальку «Партизану Великой Отечественной войны» 1-ой степени себе выбил. Отношение к нему у настоящих фронтовиков, воевавших в Карело-Финской ССР, было брезгливым. Моему товарищу однополчане рассказывали, что когда финские войска

при поддержке частей верхмата начали неожиданное наступление, Юрий Владимирович бежал впереди паровоза, задрал пятки. И что самое интересное так резво и энергично, словно у него моментально выздоровели больные почки, и появилось богатырское здоровье. А партизанский отряд, оставшийся прикрывать его отход, был уничтожен. Весь. Я не поручусь, что это правда. На войне много баек ходило, и преувеличить некоторые бойцы любили. Но с учётом всего, что я об Андропове слышал от своих друзей, охотно в это поверю. Так вот, продолжая свою мысль, хотел бы сказать, что Юра, как и всякий трус, в первую очередь озаботился своей охраной. А сейчас, когда за него принялся Ивашутин, тем более. Понятно, что Петр Иванович не будет на него покушаться. Но трус, всегда остается трусом. И себя любимого будет защищать. Думаю, у тебя слишком мало шансов завалить председателя КГБ. А вот погибнуть, попасть к ним в лапы и завалить всё дело, очень много. Ты правильно сделал, что передумал. Что намереваешься делать?

— Мой дед — Константин Николаевич несколько разных вариантов отхода в случае серьезных проблем предусмотрел. Поездка к вам — только один из них, на крайний случай. О вас никто не знает. Вообще никто. Но он также телефон оставил для срочных контактов с согласия Ивашутина. Туда надо позвонить и попросить передать привет Сергею Ивановичу от Аркадия Владимировича. А потом перезвонить через пару часиков. На проводе уже должен быть мой знакомый — капитан ГРУ. Вот с ним и нужно договориться о встрече. Что делать дальше, я скажу после встречи. Уверен, и для вас дело найдется.

— Где встречаться думаешь? — поинтересовался Иван Дмитриевич.

— Не знаю, — вздохнул я. — После бойни на пустыре, у КГБ возникло ко мне очень много вопросов. У МВД это дело расследовать не будет. Не их компетенция. Но милиционеров могут использовать для моего поиска. Разошлют мои фото и ориентировки по отделениям под каким-то предлогом. Например, что ищут свидетеля по какому-то делу или пропавшего школьника. Этого исключать нельзя. А ещё и ЦРУ, после смерти своих агентов будет на ушах стоять. В общем, куда не кинь, всюду клин. Поэтому не хочется светиться в людных местах. Слишком много поставлено на кон, чтобы из-за случайного опознания загреметь в лапы к ментам, а потом и к гебешникам. Может, вы что-то подскажете с учетом своего опыта?

— Есть два варианта, — Иван Дмитриевич задумчиво почесал подбородок. — Я так понимаю, что райцентр и другие места использовать нежелательно? Тогда можно договориться в лесу. Километров пятнадцать отсюда есть заброшенная партизанская землянка. Она более-менее сохранилась. На лыжах часа за полтора дойдем. Потом придется снег разгрести. Там же наверняка завалено всё. Это первый вариант. Теперь перейдем ко второму. Ты этому Сергею Ивановичу доверяешь?

— Абсолютно, — подтвердил я. — Я же вам рассказывал. В Ставрополе, Геленджике и Караганде под его руководством работали. Если бы захотел, давно бы нас сдал. Нормальный мужик. Его лично Ивашутин к нам приставил. А уж Петр Иванович в людях разбирается.

— Конечно, разбирается, — улыбнулся старик. — Слышал я о Петре Ивановиче. Общаться с ним не сподобился. Он ещё во время войны важной шишкой был — в 44 уже генерал-лейтенантом стал, а до этого всей контрразведкой Юго-Западного, а потом и 3-го Украинского фронта, командовал. А я к концу войны, только майора получил. Но многие мои боевые товарищи пересекались с ним по службе. Все хорошо о нём отзывались: честный, требовательный, умный, волевой. И профессионал отличный. Не в последнюю очередь эффективность УКР «СМЕРШ» обеспечивалась именно такими руководителями как

Ивашутин. Ну и Виктор Семенович умел заставить сотрудников работать не за страх, а за совесть. Поэтому и результаты лучшие давал.

Березин несколько минут помолчал, затем продолжил:

— Впрочем, мы отвлеклись. Второй вариант — не городить огород, а пригласить твоего капитана сюда — прямо ко мне домой. Соображения такие — если захотят, все равно вычислят, даже если в землянке с ним встретимся. Это только вопрос времени и всё. Не трудно провести очевидную аналогию: раз ты поехал к старику, значит, он, скорее всего, друг Константина Николаевича. Дальше рассказывать надо?

— Не надо. И так, всё понятно. Помимо этой версии, любой опытный опер предположит, что вы живете где-то недалеко, раз знаете, где такие землянки расположены. Да и уезжать на большое расстояние ради встречи, когда меня все ищут, небезопасно.

— Правильно мыслишь, Леша, — одобрительно кивнул старик. — Так что, приглашаем твоего Сергея Ивановича сюда?

— Приглашаем, — согласился я. — Если вы не против.

— Значит договорились. Тогда давай поснедаем, а потом спать. Я тебе на печке постелю, там тепло, а сам в другой комнате лягу, как привык.

— Как скажете, Иван Дмитриевич.

— Кашу с говядиной будешь?

— С удовольствием!

Старик расставил тарелки. Достал из деревянного ящичка под столешницей вилки и ложки. Помыл их в тамбуре, вручил мне один комплект. Затем ухватился за ручки черного пузатого чугуна, стоящего сверху на печке и плотно обмотанного толстым полотенцем.

Каша и мясо оказались горячими и невероятно вкусными. Гречка — рассыпчатой и мягкой. Сочная говядина с поджаристой коричневой корочкой сразу же разваливалась на ломти и таяла во рту, растекаясь по горлу сочным и теплым мясным соком. И чай порадовал: крепкий, невероятно душистым с мятой, тмином и другими пряными травами. Я смаковал каждый глоток горячего как огонь напиток с потрясающим ароматом, вытирая ладонью, выступавший на лбу пот.

Тарелка опустела быстро. Затем пришел черед чая с баранками. Выдув два стакана я, сыто отдуваясь, обессилено откинулся на спинку стула.

— Фухх, спасибо вам огромное, Иван Дмитриевич.

— Может, добавки? — доброжелательно предложил Березин.

— Нет, с меня хватит, — я довольно похлопал по тутому как барабан животу. — Накормили от души. Кажется, я так вкусно сто лет не ел.

— Да, ладно, — небрежно отмахнулся старик. — Неужели твоя матушка плохо готовила?

— Отлично готовила. Но и у вас тоже замечательно получилось.

— Ладно, давай спать. Я тебе сейчас новое одеяло, подушку и простыню выдам.

Через пять минут, я свернулся комочком на широкой лежанке печи, укрытый толстенным одеялом. Голова утопала в огромной пуховой подушке, от печки исходило приятное обволакивающее тепло, и я не заметил, как задремал, а потом и провалился в черную бездну сна.

...Убийца был неспокоен. Квадратное лицо с тяжелыми челюстями сохраняло невозмутимость, но руки в черных перчатках нервически подрагивали. Чтобы скрыть это,

мужчина засунул их в оттопыренные карманы кожаного плаща. Убийца являлся опытным ликвидатором. За три десятка лет работы в советских спецслужбах, сначала в МГБ, а потом в военной разведке, он провел десятки подобных акций в разных странах. Но сегодняшнее задание произвело эффект бомбы, разорвавшейся в его голове. Кураторы из КГБ потребовали, чтобы он устранил своего непосредственного начальника — руководителя ГРУ и заместителя начальника Генерального штаба вооруженных сил СССР — Петра Ивановича Ивашутина. Отказаться он не мог. За годы зарубежных командировок КГБ собрал много компромата на Убийцу. Махинации со служебными средствами, периодические вояжи в бордели, азартные игры, спекуляция, скупка валюты в СССР.

...Пять лет назад, он гулял в „Праге“ с очередной любовницей. Напился вина, почувствовал позывы отлить и пошел в туалет. А когда вышел, его уже подждал плотный мужчина лет сорока в неприметном костюме мышинового цвета.

— Здравствуйте, нам нужно поговорить, — сразу начал он. Рука незнакомца нырнула вовнутрь пиджака и продемонстрировала красное удостоверение с золотистыми буквами „КГБ СССР“ и гербом Советского Союза.

— Свои, — пьяно ухмыльнулся Убийца. Небрежно засунул руку в карман брюк и вытащил похожую корочку со звездой и надписью „Министерство обороны СССР“.

— Я прекрасно знаю, кто вы такой, гражданин Пименов, — сухо ответил мужчина. — Предлагаю выйти на улицу. Там я смогу вам кое-что показать.

— Хорошо, — согласился Убийца. Похмелье моментально слетело с него. Мужчина подобрался и остро глянул на невозмутимого гебешника. Звериное чутье ликвидатора, не раз выручавшее его в разных уголках земного шара, истерически вопило о грядущих неприятностях.

В таком же неприметном старом горбатом москвиче комитетчик протянул Убийце пухлую серую папочку.

— Посмотрите, почитайте, а потом продолжим разговор, — вкрадчиво предложил он.

Пименов развязал веревочные тесемки, раскрыл картонный листок, и впился глазами в содержимое папки, перелистывая собранные материалы. Его лицо покрылось мертвенной бледностью.

— Что вы от меня хотите? — дрогнувшим голосом поинтересовался он.

— Вот это уже продуктивный разговор, — комитетчик расплылся в дружелюбной, но насквозь фальшивой улыбке. — Пока немного...

Убийца встряхнулся, отгоняя воспоминания. Рука привычно нащупала аэрозольный баллончик с отравляющим веществом. Пименов быстро оглянулся по сторонам. Возле рядов машин никого не было. Только в конце второго ряда парковалась белая «копейка». Волга Ивашутина, сверкая черным лаком, стояла на другом конце двора. Убийца глянул на часы: 15:43.

«Через две-три минуты он должен выйти», — отметил он.

Пименов нащупал в кармане миниатюрный баллончик. Повернул к машине начальника ГРУ. Достал цилиндр, спрятав его в рукаве плаща, неторопливо приблизился к машине и, не останавливаясь, направил баллончик на ручку передней двери, и нажал на кнопку. Облако маленьких капелек взлетело в воздух и растаяло в воздухе, оседая железной поверхности. Ивашутин всегда ездил спереди, рядом с водителем и яд должен был гарантированно сработать. Удаляясь от машины, Убийца засунул баллончик в карман, быстро стрельнул

глазами по сторонам, не поворачивая голову, и смешался с толпой военных выходящих из здания.

....В кабинете начальника ГРУ зазвенел телефон.

Ивашутин поднял трубку.

— Слушаю, — отрывисто бросил он.

Минуту с каменным лицом слушал собеседника на том конце провода.

— Хорошо, буду.

Трубка, с клацаньем упала обратно.

Петр Иванович снял трубку внутреннего телефона.

— Игорь, Виталий у тебя сидит? Отлично. Пусть, берет Мишу и спускается вниз разогревает машину. Я через пару минут тоже выйду.

Генерал армии быстро собрал портфель, надел форменное пальто и папаху, закрыл за собой кабинет. Через две минуты он уже был возле машины. Крепкая рука Ивашутина сомкнулась на ручке двери.

— «Черт, чего она мокроватая? Хотя Виталий снег сегодня счищал, вон как навалило, ничего страшного», — сделал вывод генерал, открыл дверцу, и сел в волгу, достал платок из кармана кителя и вытер руку.

— Куда едем, Петр Иванович? — уточнил здоровенный водитель. Второй телохранитель уже сидел сзади.

— Сначала заскочим в Генштаб, а потом, наверно, уже домой, — вздохнул начальник ГРУ.

Мотор машины взревел, черная волга рванулась с места, выбрасывая из-под колес белые ключья снега.

Ивашутин устало закрыл глаза и откинулся на сиденье.

Так и сидел, пока через пять минут машина не остановилась перед зданием Генштаба.

— Петр Иванович, приехали, — позвал водитель. Ивашутин не реагировал. Виталий повернулся к начальнику и оторопел. Лицо начальника посерело и обвисло. Складки у рта расслабились и бессильно опустились.

Телохранитель на заднем сиденье, почуяв неладное, дернулся вперед, прикивая грудью к переднему сиденью.

Млять! — ругнулся похолодевший водитель. Подсознательно он уже всё понял, но разум отказывался принимать очевидное.

— Петр Иванович! — ладонь Виталия схватилась за плечо Ивашутина. Тело генерала безжизненно завалилось на водителя, а потом упало вниз.

— Черт, черт, черт, — ошеломленно повторял водитель, вытаскивая труп начальника на сиденье. Сзади ему помог телохранитель. Он сразу же, подхватил запястье начальника ГРУ, померил пульс и выдохнул:

— Приехали, млять, он мертв....

Два офицера, майор и подполковник стояли у окна. На улице серел сумрачный зимний день. Снежинки белой пылью кружились в мутном мареве вьюги, заставляя одиноких прохожих, ежится, опускать головы и поднимать воротники курток.

Темный коридор здания ГРУ выглядел зловеще и тоскливо, усиливая напряжение.

— Когда прощание с Петром Ивановичем? — глухо спросил подполковник.

— Завтра в десять утра в актовом зале привезут, — хрипло ответил майор, — Там пройдет официальная церемония прощания. Потом на кладбище повезут.

— Странно, — выдохнул подполковник, — я ещё в четверг с ним виделся. Отлично выглядел, бодро и энергично. Вроде ничего особенно не беспокоило. А тут инфаркт, аккурат в пятницу. Двух дней до Нового года не дожил. Даже не верится...

Я вынырнул из темного марева сна мгновенно. Сердце яростно колотилось о грудь, по телу разлилось ледяное предчувствие надвигающейся беды, скомканная простыня и сбитое в сторону одеяло были мокрыми от пота.

«Если Ивашутина убьют, то всё, конец. Так, успокоиться. Что там во сне было? Он умер в пятницу за два дня до Нового года. Это двадцать девятое декабря. А сейчас утро двадцать седьмого. Значит, время ещё есть. Надо немедленно действовать!»

Тепло, идущее от печки, согревало и успокаивало. Постепенно в голове начал выстраиваться план дальнейших действий. Обрывочные мысли, соображения, информация, потоком всплывающая в мозгу, благодаря неожиданно возникшим после переноса в прошлое сверхспособностям, выстраивались в логическую цепочку ответного удара по Андропову и его сообщникам. Необходимо было действовать. И самое главное, не позволить убить Ивашутина. После смерти деда, Петр Иванович оставался единственным человеком, обладающим властью и возможностью эффективно противодействовать заговорщикам, выйти на честных людей из Политбюро и помочь им объединиться. Если он погибнет, остается один путь — личная вендетта против предателей на самом верху. Но тогда результат не гарантирован.

Дверь протяжно заскрипела, приоткрывшись. В комнату заглянул Иван Дмитриевич. Старик облачился в свежую рубашку, постриг бороду, был свеж и в хорошем настроении. Березин словно скинул десяток лет и выглядел бодрым и ещё сильным мужчиной.

— Проснулся уже? — добродушно усмехнулся он.

— Доброе утро, Иван Дмитриевич, — улыбнулся я.

— Доброе, — кивнул дед. — Вставай, хватит бока отлеживать. Умойся, разомнись, а я пока завтраком займусь.

— Могу вам помочь, — я спрыгнул с печи, мягко приземлившись на дощатый пол.

— Не нужно, — отказался старик. — Картошки сейчас порежу, лучка брошу, достану из холодильника колбасу и яйца, и будет у нас с тобой отличный завтрак. Яичница с жареной картошкой. Или для вас городских это уже и не еда?

— Ещё какая еда, — заверил я. — Мое любимое блюдо. Батя, иногда на выходных отправляет маму отдыхать, и сам готовит. Чаще всего такую же жареную картошку с котлетами или сосисками. Мы её уплетаем за милую душу. Полной сковородки на один раз хватает. Только батя ещё любит чеснока добавить.

— Правильно делает, — оживился дед. — И мы добавим. Пользительная штука, я тебе скажу, для аромата и вкуса. И микробы убивает.

— Согласен, — я сделал десяток приседаний и махов руками. — Сейчас разомнусь, а потом умоюсь.

— Лады. Делай, как знаешь.

Дед снял со стола заранее приготовленную кастрюлю с водой, поставил рядом со стулом, подвинул к себе пластиковое мусорное ведро. Затем вытащил из-под стола мешок картошки, раскрыл горловину, подхватил нож, лежащий на скатерти, и начал чистить клубни, бросая их в кастрюлю.

Я принял упор лежа, и тридцать раз отжался. Затем сел на поперечный шпагат, растянулся. Попрыгал в стойке, нанес несколько ударов руками, локтями и коленями, имитируя бой с тенью.

Березин с интересом посматривал на мои упражнения, не забывая орудовать ножом и сбрасывать очистки в ведро.

Могешь, — одобрительно кивнул он, когда я закончил. — Техника рук — точно боксерская. Но локтями и ногами бьешь чудно. Я такого не видал. Кто научил?

— Игорь Семенович Зорин. Бывший офицер ГРУ. Сейчас самбо, рукопашку и дзюдо

преподают в спорткомплексе «Звезда». Военных тренирует, ну и нас тоже. Он дал базу, — охотно пояснил я.

— Охфицер да еще и ГРУ. Он же, наверняка, подписку давал, — прищурился старик. — Это ж, холодное оружие, практически. А тут вам, мальчикам, показывает, как ногами головы разбивать.

— Никаких проблем, — отмахнулся я. — Во-первых, я не знаю, что у него с подпиской, но думаю, там всё нормально. Приемы-удары, которые я продемонстрировал — стандартная техника тайского бокса, каратэ и вьетводао, они к нашим армейским техникам не относятся. А Игорь Семенович полмира исколесил, и везде местные системы рукопашки изучил. Во-вторых, мы все дети военных. Ну почти все. В-третьих, тренирует он больше спортивным дисциплинам. Мужики у него самбо занимаются, приемы отрабатывают и на соревнованиях постоянно выступают. В-четвертых, показывает наиболее безобидные варианты приемов для самозащиты, а не уничтожения противника. Я и ещё пара-тройка бойцов — исключение. В-пятых, полуподпольные кружки карате во всех крупных городах есть. А сейчас они уже становятся легальными. В ноябре в московском клубе «Фрунзенец», организовали Всесоюзный центр подготовки инструкторов карате. В этом месяце прошла учредительная конференция и создана Федерация карате СССР. На ней избрали вице-президентом Алексея Борисовича Штурмина. Между прочим, ученика Анатолия Харлампиева, одного из создателей борьбы самбо. Так что, ничего такого страшного в преподавании техник нет. Пока. Потом карате, если история не изменится, запретят. 10 ноября 1978 года выйдет указ сначала об административной ответственности за обучение этому единоборству, а затем — через год и уголовную введут с соответствующей статьей в УК. Но пока мы рукопашкой на основе синтеза карате, самбо, бокса и некоторых азиатских техник занимаемся, и в Новоникольске ни у кого претензий нет. Хотя, не исключаю, что в других городах повсякому может быть.

— Понятно, — пробурчал дед. — Между прочим, Анатолия Аркадьевича Харлампиева, я знал. И периодически в 50-х годах у него тренировался на «Динамо».

— Считайте, что вам повезло, — улыбнулся я. — Занимались у настоящей легенды. Такой же как Ощепков и Спиридонов.

— Знаю, — у Ивана Дмитриевича задорно сверкнули глаза. — Он уже тогда известен был. Все хотели у Харлампиева заниматься. Сколько Аркадьевич чемпионов подготовил, не счесть. Один Женя Чумаков чего стоит. Отличным спортсменом до войны был. В 18 лет свой первый чемпионат страны по самбо выиграл. Во время Великой Отечественной санинструктором пошел на фронт. Под огнём противников бойцов на себе вытаскивал, вместе с личным оружием. Был ранен в правую руку, задело нерв. Она, практически, не работала. Женьку комиссовали. С одной рукой, считай, калека. А Чумаков сразу после победы к Анатолию Аркадьевичу побежал. «Хочу бороться, это моя жизнь». Другие тренеры бы отказались, наотрез. Какие, мол, перспективы у однорукого инвалида? А Харлампиев, сам фронтовик, начал работать с Чумаковым. И если раньше Женя всех физически переламывал в схватках, был нереально сильным и выносливым, то теперь ему пришлось менять тактику борьбы. Стал ориентироваться на предугадывание действий противника. Аркадьевич ему специально глаза завязывал и заставлял тренироваться так, чтобы он научился реагировать на любой шорох. Мы улыбались, но такие тренировки дали плоды. Звучит невероятно, но реальный факт — Женька выиграл чемпионат СССР по самбо в 1947 году, а потом ещё дважды в пятидесятом и пятьдесят первом. С покалеченной рукой. Мы все

его «гроссмейстером» называли.

— Да, были люди в наше время, могучее, лихое племя, богатыри не вы, — процитировал я.

— Именно, — дед бросил очередную картошку в рукомойник и выпрямился, — Лермонтов в точку попал. Пусть и не о нас изначально сказал. Взять хотя бы Витю Чукарина. Сослуживцы рассказывали, 17 концлагерей прошел. В Бухенвальде выжил. Когда домой пришел, его родная мать не узнала, представляешь? Крепкий и здоровый парень сорок килограмм весил. Как одиннадцатилетний пацан. А в пятьдесят втором и в пятьдесят шестом Олимпиады выиграл. В пятьдесят четвертом чемпионом мира по спортивной гимнастике стал. Мы все за него каждый раз болели, ты даже не представляешь как. По радио трансляцию слушали и взрослые мужики-фронтовики плакали, когда он на пьедестал поднимался. Наш, советский человек. После концлагерей выжил, не сломался и победил. Назло буржуйам и их лоценым атлетам, всю жизнь тренировавшихся в отличных условиях. И не только он. Сколько подобных ребят было. Куц, Удодов и многие другие. После страшной войны, концлагерей, ранений они выходили и становились первыми. Сегодня мне кажется, что нынешние такого повторить уже не смогут. Измельчали духом. Не все, но большинство, точно. Не потому, что плохие, а просто в тепличных условиях много лет живут, всё хорошее легко дается, за него бороться не надо.

— Может быть, — вздохнул я. — Знаете, ещё Платон говорил: «Тяжелые времена рождают сильных людей, сильные люди создают хорошие времена. Хорошие времена рождают слабых людей, слабые люди создают тяжелые времена». И думаю, афинский философ был полностью прав.

— В точку сказал, — подтвердил дед, бросая последнюю картошку в кастрюлю. — Так оно и есть. Иди, ополоснись в рукомойнике. А то мне потом с картошкой разбираться....

Через полчаса мы сели за стол. Дед достал хлебницу, неторопливо вытащил половинку черного кругляша. Нарезал на доске несколько ломтей и выложил в большую пиалу куски ноздреватого серого хлеба, недалеко от исходящего паром самовара. Ложкой разложил глазунью по тарелкам и от души насыпал в каждую по горке настроганной соломкой картошки с золотистой поджаристой корочкой.

— Кушать подано, — подмигнул Березин. — Можешь начинать сметать всё со стола.

— Мне ещё с вами поговорить надо. Это очень важно, — начал я, но был остановлен взмахом ладони.

— Всё потом. К чаю с баранками перейдем, вот тогда и побалакаем. Когда я ем, я глух и нем.

— Хорошо, — согласился я. — Но один вопрос хочу сейчас задать.

— Задавай свой вопрос, — нахмурился дед, с вожделием поглядывая на картошку. — Только быстро, я есть хочу.

— Иван Дмитриевич, чего вы постоянно слова коверкаете и старые выражения употребляете? Ведь видно, что образованный человек. Когда чуть забываетесь, грамотно говорите, как по писаному. А пытаетесь создать впечатление дремучего малограмотного дедушки.

— Ты смотри, подметил, — хитро прищурился старик. — Сам, что думаешь по этому поводу?

— Думаю, что вы специально такой образ выбрали, — улыбнулся я. — К дремучему деревенскому старику совсем другое отношение, чем к волкодаву «СМЕРША». Люди

смотрят: дедушка бородатый, из фуфайки вата торчит, даже говорит выражениями заковыристыми, слова коверкает. Небось, ещё от царя Гороха в деревне живет. Подсознательно расслабляются, перестают воспринимать серьезно. И прокалываются. Даже я, зная о вашем прошлом, слушая и смотря на вас, уже на автомате начинаю воспринимать вас по-другому. Как человека, который уже полностью врос в деревенский быт. Ну да, когда-то служил в СМЕРШЕ. Давно. А сейчас типичный дед из глухой провинции. Вы уж привыкли к подобной маске, она к вам как мох к дереву приросла. Но внутри всё такой же волкодав. Это уже на всю жизнь. Опер всегда остается опером, а чекист чекистом. Правильно, товарищ подполковник? Вы ведь в этой должности из МГБ ушли?

Березин мгновение хмуро смотрел на меня. Потом у него дрогнули губы, расплываясь в широкую веселую улыбку, суровые мрачные глаза посветлели, в них заплясали смешинки, возле век с набрякшими мешками собрались лучики веселых морщинок, и товарищ подполковник громко, от души захохотал, с размаху хлопнув себя ладонями по ляжкам.

Я терпеливо ждал ответа.

Через пару десятков секунд Иван Дмитриевич немного успокоился.

— Ай, молодец, — развеселившийся дед подушечками пальцев вытер выступившие на глазах слезы. — Не ожидал. Расколоч, таки, паршивец! Хорошего внука Костя воспитал, достойная смена подрастает.

— Это можно принимать за положительный ответ? — я победно ухмыльнулся.

— Да, — кивнул Березин. — В точку попал. Есть ещё некоторые мелкие детали, которые ты не указал. Их обсуждать не будем. Но в целом, верно. А теперь давай есть. У меня уже в желудке бурчит.

— У меня тоже, — признался я.

Картошка была невероятно вкусной, хрустела поджаристой корочкой в зубах и умопомрачительно пахла чесноком, но я не мог наслаждаться кулинарными шедеврами деда в полной мере. Чувство надвигающейся опасности распирало грудь, и я старался быстро расправиться с едой, чтобы поскорее приступить к разговору.

— Ты хотел, о чем-то поговорить? — напомнил дед, когда тарелки опустели. — Но прежде, меня выслушай. Буквально два слова.

— Ладно.

— Я сейчас отойду на почту в Авдеевку. Позвоню кое-кому из старых друзей. Они должны знать про Костю. Если всё подтвердится, верну тебе твои стволы и деньги. Мне они даром не нужны. А потом мы с тобой детально поговорим о дальнейших действиях. В том числе и о звонке твоему капитану. Вот это я и хотел сказать. А теперь слушаю тебя внимательно.

— Созвониться с капитаном надо как можно скорее, — торопливо затараторил я. — Мне во сне видение было. 29 декабря убьют Иващутина. Если не помешаем, совсем плохо будет. СССР гарантированно развалит.

— Кто? — Березин подобрался. Глаза хищно сверкнули из-под насупленных седых косматых бровей.

— Ликвидатор из местных. Он там же в ГРУ работает. Его взяли на компромате. Убьет Петра Ивановича специальным составом быстродействующего яда, разработанного в «Лаборатории X», которой в своё время полковник Майрановский руководил. Сейчас она подчинена КГБ.

— Слышал я о Майрановском и его сотрудниках, — хмыкнул дед. — Большими

изобретателями и затейниками были. Такие яды делали, что известное семейство Борджиа в сравнении с ними, как детсадовцы перед выпускниками ВУЗов.

Березин немного помолчал, думая о чем-то своём, и уточнил:

— Когда это произойдет, говоришь? Двадцать девятого?

— В моем сне? Да, в пятницу.

— А сны тебя не обманывали? Мало ли чего ночью привиделось.

— Никогда, — твердо ответил я. — Я чувствую. Так всё и произойдет в эту пятницу.

— Значит, время ещё есть, — сделал вывод Иван Дмитриевич. — Не будем пороть горячку. Сейчас я отойду в Авдеевку, позвоню друзьям. А потом сразу отправлюсь связываться с твоим капитаном. Наш предметный разговор отложим на потом. Если ты с датами не напутал, всё успеем. Должны успеть. Правда, звонить твоему капитану я буду с другого места. Придется в один из ближайших райцентров ехать, километров двадцать-сорок отсюда. Я ещё подумаю, в какой.

— Вы запомнили, что говорить надо? Позвонить и передать привет Сергею Ивановичу от Аркадия Владимировича. А, я же вам вчера отзыв не сказал. Вам должны ответить: «Спасибо за привет, дядя будет очень рад». Именно так и в таком порядке. После этого ответа, можно спокойно разговаривать. Если скажут, что-то другое, сразу же вешайте трубку и уезжайте.

— Не учи батьку детей делать, — усмехнулся Березин. — Не вчера родился. Номер давай.

— У вас ручка или карандаш есть? Я вам лучше напишу.

— Сейчас.

Иван Дмитриевич встал, с грохотом отодвинув стул, и вышел из комнаты. Через минуту он вернулся. Передо мной лег маленький, вырванный из блокнота листок в клеточку и шариковая ручка с колпачком на верхушке.

— Пиши.

Я послушно вывел на листе выученные наизусть цифры и предупредил:

— Номер московский. Ещё код города набрать нужно.

— Понял, — кивнул старик. С момента как он услышал об угрозе Ивапутину, дед стал немногословным, собранным и деловитым. Не растекался мыслью по древу, говорил по делу. Никуда не торопился, но и не тратил время впустую.

Березин ушел в комнату, вернулся в свитере и толстых серых штанах. Накинул телогрейку, глянул на меня и сказал.

— Всё, я пошел. Через несколько часов буду. А ты пока чай пей с баранками. Можешь радио послушать, оно в моей комнате стоит. Или по двору погуляй. Если захочешь спортом позаниматься, железо потягать, две гири по 16 кг возле тумбочки в тамбуре, за мешком с зерном стоят. Только из дома никуда не выходи. Местность тебе незнакомая, мало ли что. Да и бабки могут к себе на чай попробовать затащить. Откажешь — обидятся, скучно им тут, каждый новый человек в радость. Поэтому за забор не вылезай.

— Хорошо, — покладисто согласился я. — Не волнуйтесь, я найду, чем заняться. Вы, главное, с капитаном свяжитесь и договоритесь о немедленной встрече. Это самый важный вопрос сейчас — жизни и смерти.

* * *

Майор устало потер глаза ладонями. Уже сутки не удавалось нормально поспать. Только и успел подремать часок в машине, возвращаясь из Новоникольска в Москву.

Алексей как будто сквозь землю провалился. На пустыре, в котором его видели в последний раз, было пять трупов. Четыре — американцев и один бывшего водителя деда Шелестова — Виктора Попова. Место бойни оцепили ППС-ники, на пустыре суетились обалдевшие от созерцания пяти трупов опера, которых прогнали налетевшие на место происшествия, как мухи на мед, местные КГБшники. Но далеко опера не уехали. На въезде во дворы пути перегородила белая «нива».

— Вы что, мужики, охренели совсем? — заорал капитан, высовываясь из окна «УАЗа». — Быстро машину убрали с дороги, если в обезьяннике куковать не хотите!

Из «нивы» вылез крепкий седой мужчина в черной куртке и энергичным шагом направился к напрягшимся операм.

— ГРУ. Капитан Сосновский. Оперативная разведка, — представился он, предъявив красное удостоверение с надписью «Министерство обороны СССР».

— Млять, как же вы все загребали, — устало выдохнул коренастый паренек в салоне. Капитан мгновенно развернулся и пронзил подчиненного бешеным взглядом. Коренастый сразу же заткнулся.

— Извините, товарищ капитан, мы на нервах все, — вздохнул, поворачиваясь к военному, милиционер. — Пять трупов. С утра на ушах стоим. А товарищ Скичко сейчас извинится.

Опер многозначительно глянул на молодого коллегу.

— Правда?

— Извините, товарищ капитан, — вздохнул Скичко. — Просто ваши коллеги слишком с нами по-хамски разговаривали. Как будто это мы всех этих завалили и «Скорую» угнали.

— Какие коллеги — КГБшники? — поинтересовался ГРУшник.

— Они самые.

— Они мне не коллеги, — сухо ответил военный. — Меня интересует, что произошло на пустыре и что вы успели выяснить.

— Мы в ваши разборки не лезем, — выставил ладони опер, — сами между собой разбирайтесь. Не хочу между жерновами попасть. Тем более они предупредили, чтобы никому ничего не рассказывали.

— Товарищ капитан, можно с вами отойти, чтобы переговорить тет-а-тет, — попросил ГРУшник. — На пару минут, больше не задержу.

— Хорошо, — опер выбрался из машины.

ГРУшник взял его под руку и отвел. Через пять минут задумчивый капитан залез в машину и громко хлопнул дверью.

«Нива» вежливо отъехала, освобождая проход.

— Всё нормально? — поинтересовался Скичко. — Чего он хотел?

— Много будешь знать, скоро состаришься, — огрызнулся капитан. — Чего стали? Поехали....

Сергей Иванович поморщился, вспоминая разговор с милиционером. Он поставил капитана перед фактом. Неофициально поделиться информацией здесь и сейчас, всё что известно по происшествию на пустыре или проехаться на выбор в кабинет начальника городской милиции — полковника Петренко либо прокурора Погосяна. С ними Сергей Иванович познакомился и подружился при посредничестве покойного Константина Николаевича Шелестова, когда, по поручению Ивашутина, вместе с военным прокурором улаживал все вопросы, связанные с расстрелом туркмен. Оба, Погосян и Петренко, знали,

что капитан ГРУ действует по поручению высокого начальства.

Как оказалось, и коллега из милиции тоже его вспомнил. Видел однажды, как он из кабинета Петренко выходил. Ехать к своему непосредственному шефу для подтверждения полномочий капитана ГРУ милиционер категорически не захотел. Чем дальше от начальства находишься, тем меньше проблем — старая истина, проверенная многими поколениями оперов. Доблестный работник правоохранительных органов поведал офицеру разведки всё что знал, по происшествию на пустыре. Опера сработали быстро. Первым делом изъяли документы и командировочное удостоверение у убитого военного. Связались с частью, получили информацию о Викторе. Узнали, что он был шофером у генерала и периодически возил его внука. Провели опрос пенсионерок у подъезда. Выяснили, что Алексей Шелестов уехал на похожей машине с третьеклассником Сашкой Воскобойниковым. Выцепили мальчика в школе, получили показания у него. А когда вернулись на место происшествия, там уже хозяйничали чекисты.

Вроде все относительно хорошо закончилось. Американцы убиты, Шелестов-младший жив, но исчез в неизвестном направлении. Где сейчас искать парня, капитан не представлял. Оставался шанс, что Алексей сам свяжется с ними по телефону, установленному на конспиративной квартире, но пока никто не звонил. Петр Иванович Ивашутин в душе рвал и метал, внешне оставаясь спокойным. Его окаменевшее лицо со стиснутыми челюстями сильно напрягло капитана. А категоричный приказ, сделать всё возможное и невозможное для поиска Алексея, отданный ледяным голосом, вызвал у Сергея Ивановича ассоциации с лязгом передернутого автоматного затвора и треском срываемых погон.

Затрезвонивший служебный телефон заставил сонного капитана встрепенуться.

— Да, — Сергей Иванович схватил трубку. — Слушаю.

На его лице засветилась счастливая улыбка.

— Голос старый? Да плевать. Главное, что вышли на связь.

— Он сказал, что перезвонит, через час? Отлично, выезжаю!

27 декабря 1978 года

(Продолжение)

Пока Иван Дмитриевич ходил в Авдеевку, я снял повязку с головы. Пощупал пальцами ранку в волосах. Вроде, заживает. От пластыря на брови тоже избавился.

Через несколько минут старик ненадолго заскочил домой, в двух словах сказал, что гибель Константина Николаевича подтвердилась, вручил мне рюкзак с деньгами и стволы. Затем растопил печку, показал, как ею пользоваться и подкидывать дрова в топку, велел без стеснений брать продукты в пузатом холодильнике «Зис-Москва», стоящем в тамбуре и пить чай. Дал ещё парочку коротких наставлений, уехал связываться с Сергеем Ивановичем.

В ожидании новостей, я успел сделать комплекс упражнений с пудовыми гирями, прогуляться по двору, провести пять раундов боя с тенью, послушать радио, сытно пообедать яичницей с колбасой и остатками гречки. Вымыл посуду, почитал лежащий на столе свежий номер «Правды».

Шум подъезжающей машины застал меня за столом. Я отпивал маленькими глотками ароматный, исходящий паром чай из пузатой чашки, хрустел баранками, периодически с надеждой поглядывая на сгустившуюся за окном чернильную вечернюю мглу и прислушиваясь к каждому звуку. Одновременно думал о дальнейших действиях, как строить разговор с капитаном, а потом, если получится, и с Петром Ивановичем.

Звук мотора ворвался в моё сознание неожиданно.

«Кто-то приехал. Надеюсь, свои», — мелькнула тревожная мысль.

Я резко вскочил, толкнув корпусом стол, и чуть не расплескав чай. Кинулся к окну. В темноте, сквозь смутно виднеющиеся штакетины забора, пробивались ярко-желтые лучи автомобильных фар. Подхватил лежащий у стола рюкзак, рывком раскрыл горловину, достал «бульдог», заткнул его за пояс сзади. Вытащил из кармана дирринжер. Метнулся ко входу, снимая с крючка и надевая на ходу куртку. Быстро натянул ботинки, лихорадочно завязал шнурки. Звук мотора тем временем стих. Похоже, машина остановилась. Взвел курки дирринжера. Крутанул колесико накладного замка, открывая входную дверь. Осторожно выглянул на улицу, спрятав ладони в рукавах куртки, скрывая от постороннего взора миниатюрный пистолет.

За забором темнели очертания УАЗа. Хлопнула дверь забора. От машины отделилась знакомая кряжистая фигура.

Я облегченно выдохнул, и спрятал дирринжер в карман.

Старик увидел меня, приветственно махнул рукой. Я неторопливо пошел к нему навстречу. Лязгнул замок, скрипнула, отворяясь, калитка и Иван Дмитриевич вошел во двор.

— Все нормально, — сразу ответил на мой невысказанный вопрос он, — Сергей Иванович в машине. Сейчас она заедет, зайдём в дом, и поговоришь с ним. А пока помоги ворота открыть.

— Без проблем, — кивнул я.

Старик отодвинул тяжелый железный засов, мы развели ворота в сторону. УАЗ снова заурчал мотором и повернул, заезжая на придомовую территорию. В глаза ударил яркий ослепляющий свет, заставивший меня инстинктивно прикрыть глаза.

Машина остановилась посреди двора, недалеко от нас. За рулем сидел незнакомый молодой парень. Рядом с ним виднелась знакомая фигура капитана. Двигатель резко замолк.

Открылась дверь, снег захрустел под ногами в черных кожаных ботинках. Сергей Иванович быстро шагнул ко мне, задержался взглядом на разбитой брови, но ничего не сказал, взял за плечи и порывисто обнял.

— Здравствуй, Алексей. Прими мои соболезнования. Я тебе уже говорил, повторю ещё раз: твой дед был боевым офицером и настоящим мужиком. И умер, как подобает воину — в бою с врагами.

В горле запершило. Слюна загустела, стала вязкой и горькой. Я сглотнул, чтобы справиться с нахлынувшими чувствами. По сути, я взрослый мужик, хоть и в теле подростка. Видел не одну смерть, воевал в Афганистане, сражался в Белом Доме, а гибель деда воспринимаю тяжело. Перед глазами до сих пор стоит его улыбающееся лицо, подтянутая фигура, а моя ладонь ещё помнит его железное рукопожатие. Может, дело ещё и в юношеских гормонах, обостренном восприятии? Не знаю. Общая тайна, а потом и дело, ещё больше сблизили нас. Я знал: пусть весь мир рухнет, но дед никогда не предаст, всегда поможет и прикроет своей широкой спиной. Сейчас его нет, и в груди могильным холодом разливается ощущение звенящей, трагической пустоты.

Но сейчас не время об этом постоянно думать. Человек, тяжело переносящий смерть близкого родственника, на какое-то время выпадает из реальности. Он не может сохранять разум холодным, а тело — энергичным и готовым к работе. Сознание плавает в волнах душевной боли, вновь и вновь переживая горечь потери. Это губительно для дела. Сейчас надо задвинуть переживания на самые дальние задворки подсознания и сконцентрироваться на дальнейших действиях. Скорбеть буду потом, когда страна получит шанс на новую жизнь.

Я стиснул челюсти, усилием воли, давя в зародыше опустошающее чувство потери.

— Здравствуйте, Сергей Иванович, спасибо, — мой голос звучал спокойно и отстраненно, — я знаю.

— Что же ты сбежал, не предупредив? — мягко попенял капитан. — Петр Иванович уж на что железный человек, а места себе не находил, как только узнал, что произошло, и о том, что ты куда-то исчез. Не делай так больше, Леша, не надо. В случае нештатных ситуаций, всегда держи в курсе, что произошло и где ты находишься. Одно дело делаем, сам понимаешь.

— Понимаю, — вздохнул я, — извините, такого больше не повториться. Просто мне нужно было кое о чем подумать. Переночевать со своими мыслями, отойти от гибели деда.

— Подумал? — одними губами усмехнулся ГРУшник. — Самодетельностью заниматься не будешь? Учти, один твой неосторожный поступок, и всё может полететь в тартары.

— Знаю, — я смущенно потупился. — Сначала хотел пристрелить парочку предателей, но передумал. Понял, что нужно руководствоваться не эмоциями, а логикой и здравым смыслом.

— Правильно, — одобрил Сергей Иванович. — Дисциплина должна быть и холодная голова, чтобы не напортачить.

— Товарищ капитан, — вмешался в разговор, стоящий рядом Березин, — чего мы на морозе стоим? Пойдемте в дом, там поговорим.

— И то верно. Пойдемте.

Через пару минут мы уже сидели за столом. Хозяин разлил чай по чашкам, сыпанул горсть баранок в тарелку и деликатно удалился, оставив нас с капитаном одних.

Минуту мы сидели, отпивая горячий напиток, хрустели сушками. Чай жидким огнем

растекался по пищеводу, согревая и бросая в пот.

Первым разговор начал ГРУшник. Он неторопливо отставил чашку с чаем в сторону. Взгляд капитана потяжелел, стал острым и колючим:

— Мне Иван Дмитриевич говорил, что ты хочешь срочно передать важную информацию. В подробности не посвятил, сказал, при личной встрече со мной сам все расскажешь. Добавил только, что это связано с будущим покушением на Петра Ивановича. Я тебя внимательно слушаю.

— 29 декабря в пятницу, в три часа дня, Ивашутина убьют. Если точнее, отравят специальным ядом, разработанным в «Лаборатории Х» КГБ. Опрыскают баллончиком ручку автомобиля, Петра Ивановича вызовут в Генштаб. Он возьмётся за ручку, и туда доедет уже мертвым.

Лицо капитана окаменело, взгляд потяжелел, стал острым и колючим:

— Подробности какие-то можешь сообщить?

— Могу, — кивнул я. — Фамилия убийцы — Пименов. Сотрудник вашего ведомства. Будет в кожаном плаще и ондатровой шапке-ушанке. Работал в резидентуре ГРУ, находящейся в Индии, африканских и западноевропейских странах. Опытный ликвидатор. Был завербован сотрудниками КГБ, собравшими на него компромат.

— Какой компромат? — быстро уточнил капитан.

— Валютные махинации, взятки, спекуляция товарами из других стран, периодически получал деньги на вымышленные оперативные мероприятия, встречи с агентами и проигрывал их в казино. Там ещё много другого было, целый букет должностных преступлений и действий, попадающих под уголовное преследование.

— А теперь расскажи об этом подробнее, не упуская ни одной, даже самой мельчайшей детали, — Сергей Иванович придвинулся ближе, не спуская с меня внимательного взгляда. ГРУшник напоминал хищника, почуявшего добычу. У меня возникли ассоциации с напрягшимся тигром, напружинившимся и готовым в любой момент прыгнуть.

Я вздохнул и начал подробно рассказывать.

Когда я закончил, капитан задумался.

— Я знаю, что ты можешь предсказывать и предвидеть грядущие события. Петр Иванович кое-что о тебе рассказывал. Но сон... Ты уверен, что он сбудется?

«И этот туда же», — мелькнуло у меня в голове.

— Конечно. На все сто процентов.

— Тогда будем работать, — капитан нахмурился. — Сейчас я дам Васе инструкции, он отъедет подальше, свяжется по «Алтаю» с нашими, а мы с тобой серьезно поговорим. Потом я вас познакомлю.

— Сергей Иванович, а вы в нём уверены? Особенно в том, что нам надо знакомиться, — уточнил я. — Чем больше людей обо мне знает, тем выше вероятность провала.

— На девяносто девять процентов, — капитан придавил меня тяжелым взглядом. — Сто может дать лишь ясновидящий или господь Бог. Ты не смотри, что Вася молодой. Он парень надежный. Я с ним не первый, и даже не второй год работаю. Разное было, но Василий меня и старших товарищей никогда не подводил. И в деле он уже давно. Как думаешь, кто московских теневиков тряс? Вася с несколькими проверенными оперативниками. Пойми одну вещь. Я не всегда могу быть рядом с тобой. Слишком много работы ты нам подкинул. Поэтому Петр Иванович, по моей рекомендации, принял решение подключить к взаимодействию с тобой старлея Скорых. Он знает, только то, что мы сочли нужным ему

сказать. Прежде всего, что ты важный свидетель и твою безопасность нужно обеспечить всеми возможными и невозможными способами.

— У вас и «Алтай» в «УАЗе» имеется? Это замечательно, — улыбнулся я. — Удобно для связи. Не бойтесь, что с таким телефоном демаскируетесь?

— Не боимся, — улыбнулся капитан. — Во-первых, чтобы увидеть телефон надо заглянуть в машину. Во-вторых, у нас удостоверений и полномочий столько, что любой мент нам только честь отдаст, и постарается сразу забыть о том, что видел. Правда, это всё на крайний случай, привлечь лишнее внимание к себе мы никоим образом не собираемся.

— А возможность пеленга и прослушки не учитываете? Наверняка, Андропов и его подчиненные не сидят сложа руки. Все контакты Иващутина могут под плотным колпаком находиться.

— Ты меня учить конспирации собрался? — криво ухмыльнулся капитан. — Не переживай. Всё продумано до мелочей. И способ связи на такой случай тоже. Просто перезвонит связному на контактный телефон и попросит передать несколько завуалированных фраз, а смысл будет такой, чтобы Петр Иванович никуда не ездил, сидел дома или на даче, пока не встретится со мной. Например, «Коля жаловался, что погода холодная и на рыбалку зимнюю не поедет. И вам не рекомендует. Можно травму получить или простудиться сильно. Поэтому лучше в такую вьюгу никуда не ездить». Это я тебе в произвольном виде сообщение набросал, все можно другими словами сказать по специальному коду, а связной на телефоне примет и куда надо передаст. У нас есть много каналов связи, и обговорены различные способы передачи информации нейтральными фразами, в том числе и для экстренных случаев. Так что, не волнуйся.

— Извините, товарищ капитан, — я виновато развел руками. — Все знаю и понимаю. В вашем профессионализме уже убеждался не раз. Просто волнуюсь и переживаю сильно. Слишком многое поставлено на карту.

— Ничего страшного, — отмахнулся Сергей Иванович. — Я всё понимаю. Сейчас Васк отправлю, и мы продолжим.

— Договорились, — кивнул я.

Капитан встал.

— Иван Дмитриевич! Можете на секунду подойти? — крикнул он.

Из соседней комнаты выглянул Березин.

— Слушаю.

— Сейчас я с Васей поговорю, и минут через пять ворота нужно будет открыть. Ему надо срочно отъехать на пару часиков.

— Лады, — кивнул дед. — Иди, балакай со своим Васей, а я сейчас оденусь и ворота открою.

— Могу помочь, — предложил я.

— Да что там помогать? — отмахнулся Иван Дмитриевич, — всех делов, пара минут, не больше. Сиди уже, чай пей. Сам разберусь.

— Как скажете, — я пожал плечами и взялся за чашку.

Через пять минут заскрипела входная дверь. Дед и ГРУшник ввалились в тамбур вместе с белым облаком морозного воздуха. Березин скинул телогрейку, и ушел к себе. Капитан аккуратно повесил пальто на крючок и вернулся на прежнее место, мягко опустившись на стул.

— Теперь рассказывай. Последовательно и во всех подробностях, ничего не упуская.

Что произошло на пустыре?

Я вздохнул и начал рассказ. Сергей Иванович слушал внимательно, изредка задавая уточняющие вопросы. Когда закончил, он задумчиво протянул:

— Мда, ситуация. Леша, а о тебе кто-то ещё, кроме Мальцева, Зорина и нас, знает?

— Нет, никто, — категорически отказался я. — Волобуев, Миркин и Вероника, возможно, что-то подозревают. Мы же вместе детдомовцев спасали, и о маме Сергея они слышали, которую я заставил поехать в больницу и спас от смерти. Больше ничего.

— У меня сложилось такое впечатление, словно у нас где-то протекает, — капитан озадаченно потер пальцами подбородок. — Иначе, я объяснить не могу, почему американцев заинтересовал именно ты, причем так сильно, что они решились на похищение, наплевав на возможные последствия. Как будто знали о твоём даре. Что-то мы просмотрели. Если мыслить логически, о тебе знают Петр Иванович Иващутин, я, Игорь Зорин и Сергей Мальцев. Всё. Покойного Константина Николаевича в расчёт не берем. Он твой дед и под страхом смерти ничего бы не рассказал посторонним людям. Иващутина тоже можно исключить. После того, как Петр Иванович начал охоту за предателями, вы в одной лодке, а ты ещё и самый главный его козырь. Остаюсь я, Зорин, Мальцев, правильно? В себе я уверен. Значит, Зорин и Мальцев. Слил кто-то из них. И в это мне тоже слабо верится. Игоря знак давно, с Сергеем познакомился и составил о нем представление. Не складывается картинка.

— Я тоже не верю, что кто-то меня сдал, тем более ЦРУ. Сергея знаю, как облупленного. Игоря Семеновича тоже. Не могли они меня сдать. Подозревать Петра Ивановича смешно. Если бы вы работали на ЦРУ, то взять меня было намного проще и удобнее. И моментов для этого было не счесть. Я бы даже ничего не понял толком. Нет, тут что-то другое.

— А если подойти с другой стороны? — прищурился капитан. — Давай исходить из следующего. Интерес к тебе обусловлен тем, что ты присутствовал на встречах с Иващутиним, ездил к Машерову. Но это все равно не объясняет попытку твоего захвата. Но здесь мы можем очертить круг подозреваемых из числа тех, кто был более-менее в курсе ваших встреч. Насколько я знаю, Константин Николаевич общался с Петром Ивановичем на своей даче. Иващутина возит водитель — Виталий. А ещё с ним один охранник постоянно находится — Артём или Лёня.

— Точно, — от избытка чувств я даже хлопнул себя по лбу. — Они же на первом этаже сидели с покойным Виктором. Только охранник был один — Артём. Второго я не видел. А мы втроем общались на втором этаже в кабинете у деда, запершись на ключ, пока водители и охранник смотрели телевизор в гостиной на первом.

— Вот, — торжествующе вскинул палец капитан. — Они видели, что Иващутин и дед, зачем-то брали тебя с собой и запирались наверху в кабинете. А теперь представь, взрослые люди военные, регулярно видят, что у их шефа какие-то секреты, причем не только со своим старым другом генерал-лейтенантом, но и с его внуком. Если бы они вдвоем запирались, это было бы вполне объяснимо и не так подозрительно. Может, войну вспоминают или ещё что-то. Боевые товарищи, всё-таки. В любом случае, такой формат общения да ещё и с малолеткой-школьником не мог не вызвать у них интереса. Вот отсюда мы и будем плясать. Работать по этому вопросу я начну прямо по возвращению в Москву.

— Сначала нужно с покушением на Петра Ивановича разобраться, — напомнил я. — Это самое главное.

— Разберемся, — многозначительно пообещал капитан. — Кто предупреждён, тот

вооружен. Вася сейчас свяжется с нашими, и Петр Иванович никуда не выедет, пока со мною не поговорит. Главное, чтобы ты с датами не напутал.

— Не должен, — успокоил я. — Во сне всё четко видел. 29 декабря это произойдет. В 15:43 Пименов появится во дворе с машинами. А дальше вы знаете.

— Ладно, давай теперь о тебе поговорим. Сам понимаешь, что на тебя открыта охота. Тебя ищут и ЦРУ и КГБ. Тебе нужно уехать из страны. Петр Иванович настаивает на этом. Мы готовы вывезти тебя на Кубу. У него там отличные связи. Один компаньеро Вальдес, вице-председатель Госсовета, чего стоит. Наши кубинские товарищи заверили, что примут любого человека на неограниченное время. И Машеров дружит с самим Фиделем. Если что может к нему напрямую обратиться или на Кубу приехать. Тебе там безопасно будет. Море, пляжи, солнце, и люди приветливые. Отдохнешь немного, пока мы будем со своими делами разбираться. Согласен?

— Нет, — я решительно мотнул головой. — Я никуда не поеду. Даже не думайте об этом.

— Это приказ, — повысил голос капитан. — Как ты не поймешь, что тебе здесь оставаться опасно. Ты хоть представляешь размер катастрофы, если ты погибнешь или будешь захвачен КГБ или ЦРУ?

— Понимаю, — нехорошо улыбнулся я. — А вы понимаете, что приказывать мне не имеете никакого права, ни служебного, ни морального? Деда убили, решается судьба моей страны, а меня хотят подальше отсюда отправить. Не дождетесь! Никогда я не буду отсиживаться где-то под пальмами, зная, что могу принести огромную пользу здесь. Сами видите, о покушении на Петра Ивановича узнал, и смог вас предупредить. Будете настаивать, сбегу. И сам начну действовать, как могу и умею. Но от этого всем будет хуже, и мне, и вам.

— Леша, ты многого не знаешь. И даже не представляешь, какой объем работы мы проделали и что раскопали. Я не могу пока тебе об этом рассказать, по соображениям секретности, — продолжал напирать Сергей Иванович. — Потому, что если тебя захватят и узнают информацию, сделают всё, чтобы воспрепятствовать нам. Нас всех уберут в течение суток, не считаясь ни с какими расходами и будущими проблемами. И меня, и тебя, и Петра Ивановича, и даже Машерова. Дело такое, что если мы донесем его до членов Политбюро, это произведет эффект разорвавшейся бомбы. Но не все ещё готово. Нужно ещё время, чтобы всё сделать как надо. Поэтому, поверь, лучше тебе некоторое время посидеть на Кубе. Нам спокойнее будет. Когда всё подготовим, выдернем тебя обратно, не волнуйся.

— Нет. Я остаюсь тут. Точка, — мое лицо оставалось бесстрастным. — Хочу активно участвовать во всех событиях. Как и раньше. Иначе сбегу. Все равно доверенных людей у вас единицы. Каждый человек на счету. И я в том числе. А со своими возможностями, тем более.

Капитан некоторое время сверлил меня глазами, стиснув челюсти и играя желваками на скулах. Я был уверен в своей правоте, и твердо встретил его тяжелый, давящий взгляд. Некоторое время мы смотрели друг на друга. Затем капитан вздохнул и сказал:

— Ладно. Твоя взяла. Петр Иванович предсказывал, что ты так ответишь. Мы вынуждены пойти тебе навстречу. Нам понадобится ещё пара дней, чтобы подготовить документы. И начинаем действовать. По легенде будешь моим сыном, а Вася твоим старшим братом. И с новой мамой тебя познакомлю, — ухмыльнулся капитан. — Уверен, она тебе понравится. Главное, с тобой постоянно должен находиться один-два наших человека. Жить будешь здесь и не только, с Иваном Дмитриевичем я уже договорился. На операции, в зависимости от поставленной задачи, выезжаем всей семьей или ты с кем-то из

родственников. Но тебе придется изменить внешность.

— У меня тоже есть право голоса и свои предложения, — напомнил я.

— Хорошо, я тебя внимательно слушаю, — бесстрастно ответил капитан.

— У Петра Ивановича, насколько я знаю, намечается встреча с Григорием Васильевичем Романовым. О ней должен договориться Машеров. Уже известно, когда она произойдет?

— Нет. Петр Миронович, как раз завтра едет в Ленинград. Для всех, отвезти семью в город Октябрьской революции, погулять, сходить в Эрмитаж. На самом деле, чтобы встретиться с Романовым. Договоренность об этом уже есть. После их встречи будет известно, когда Григорий Васильевич может уделить время Иващутину. Машеров будет просить, чтобы это произошло как можно быстрее, хотя бы сразу после Нового Года.

— Мне нужно присутствовать на встрече Иващутина и Романова, — я предостерегающе выставил ладонь, останавливая возмущенно вскинувшегося и уже открывшего рот капитана. — Это очень важно. Я знаю, что смогу убедить Романова, благодаря своему дару.

Капитан несколько мгновений молчал:

— Ладно, — выдал он. — Мы подумаем, как это сделать.

— И ещё один вопрос. Мы собирались ликвидировать Гвишиани. Даже провели операцию для получения финансов под эту акцию. Как там обстоят дела?

— Нормально. Деньги конвертированы в валюту и золото. После Новогодних праздников планируем выехать в ФРГ для подготовки акции.

— Кто будет договариваться с РАФ или Красными Бригадами?

— Скорее всего, я.

— Отлично, я хочу тоже поехать.

— Зачем? Ты же понимаешь, что если что-то с тобой произойдет в ФРГ, с меня шкуру спустят!!!

— Понимаю. Но хочу в этом участвовать. Тем более что с моими возможностями, польза от меня будет огромная.

— Я спрошу у Петра Ивановича, — вздохнул капитан.

— И да, с Иващутиним мне тоже надо встретиться. Хочу убедить его, чтобы меня посвятили в детали предстоящей операции. Уверен, моя помощь будет не лишней.

— Откуда ты на мою голову такой взялся? — устало вздохнул капитан. — Хорошо, я обсужу это с Петром Ивановичем.

— И ещё один момент. Вы понимаете, что ЦРУ не будет просто смотреть, как их тщательно выстроенные планы по перевороту ломаются? На финальном этапе, когда начнется открытое противостояние с заговорщиками, массовые аресты, они могут вмешаться в ход событий. Например, руками Андропова кинуть Брежневу дезу-компромат, играя на его страхе конкурентов или других чувствах. Или как-то воздействовать на других членов Политбюро. Возможности у этой конторы огромные. Поэтому, внимание «рыцарей плаща и кинжала» надо отвлечь. Или, по крайней мере, сделать так, чтобы им в этот момент было не до нас. А потом, настанет время, и клюв оципанному орлану обрубим, чтобы не совал его, куда не следует.

— Что ты предлагаешь? — в глазах Сергея Ивановича зажглись искорки интереса.

Я торжествующе улыбнулся.

— Когда ехал сюда на автобусе, много об этом думал. И дар мне помог — подсказал отличное решение.

— Тогда всё, мы поехали, — капитан неторопливо встал, повел плечами, разминая затекшую спину, и протянул мне руку:

— Я доложу обо всех твоих предложениях Петру Ивановичу. Сам понимаешь, решение принимает он. Думаю, никаких проблем не возникнет, и генерал согласится. Это действительно хороший вариант немного опустить янки на грешную землю.

— Если получится, скандал выйдет большой, и ЦРУ некоторое время будет не до нас, — улыбнулся я, пожимая руку. — Правда, придется потратиться и как следует поработать, но результат того стоит.

— Ты, главное, глупостей никаких не делай на эмоциях, — попросил ГРУшник. — Никто тебя силком отправлять на Кубу не будет, хоть это, в сегодняшних условиях, лучший вариант. С тобой считаются и к твоему мнению прислушиваются. Раз хочешь быть полноценным участником операции, будешь. Думаю, Петр Иванович тебе не откажет. Тем более, зная твои способности...

Разговор с Сергеем Ивановичем длился часа три с небольшими перерывами. Около часа капитан посвятил покушению на Ивашутина. Он дотошно выспрашивал самые мельчайшие детали: с какой стороны от убийцы находилось здание ГРУ, как стояли автомобили. Уточнял примерные габариты баллончика с ядом, как он наносился на ручку, с какой стороны ликвидатор подходил к машине, заставлял дотошно вспоминать каждый момент сна, заноса сведения на бумагу. Ещё час мы обсуждали план действий против ЦРУ. Капитану он понравился, но мой энтузиазм он немного остудил, напомнив, что решение будет принимать Ивашутин. Правда, сказал, что после того как разберемся с покушением, постарается организовать нам встречу, так как начальник ГРУ гарантированно захочет меня увидеть и выслушать.

Затем нас отвлек приехавший обратно Василий. Старший лейтенант отрапортовал о выполнении задания, был отправлен обратно в машину, но в тамбуре парня перехватил Березин и утащил в смежную комнату отпаивать чаем.

Мы продолжили разговор. По моей просьбе Сергей Иванович рассказал о новых людях, обеспечивающих мою охрану. Семейно Васи он знал давно. Отец — армейский майор, вышел на пенсию, заслуженный человек и старый друг Сергея Ивановича. Алла — сотрудница военной разведки, около 15 лет проработавшая в США и странах западной Европы. Капитан тоже знал её давно, и был уверен, что женщина не подведет.

Оба отлично стреляют, обладают аналитическим складом мышления, владеют рукопашным боем, знают основы охраны и оперативной работы. Алла — опытный сотрудник, патриотка, идейный противник Запада, проверенная во всех отношениях. Вася — молодой, но перспективный и тоже показал себя хорошо.

Я попросил капитана дать весточку моим родителям, что со мною все в порядке. Особенно переживал за маму, она сейчас, точно места себе не находит. И Игорю Семеновичу дать знать, что жив-здоров.

Сергей Иванович согласился заняться этим вопросом. Правда, сказал, что это против всех правил конспирации и то, только в виде исключения, потому, что отец и Игорь Семенович — сами военные, являющиеся секретносителями, и никому ничего не расскажут. Да и знать, где я, они не будут.

Капитан также пообещал сообщить Иващутину, что я хочу с ним встретиться. Дальше начальник ГРУ сам решит как, где и когда это организовать.

Потом мы все вместе ужинали и пили чай. Капитан познакомил меня с Василием. Парень мне понравился. Спокойный, обстоятельный, не суеверный и знающий себе цену. Мы поели разогретые Иваном Дмитриевичем макароны с тушенкой, попили чай с пряниками, поговорили о всяких мелочах. Затем капитан и старлей собрались ехать. Березин предлагал им переночевать, мол, в хате места всем хватит, куда ехать на ночь глядя, но Сергей Иванович отказался, сославшись на срочные дела. Василий пошел разогревать машину, дед — открывать ворота, а капитан задержался, чтобы сказать мне пару слов.

Сергей Иванович с напарником уехали, а мы с дедом убрали со стола и отправились спать. От лежака на печке исходило приятное тепло, я свернулся калачиком под толстым пуховым одеялом, обнял огромную подушку и провалился в сон...

Мне снился знакомый речной берег, недалеко от пионерского лагеря, ставшего временным пристанищем для детдомовцев. В конце ноября после банкета с шашлыками, когда малышня отправилась спать, мы с ребятами поехали на речку. Грелись у костра, пели песни, а потом мы с Аней вышли на берег и сидели на песке, созерцая неподвижную водную гладь и темно-синее небо с тускло мерцающими вдали точками звезд. Именно в тот момент, когда зеленоглазка обиделась и бежала от меня прочь, я первый раз почувствовал, что испытываю не простую симпатию и влечение к красивой девушке, а нечто большее...

Хмурое, черное небо злобно нависло над зеркальной гладью реки. Угрожающе качались черные ветки деревьев, истерично дрожали кусты, вкрадчиво шуршали листья, предвещая беду.

На обрывистом склоне стояла Аня. Ветер безжалостно трепал подол легкого белого платья, настойчиво дергал черные шелковистые пряди, яростно тербил кружевной воротничок, поднимал и кружил вокруг одноклассницы мутную серую волну грязного песка. Но она каким-то чудом не касалась девушки. Подсвеченная желтым лунным светом, одинокая фигурка любимой в белоснежном платье, сияла изнутри, разгоняя щупальца тьмы, назойливо втягивающие Аню в черную бездну ночи.

Лицо девушки было печальным и спокойным. В прячущихся за длинными пушистыми ресницами колдовских зеленых глазах плескалась вселенская тоска. Девушка сделала решительный шаг вперед, вплотную подойдя к обрыву. Еще чуть-чуть и она камнем полетит вниз. И темная бездна воды сомкнется над нею, принимая в свои объятия.

«Этого нельзя допустить, Аня, нет!» — предчувствие катастрофы обожгло сердце леденящим холодом. Я бросился вперед, спотыкаясь о ветки и камни, наваленные на песке.

— Аня, стой, не надо, — кричу во всю мощь легких, но из моего горла вырывается лишь жалкий хрип.

Я продолжал бежать. Падал, и снова поднимался, отталкиваясь руками. Хватался ладонями за сучки и землю, изо всех сил карабкался на холм, стараясь успеть.

Девушка что-то почувствовала и развернулась ко мне. Её лицо вспыхнуло радостью, зеленые глаза засветились от счастья. Я сделал последний рывок, оказался совсем рядом. Мои руки судорожно схватили девушку за талию, оттаскивая в сторону от обрыва. Аня улыбнулась и хотела что-то сказать, но внезапно фигурка девушки осыпалась черным пеплом, оставив в моих руках, уже ощутивших теплое и податливое тело подруги, лишь тоскливую пустоту.

Я резко распахнул глаза, выныривая из сна. Одеяло, подушка и простыня были мокрыми

от пота.

«Что это было?! Обычный кошмар или предупреждение? А если предупреждение, то, что оно значит? Не хватало еще, чтобы с Аней что-то произошло. И что мне после всего этого делать? Всё бросить и мчаться в Новоникольск? Подставляюсь сам и подставляю Сергея Ивановича, Ивашутина и всех остальных. И дело пострадает. А если тревога ложная и это просто сон, вызванный чувством вины и желанием снова увидеть зеленоглазку? Даже не знаю, как поступить. Черт возьми! Я не хочу и её потерять», — мысли испуганными зверьками метались в голове, наращая уровень паники и снова успокаивая.

Верное решение пришло само. Как следует, прокрутив его в голове, я успокоился, откинул в сторону одеяло, бодро вскочил с печки, и помчался умываться.

Березин уже сидел в коридоре. Крякая от удовольствия и прикрывая глаза, он смаковал маленькими глотками исходящий клубами пара чай.

— Доброе утро, Иван Дмитриевич, — весело поздоровался я.

— Доброе, — ухмыльнулся старик и поставил железную кружку на стол. — Спалось хорошо?

— Нормально, — кивнул я, — Иван Дмитриевич, надо бы позвонить в одно место. Желательно отъехать подальше отсюда. Сможем?

— Можно попробовать, — дед задумчиво поскреб пятернею затылок. — А зачем тебе это надо?

— Да сон странный приснился, — вздохнул я. — Хорошему человеку может грозить опасность. Честно говоря, я не уверен, что именно этот сон не просто кошмар, а предупреждение. Но принять кое-какие меры на всякий случай нужно.

— Если человек хороший, тогда, конечно, — согласился Иван Дмитриевич. — Ты к себе в город звонить собрался? Кому-то из своих?

— Да, — кивнул я.

— Это плохо, — заявил дед. — Учти, если тебя ищут, телефоны могут быть под контролем. Не все, понятно. Зачем так рисковать? Давай сделаем по-другому.

— Как? — поинтересовался я.

— Очень просто, — улыбнулся Березин, — свяжемся с Сергеем Ивановичем.

— Не годится. Я тщательно всё прикинул. У капитана и так забот полон рот. Пусть сейчас с покушением на Ивашутина разберется. А теперь представьте, вот рассказал я ему свои опасения. Непонятно, стоит ли реагировать или нет. Опять же придется подключать людей, задействовать ресурсы. А если это просто сон, не несущий никакого тайного смысла? В случае с Ивашутиным, всё было четко и прозрачно, я был уверен, что это предупреждение. А сейчас нет. Зачем профи отвлекать по сомнительным основаниям? В Новоникольске у ГРУ особо никого нет. Можно задействовать военных из части, например, разведчиков Макарова. Но они не профи именно в охране и слежке. Могут диверсию организовать, часового бесшумно снять, а слежка и охрана — совершенно другие функции. И если их задействовать, это поднимет ненужную волну. В первую очередь, привлечет внимание КГБ и ЦРУ. Особисты сто процентов будут в курсе, а потом ещё и объяснений у военных попросят. Мол, в связи с чем, такие движения? У нас же не город, а большая деревня. Все всё видят и знают. Зачем так демаскироваться? Гораздо проще связаться с Игорем Семеновичем или Серегой Мальцевым и попросить их присмотреть за Аней. Они не откажут.

— Я так понял, опасность может угрожать девушке? — старик наморщил лоб, что-то прикидывая. — Твоей?

— Моей, — вздохнул я. — Мы с Аней в одном классе учимся. Недавно встречаться начали.

— Хочешь созвониться с друзьями? — прищурился дед, — забыл, что тебя активно ищут и лучше тебе вообще отсюда никуда не выходить?

— Да помню я всё! — с досадой воскликнул я. — Но что делать? На заднице сидеть и ждать пока с ней что-то случится? Я же потом себе этого не прощу.

— Именно, — жестко отчеканил дед. — Ты будешь сидеть здесь, как выразился, «на заднице». В Москву звонить твоим друзьям поеду я. Сейчас мы с тобой позавтракаем, покумекаем, как это красиво сделать, и что говорить. Дашь мне телефоны, и будешь ждать меня здесь. Считай это приказ старшего по званию, и он не обсуждается. По-другому не получится, надеюсь, сам понимаешь, почему.

— Понимаю, — вздохнул я. — Договорились. Спасибо вам большое, Иван Дмитриевич.

* * *

Пименов, — задумчиво произнес Иваштутин. — Где-то я эту фамилию слышал.

— Вот можете ознакомиться с выпиской из личного дела, я в отделе кадров получил, — капитан протянул генералу лист бумаги.

Начальник ГРУ взял выписку и впился в неё глазами:

— Так, Пименов Олег Борисович, двадцать восьмого года рождения. Отец — рабочий, мать — служащая. Здесь все нормально. Работал в Африке, Азии и других странах, контактировал с национально-освободительными движениями. Успешные операции, знаки отличия. Вроде, хороший сотрудник. Сейчас майор Третьего направления Пятого управления Специальной разведки.

Иваштутин поднял глаза:

— Получается, этот красавец из орлов Лавренова?

— Да, — подтвердил капитан. — В подчинении у Николая Николаевича. Основная специализация — ликвидатор. Но официально, понятно, оперативный работник.

— Ладно, — начальник ГРУ хлопнул ладонью по столешнице, откладывая бумагу в сторону. — С биографией Пименова разберемся потом. Для взятия ликвидатора всё подготовлено?

— Так точно. У завхоза взял ключ от кабинета майора Ковалевского на первом этаже. Сам майор в длительной командировке, поэтому никаких проблем не возникнет. Наш сотрудник запрется в кабинете, и будет вести видеозапись. Еще две точки для фотосъемки будут в машинах. Специально портфель со скрытой камерой за задним сиденьем у окна пристроили. Третья точка в будке у охранника, рядом со стоянкой. Все действия ликвидатора будут фиксироваться. Группа захвата будет в двух близлежащих машинах. Мы автомобили уже расставили на местах. Связь — по рациям. Брать его будут Артём, Василий и Николай Михайлович. Я осуществляю общее руководство и контроль операции со своего кабинета, он, как вы знаете, окнами тоже на стоянку выходит.

Берем ликвидатора, затаскиваем в кабинет, допрашиваем. Фиксируем доказательства. Приглашаем сотрудника следственного отдела, нашего человека из Военной прокуратуры и эксперта. Со всех сразу же берем подписку о неразглашении. Эксперт уже предупрежден. В подробности я его не посвящал, просто попросил вместе с чемоданом находиться в нашей лаборатории. Экспертизу вещества из баллона и снятие отпечатков пальцев проведет сразу. Всё необходимое оборудование, включая реактивы, будет в наличии.

— Хорошо, — кивнул Иваштутин. — Действуй.

29 декабря. 1978 года. Пятница

Убийца убрал подрагивающие руки в карманы кожаного плаща и огляделся. Ощущение опасности выло сиреной, наполняя душу тревогой и страхом. Но отступить Пименов уже не мог. Слишком многое было поставлено на карту. Кроме кнута, куратор из КГБ предложил хороший пряник. Шестизначную сумму в рублях или пятизначную в долларах, помощь в уходе на Запад и обустройстве. В случае отказа гебешник обещал дать ход документам из серой папочки. Но в это Олег Борисович не верил. Никто не отдаст в лапы ГРУ человека годами сливавшего информацию Комитету, и сейчас получившего приказ ликвидировать начальника одной из самых мощных спецслужб Советского Союза. Таких исполнителей в живых не оставляют. В случае отказа убьют сразу. При согласии ликвидируют после выполнения заказа.

Но здесь у Пименова имелся небольшой шанс выжить. Аванс — двадцать тысяч долларов и пятьдесят рублями уже получен. По его настоятельному требованию — наличными. После выполнения акции майор планировал сразу удрать. Маршрут бегства был уже продуман и подготовлен. Недалеко на стоянке, была припаркована купленная в деревне горбатая «волга» с фальшивыми документами и номерами. Там же лежали деньги, одежда и портфель с гримом и накладной седой бородой. После опрыскивания ядом ручки машины, он планировал через пару минут выйти из стекляшки и, не заходя домой, рвануть на стоянку. А потом сразу же выехать в Ленинград. У майора оставались старые связи среди контрабандистов, и он был уверен, что уйти за границу в трюме «Академика Крылова» или «Алапаевска» у него получится.

«И пусть себе задницу листами из серой папки подтирают», — мысленно ухмыльнулся Олег Борисович. Глянул на часы: «15:43».

«Через пару минут должен выйти» — отметил убийца.

Он нащупал в кармане баллончик и неторопливо направился к знакомой черной «волге» начальника ГРУ. Возле машин и во дворе никого не было. Только в конце длинного ряда парковалась белая «копейка». Пименов повернул, приближаясь к задней двери служебного автомобиля Ивашутина. Обострившееся сознание отметило всколыхнувшуюся шторку в окне напротив. Пименов на секунду замер. На сердце похолодело, руки в карманах непроизвольно дернулись. Внешне ликвидатор ничем не выдал своего волнения. Лицо осталось таким же каменно-бесстрастным. Он продолжал идти вперед, одновременно краем глаза фиксируя подозрительное окно. Но штора больше не двигалась и Пименов облегченно выдохнул:

«Показалось».

Он приблизился к автомобилю, продолжая движение, вынул баллончик из кармана, прыснул на ручку, обдав её облаком влаги. Развернулся к входу в здание, сделал шаг и...

Задняя дверца резко ударила его по ногам, отбрасывая назад. Ликвидатор пошатнулся, взмахнул руками, удерживая равновесие, и получил сокрушительный удар по спине дверцей «жигули», стоявшей рядом с «волгой». Из машины Ивашутина, как молния, выскочил молодой крепкий парень, сразу же сграбастав потрясенного ликвидатора в свои объятия, и прижав руки Пименова к телу. Сзади хлопнула дверца, и стальные предплечья взяли горло ликвидатора в удушающий захват, задирая голову вверх. Подскочивший третий мужчина, ловко подхватил его под разбитые колени, лишая равновесия. Через десяток секунд Пименова с завернутыми за спину руками в наручниках, под изумленными взглядами столпившихся в коридоре и вышедших из кабинетов сослуживцев, завели в здание.

Минуту его, не особо церемонясь, тащили по лестнице и коридору. Ликвидатор даже не мог рассмотреть куда, поскольку высоко завернутые вверх руки, пригнули его лицо к полу. Но когда его ввели в кабинет, усадили на стул и отпустили, убийца, наконец, смог оглядеться. И смертельно побледнел, узнав коренастого и широкоплечего мужчину в генеральском мундире, читавшего документы.

— Ну здравствуй, Пименов Олег Борисович, — генерал армии отложил бумаги в сторону, и поднял глаза. Пронзительный тяжелый взгляд Ивашутина многотонным грузом давил на предателя, морально уничтожая и поднимая в душе паническую волну. Ликвидатор не выдержал, с шумом выдохнул и виновато отвел глаза.

— Говорить будем, майор?

30 декабря 1978 года

7:15 утра

— Алексей, вставай, к тебе приехали, — голос Ивана Дмитриевича вырвал меня из объятий Морфея.

— Кто приехал? — сонно пробормотал я, еле открыв затуманенные глаза. На лежаке печки под толстым одеялом было так тепло и по-домашнему уютно, что вставать не хотелось.

— Сергей Иванович со своими бойцами. Я сейчас им ворота открою, они заедут, а потом сюда зайдут, — проинформировал дед. — Так что давай, ополосни лицо, оденься и встречай гостей. Лады?

— Лады, — вздохнул я, и, решившись, резко откинул одеяло и спрыгнул на дубовые доски пола.

— Молоток, — улыбнулся дед. — Приводи себя в порядок, а я пошел.

Березин вышел в тамбур, подхватил висящую на вешалке фуфайку. Через минуту клацнул замок, и захлопнулась дверь.

Я быстро натянул на себя брюки, майку и свитер сверху, вышел в коридор, ополоснул лицо в рукомойнике и вытерся белым полотенцем, висящим рядом.

Моя зубная щетка дожидалась хозяина в высоком пластиковом стаканчике. Ещё в первый же день я вытащил «мыльно-рыльные» принадлежности из рюкзака, и с разрешения Березина, пристроил их на столе, примыкающем к рукомойнику. Раскрыл круглую коробочку «Мятного» с нарисованными зелеными листиками, макнул туда слегка смоченную щетину щетки и принялся за дело. Только выплюнул белую пену, как дверь распахнулась.

— Проходите, товарищи, — прогремел голос Березина.

В тамбур зашли Сергей Иванович, Василий и миловидная рослая женщина лет 35-ти с небесно-голубыми глазами и выбивающейся на лоб золотистой челкой. Через плечо незнакомки был перекинут ремень небольшой сумки, которую она придерживала ладошкой.

Затем ввалился Иван Дмитриевич, с шумом захлопнув дверь, и в коридоре сразу стало тесно.

— Привет Алексей, — протянул руку капитан.

— Здравствуйте, — я вытер полотенцем рот и пожал руку гостю.

Затем поздоровался с невозмутимым Василием.

— А это капитан Пархоменко, — представил женщину Сергей Иванович. — Формально мы в равных званиях, но она находится в моем подчинении. Я тебе о ней рассказывал.

— Очень приятно познакомиться, — я вежливо улыбнулся. — Меня зовут Алексей.

— Знаю, — женщина улыбнулась в ответ, сверкнув белыми ровными зубками, и протянула мне ладошку — Алла.

Рукопожатие у сотрудницы ГРУ оказалось по-мужски энергичным и крепким.

— Алексей, сейчас Алла тебя переокрасит. Станешь ярким блондином нордического типа, — усмехнулся капитан. — Потом едем в Москву. Твоя просьба о встрече с Петром Ивановичем услышана и удовлетворена. Через пару часов с ним увидишься.

— Я так понял, что все прошло нормально? — многозначительно уточнил я.

— Да, — кивнул Сергей Иванович. — Теперь генерал хочет с тобой поговорить.

— Надеюсь, не в стекляшке?

— Нет, конечно. В другом месте, — успокоил ГРУшник. — Мы сейчас чаю поьем с Иваном Дмитриевичем, пока Алла будет тобою заниматься. Быстро завтракаешь, краска высыхает, моешь голову и едем.

— Как скажете, товарищ капитан.

— Иван Дмитриевич, куда свою верхнюю одежду вешать или складывать? — озабоченно поинтересовался Сергей Иванович.

— А вон, можете туда побросать, — хозяин небрежным жестом указал на большую тумбочку возле входа. — Или на крючки повесить напротив. Как вам удобно будет.

Гости скинули с себя верхнюю одежду, побросав куртки и пальто на большую тумбочку в тамбуре. Под пиджаком капитана и свитером старлея Старых мой наметанный глаз заметил очертания кобур. У женщины оружия не увидел. Но оно тоже наверняка было.

Пока мужчины рассаживались у самовара, женщина поставила на стол рядом с рукомойником прямоугольную коробочку «Лонда Колор», небольшую глиняную мисочку и кисточку, а я по её просьбе притащил с гостинной стул.

— Гордись, — ухмыльнулся капитан. — Тебе специально зарубежную краску для волос нашли. Алла лично подбирала, чтобы цвет был более естественным. Наши средства она забрала.

— Вот здорово, — в тон ему ответил я. — Всегда мечтал стать высоким блондином в черном ботинке. Надеюсь, волосы мне завивать не будут как Пьеру Ришару?

— Надо будет для дела, завьем, — зловеще пообещал Сергей Иванович. — И губы накрасим, в платье нарядим, бантик нацепим, никуда ты не денешься.

— Товарищ капитан, — вмещалась улыбающаяся во весь рот Алла, — не пугайте парнишку. Вон, он уже побледнел весь от страха.

— Неправда ваша, товарищ Пархоменко, — возмущенно возразил я. — Придумываете вы. Ничего я не побледнел. Уверен, каждый из нас пойдет на жертвы. Если для дела понадобится, товарищ капитан сам инициативу проявит. Педикюр и маникюр сделает, помадой губы подведет, колготки в сеточку натянет и коротенькую юбку наденет. И будет путану в квартале красных фонарей изображать. Стоять у входа в бордель и за рукава советских граждан хватать: «сеньор, кьеро сексо». А ему в ответ гордо с осознанием собственного достоинства: «русо туристо, облик морале». Как вам картинка, Сергей Иванович?

— Бррр, — капитан чуть не поперхнулся чаем, видимо, представив себе эту сценку. Вася весело заржал, женщина тихонько захихикала.

— Но, но, — грозно погрозил пальцем Сергей Иванович. — Это ты уже, того... Перебарщиваешь.

— Извините, товарищ капитан, но я только развил и продолжил вашу мысль, — невинно хлопнул глазами я.

ГРУшник помолчал, посмотрел на веселящихся коллег, сделал грустное лицо, и проникновенно глядя в мои глаза, добавил:

— Ты только эту идею Петру Ивановичу не подавай, очень прошу.

Теперь ржали уже все, в том числе, и Иван Дмитриевич. Даже капитан не выдержал, и хохотнул, присоединяясь к общему веселью.

— Буду нем как рыба, — серьезно пообещал я.

— Ладно, пошутили, и хватит, — улыбнулся капитан. — Крась его, Алла, а мы пока с

Иваном Дмитриевичем чаи погоняем.

Алла колдовала надо мною больше часа. Усадила меня на стул, размешала осветляющий состав. Достала из сумки простыню, накрыла меня и повязала кончики на шее. Начала аккуратно наносить перекись. Затем замотала мне голову полотенцем. Через полчаса наступила очередь краски. Женщина работала как профессиональный парикмахер, последовательно обрабатывая все участки шевелюры: сначала корни, потом пряди. Когда она закончила, надела на меня целлофановую шапочку, подозреваю, что тоже зарубежную.

— О как, сервис на высоте, — восхитился капитан, обозревая меня. — Как в лучших парикмахерских Парижа.

Потом Иван Дмитриевич покормил меня завтраком, рассыпчатой картошкой «в мундирах» прямо из печки, порезанной ломтиками селедочки с кольцами лука. Гости от завтрака отказались, предпочтя выдуть еще по чашке чая с коричневыми пряниками, купленными в авдеевском сельмаге.

Через сорок минут Алла решительно сняла с меня шапочку, вручила тюбик шампуня и отправила к рукомойнику. Затем поработала расческой, зачесывая мои волосы назад. Через полчаса, когда шевелюра высохла, женщина достала несколько тюбиков, баночек, тканевую тряпочку и кисточки, опять накрыла меня простыней и попросила:

— Сейчас буду грим наносить, пожалуйста, сиди спокойно, не дергайся.

— Хорошо, — кивнул я.

На этот раз я сидел посреди гостиной. Минут двадцать оперативница колдовала надо мною, выдавливая на лицо гели и густые жидкости из тюбиков, разнося их порхающими движениями кисточек, и подтирая некоторые участки тряпочкой. Даже на внешние стороны кистей рук и пальцы гель нанесла, заставив их потемнеть.

Затем остановилась, полюбовалась на результат, обошла меня со всех сторон и удовлетворенно хмыкнула.

ГРУшники и старик с интересом рассматривали меня.

— Красавец, — капитан показал Пархоменко большой палец, — Анна, ты чудо сотворила, такого парня хоть сейчас в Голливуд возьмут сниматься.

— Мне можно уже встать? — спросил я.

— Хочешь посмотреть, что получилось? — улыбнулась Алла.

— Конечно, хочу.

Оперативница сняла с меня простыню.

— Иди, смотри.

Я вышел в тамбур, глянул в зеркало и застыл. На меня смотрел высокий загорелый блондин лет 20-ти. Даже лицо загримировали так, что почти ничего не напоминало прежнего Алексея Шелестова. Нос стал более тонким, горбинка почти исчезла, профиль приобрел суровую чеканность, а черты лица — холодную аристократическую надменность.

— Алла подошла сзади:

— Ну как?

— Я в шоке, — честно признался оперативнице. — Сам себя не узнаю.

— Вот и отлично, — довольно ухмыльнулся вышедший следом капитан. — Мы тебе и одежду привезли. Вася, принеси.

— Сейчас, — старший лейтенант вскочил со стула. Через пару секунд он скрылся за дверью. Обратный Василий вернулся с ворохом одежды, и аккуратно выложил её на диван.

Яркая красная куртка «адидас», вязаная шапочка, спортивные брюки и кроссовки той

же фирмы.

— И зачем это все? — растеряно спросил я.

— Привыкай к своему новому образу, — подмигнул Сергей Иванович. — Если разговор с Петром Ивановичем пройдет удачно, нам предстоит много поездок. Ты должен производить соответствующее впечатление.

— А вы не думаете, что такая одежда привлечет ненужное внимание? — поинтересовался я.

— Во-первых, мы едем в такое место, где подобная одежда, наоборот, в порядке вещей, — ответил капитан. — Во-вторых, твой новый образ и яркая одежда, сама по себе отличная маскировка. Вот скажи, на что обращают внимание советские люди?

— На импортную одежду? — неуверенно предположил я.

— На импортную яркую одежду, — подчеркнул Сергей Иванович. — Если на тебе зарубежная красная куртка, то в первую очередь запомнят именно её. А лицо, рост и другие детали внешности отступают на второй план. В памяти большинства останется только яркое красное пятно. Обычная психология. Нас этому ещё преподаватели учили в академии.

— Понял, — кивнул я.

Через пять минут белая «Нива», переваливаясь по сугробам, выехала за ворота. Я сидел на заднем сиденье вместе с Аллой. За рулем устроился Василий, рядом Сергей Иванович. Глянул в заднее стекло. Сквозь кружащиеся хороводом снежинки в сером мареве вьюги виделась одинокая фигура в серой телогрейке. Я приветливо помахал рукой Березину. Иван Дмитриевич улыбнулся и вскинул ладонь в ответном жесте.

Через десять минут мы выбрались на шоссе, и я погрузился в свои мысли. Сидевшая рядом Алла тактично меня не трогала. Она смотрела в окно, изредка перебрасываясь короткими фразами с Васей и Сергеем Ивановичем. А я думал о родителях и Ане. Предки наверно, уже с ума сходят. Хотя капитан, когда мы вышли во двор, сказал, что отца уже уведомили, что со мной всё в порядке и попросили не волноваться. Но матушка точно не успокоится. Будет места себе не находить, волноваться. Особенно после того, что произошло на пустыре. Наверняка предков следователи беспокоят, на допросы вызывают. Надеюсь, батя сможет как-то на неё воздействовать, найти слова, которые хоть частично вернут ей душевное равновесие.

И с Аней тоже непонятно. Сон какой-то странный, мистический. Грозит ли зеленоглазке какая-то опасность или это просто кошмар, воплощение моих переживаний и чувств к ней? Хорошо, что Ивану Дмитриевичу удалось связаться в Москве с Зориным и попросить его присмотреть за Николаенко. Игорь Семенович проникся и пообещал, что ребята не будут с неё глаз спускать. Ни в школе, ни в клубе. И теперь я относительно спокоен. На сто процентов нельзя быть уверенным ни в чем. Но Зорин мужик надежный, раз сказал, значит сделает.

Занятый своими мыслями я не заметил, как мы подъехали к городу. Обратил на это внимание, только тогда, когда трасса сменилась оживленными московскими улочками.

С удовольствием наблюдал за взрослыми, спешащими на работу, веселыми школьниками, бодро прыгающим по сугробам, пожилыми людьми, идущими по своим делам. Периодически ветер шаловливо поднимал с земли белую волну метели, бросая снежинки в лица, и резко затихал, притаившись, чтобы через минуту снова взорваться вьюгой. Столица жила своей обычной жизнью — шумного, наполненного эмоциями и повседневными делами большого города.

Через полчаса мы заехали в арку, повернули и оказались во дворе перед монументальным семиэтажным зданием.

— Это обкомовский дом, — пояснил Сергей Иванович, заметив, что я с интересом рассматриваю сооружение. — Там обычно на входе сидит вахтер. Но в 11:30 его на месте не будет. Я иду первым, ты, спустя три секунды выходишь за мной, Алла — сзади. Вася остается в машине и контролирует обстановку. Вопросы есть?

— Нет, — мотнул головой я.

— Тогда выходим, — капитан быстро глянул на часы — Так, сейчас 11:27. Ровно через три минуты.

Сергей Иванович нагнулся, вытащил из-под сиденья небольшую сумку. Достал из неё две металлические коробочки, похожие на прямоугольные черные кирпичики. Вытянул из сумки антенны, накрутил одну на коробочку. Выложил пустой чехол.

— Рации? — догадался я.

— Так точно, — кивнул ГРУшник. — Ангстрем ОН, относительно новая разработка. Вася будет нас страховать, если заметит что-то подозрительное, даст знать.

Свою рацию капитан аккуратно уложил в чехол, который пристегнул к ремню брюк. Вторую положил рядом с водителем между сиденьями. Длинное, похожее на балахон пальто идеально скрывало чехол и кобуру с «макаровым» с другой стороны. Пистолет Сергей Иванович достал из кобуры и засунул в безразмерный карман.

Затем капитан бросил быстрый взгляд на циферблат часов и скомандовал:

— Время, пошли.

Щелкнули, открываясь двери. Первым, как и было договорено, вышел Сергей Иванович. Через три секунды к нему присоединился я. Замыкала нашу троицу Алла.

Вахтера на первом этаже, ожидаемо, не оказалось. Я рванулся к лифту, но женщина попридержала меня за локоть, и указала на идущего к лестнице Сергея Ивановича.

— Пешком, — шепнула она.

На третьем этаже капитан повернул к огромной двери из черного дерматина и ткнул пальцем в круглый дверной звонок рядом. Сначала два раза коротко. Потом секунд на пять задержал палец на кнопке, не обращая внимания на переливчатый музыкальный звон. Послышались шаги. Через секунду дверной глазок на мгновение потемнел. Клацнул замок и дверь открылась. На пороге стоял Петр Иванович Ивашутин. Начальник ГРУ был в сером свитере, черных брюках и тапочках. Он посторонился, давая нам пройти.

Когда за нами захлопнулась дверь, Петр Иванович дождался, пока мы разденемся, и повернулся к Алле.

— Капитан Пархоменко, посидите на кухне, попейте чаю с печеньем, отдохните с дороги, а мы пока в кабинете с товарищами пообщаемся.

— Слушаюсь, — женщина вытянулась, отдала честь, и, по-военному развернувшись на носках, ушла на кухню.

— Идемте, — Ивашутин развернулся, приглашая нас пройти за ним. В конце большого широкого коридора оказалась просторная комната — кабинет. У стенки примостился массивный шкаф с толстыми томами классиков и энциклопедий. Тяжелый квадратный сталинский стол из полированного коричневого дерева и зеленым сукном на столешнице, настольной лампой с абажуром такого же цвета, стоял рядом с огромным прямоугольным окном, задернутым тяжелыми атласными шторами. Рядом с ним примостились несколько стульев с высокими деревянными спинками.

Оказавшись в кабинете, Ивашутин шагнул ко мне, окинул внимательным взглядом, на мгновение обнял и резко отстранил:

— Слава богу, живой. Это самое главное, — вздохнул он. — Если бы с тобой что-то произошло, не знаю, как бы я там наверху перед Костей ответ держал. Прими мои соболезнования, Алексей. Твой дед — герой. И поступил в этой ситуации правильно. Дал бой этой сволочи.

— Знаю, Петр Иванович, — кивнул я. — А нам нужно идти дальше. Действовать, чтобы не дать Андропову и его западным «партнерам» угробить страну.

— Согласен, — сухо ответил генерал армии. — Присаживайтесь, товарищи.

Мы опустились на стулья. Ивашутин сел во главе стола.

— Давайте сразу перейдем к делу, — предложил он. — У нас в распоряжении два-три часа, максимум, затем квартиру нужно освободить, а обсудить предстоит многое. Но сначала, я хочу тебя поблагодарить. Покушение удалось предотвратить. Преступник взят с поличным, все его действия зафиксированы снимками и видеоматериалами. Сейчас он дает показания и надо сказать, очень любопытные. Хочу сказать тебе огромное спасибо, что предупредил. Если бы не ты, у меня не было никаких шансов выжить. Яд в баллончике оказался эффективным и быстродействующим. Проникает через поры кожи, попадает в кровь и гарантированно убивает через пять минут. Одна из последних разработок «Лаборатории X», о которой ты рассказывал. Теперь Андропов очень сильно задергается. После показательного взятия ликвидатора, на некоторое время попытки меня убрать прекратит, ожидая ответных действий с нашей стороны. Насколько я о нем знаю, именно так и будет. Председатель КГБ очень осторожный человек, и так подставляться больше не будет.

— Согласен с вами, Петр Иванович, — подтвердил я. — Уверен, он сейчас лихорадочно ищет «крота» в своем окружении и пытается замести следы.

— Так и есть, — холодно усмехнулся Ивашутин. — Пусть помечется. А мы продолжим работать. Давай сначала о тебе поговорим. Значит, на Кубу не поедешь?

— Не поеду, — твердо ответил я. — Мое место здесь, с вами. Отсиживаться, пока тут все решается, я не буду.

— Это, конечно, был бы лучший вариант. Но я тебя прекрасно понимаю. Хочешь поехать в Германию, лично проконтролировать акцию с РАФ и Красными Бригадами?

— Да. Навести там шороху необходимо. А я со своими способностями смогу помочь, предупредить, если что, и проследить, чтобы всё прошло, как надо. Но сперва мне нужно встретиться с Романовым.

— Ты понимаешь, что произойдет, если с тобой что-то случится? — вздохнул Ивашутин. — Благодаря твоим замечаниям, подсказкам, предвидению, мы многого достигли. Если ты погибнешь, шансы на успех сразу наполовину уменьшатся. А если попадешь в руки к врагам, их вообще не станет. Не говоря уже о том, что они выпотрошат тебя как пойманную рыбу.

— Понимаю, — кивнул я. — Но и здесь меня ищут КГБ и ЦРУ. Подозреваю, что и МВД подключили.

— Правильно подозреваешь, — кивнул начальник ГРУ. — Подключили, конечно.

— Я в любом случае рискую. Но в Европе меня никто не ищет. Английский я знаю отлично. Даже произношение чистое как у обычного уроженца Лондона, всю жизнь просидевшего в туманном Альбионе. Поэтому там работать будет значительно легче. Парадоксально, но факт. А сидеть, сложа руки, плескаться в океане и загорать на кубинских

пляжах не собираюсь. Со своей стороны, обещаю вам, Петр Иванович, что к вопросам своей безопасности, отнесусь со всей серьезностью и бдительности терять не буду. Да и вы меня подстрахуете и прикроете, уверен в этом.

— Хорошо. Раз так, поедешь. Поговорим с Романовым, и после Нового Года уедешь с Сергеем Ивановичем, Аллой и Василием. Будете семьей состоятельного английского коммерсанта, путешествующего по Европе. Сергей и Алла родители, вы с Василием братья — соответственно, он от первого брака, а ты — от второго. Документы уже делаются.

Там и начнете общаться с РАФ и Красными Бригадами. Первоначальные контакты получите. Но действовать придется по обстановке. Я, например, чтобы уменьшить риски, выбрал бы для сотрудничества какую-то одну организацию. Впрочем, Сергей — опытный оперативник и знает, как действовать.

Капитан кивнул, подтверждая сказанное.

— Петр Иванович, товарищ капитан сказал мне, что вы много уже чего накопили. Можно мне узнать об этом хотя бы в общих чертах? — уточнил я.

— Благодаря твоим зацепкам, да, накопили, — подтвердил Ивашутин. Лицо начальника ГРУ осталось каменно-непроницаемым, но в глазах на мгновение мелькнули довольные огоньки.

— Информация такая, что способна вызвать эффект разорвавшейся бомбы. И уничтожить половину Политбюро вместе с Андроповым и его прихлебателями. А для наших простых граждан она окажется шоком, от которого будет тяжело прийти в себя. И я даже не знаю, стоит ли тебе сейчас об этом знать. Ведь если в Европе, не дай бог попадешься в руки Ми-6, БНД, не говоря уже о ЦРУ, вся наша работа пойдет насмарку.

— Сделаю всё возможное, и невозможное, чтобы не попасться, — пообещал я. — Дадите мне ампулу с ядом на крайний случай. Но знать я должен. Может, мой дар, в свете открывшихся обстоятельств, что-то полезное и важное подскажет.

— Хорошо. Считаю, убедил меня, — Ивашутин наклонился, подхватил стоящий рядом портфель, щелкнул замками, достал пухлую папочку с документами и положил передо мною.

— Читай.

Я развязал тесемки, открыл папку и впился глазами в сухие официальные строчки документов. От увиденного меня тряхнуло, затем ещё раз. Через двадцать минут я отложил в сторону папку и поднял потрясенные глаза на Ивашутина.

— Это... невероятно... Вы проделали потрясающую работу. Оперативная комбинация просто великолепна. У меня даже слов нет... И что самое интересное, об этом никто и не подозревает.

— А ты думал, — довольно усмехнулся начальник ГРУ. — Мы тоже не лаптем щи хлебаем. Ты подтолкнул нас в нужном направлении, а дальше, результат сам видишь. И, в связи с этим, у меня к тебе будет отдельное поручение в Европе.

30 декабря 1978 года

12:20 (Продолжение)

— Готов выполнить любую команду. Слушаю вас внимательно, Петр Иванович, — я немного напрягся, ожидая продолжения.

— Сергей Иванович, введите Алексея в курс дела, — приказал начальник ГРУ. — Так, чтобы он понял суть вопроса. Дальше я сам.

— Слушаюсь, товарищ генерал, — отчеканил капитан, — Разрешите взять у вас листок бумаги и ручку?

— Разрешаю, — кивнул Ивапутин. — Только после того, как ты расскажешь все Алексею, все написанное и нарисованное сожжем прямо здесь.

Генерал армии указал взглядом на массивную хрустальную пепельницу, отодвинутую к углу стола. Затем подвинул ладонью к Сергею Ивановичу стопку чистых листов и пластмассовую шариковую ручку.

— Спасибо, товарищ генерал, — поблагодарил капитан и повернулся ко мне. — Алексей ты материалы дела посмотрел, суть понял?

— Конечно, — подтвердил я. — В общих чертах.

— Отлично, — довольно кивнул Сергей Иванович. — Значит, глупых вопросов не будет. То что, ты видел, это только первый том, объясняющий ту информацию, которую я тебе сейчас расскажу.

— Я весь во внимании.

— В начале семидесятых годов на секретном совещании Политбюро, с подачи председателя КГБ Андропова было принято решение о создании за рубежом огромной сети обычных и оффшорных компаний со счетами в самых уважаемых банках Запада. Куратором процесса назначили 1-й Международный отдел ЦК КПСС и Первое Главное управление КГБ СССР. По нашей линии — ГРУ, с ними работает первый заместитель Петра Ивановича, генерал-лейтенант Яков Ильич Сидоров^[1].

В оффшорных схемах задействовано руководство Минвнешторга СССР. Оно использует всесоюзные внешнеторговые объединения, у нас их знают как ВВО и заграничные представительства.

На счета коммерческих компаний переводится значительная часть выручки от экспортных сделок в валюте, получаемых от продаж газа и нефти СССР. Также оффшорная сеть зарабатывает как посредники на реализации продукции советского ВПК.

— Официально, эти деньги предназначались для решения трех основных задач, — Сергей Иванович начал размашисто водить ручкой по листу, вычерчивая схему. Я придвинулся ближе к нему, чтобы не упустить ни одной детали.

— Первая задача. Помощь коммунистическим партиям в капиталистических государствах, различным освободительным движениям, направленным против колониального гнёта в странах третьего мира, а также дружественным нам политическим режимам в Латинской Америке, Африке и Азии.

Вторая задача — финансирование операций промышленного шпионажа, а также для приобретения технологий, необходимых нашей стране. Практически, все операции — нелегальные и полунелегальные. В том числе скупалось оборудование и товары военного

назначения. Задачи для этого направления ставит Координационный комитет по экспортному контролю.

Третья — финансирование операций КГБ и ГРУ. Как оперативных разработок, вербовки агентов, так и боевых акций. В рамках решения этой задачи советские «западные» оффшоры финансируют нас и подразделения КГБ, работающие за рубежом.

Теперь, Леша, рассказываю самое интересное, — Сергей Иванович поднял вверх палец, привлекая моё внимание. — Кто стоит за созданием этих оффшоров? И для чего они реально создавались? Мы сейчас говорим не об официальных задачах, которые я только что перечислил, а о замыслах организаторов этого процесса.

Капитан сделал эффектную паузу, и кинул на меня острый взгляд.

— Продолжайте, пожалуйста, Сергей Иванович, внимательно слежу за ходом ваших мыслей, — попросил я.

— Систему советских оффшоров разработали и внедрили в жизнь Алексей Косыгин — председатель Совета министров, Юрий Владимирович Андропов, Евгений Питовранов генерал-лейтенант КГБ, сейчас заместитель председателя Торгово-Промышленной палаты и руководитель личной спецслужбы Председателя Комитета Государственной Безопасности. Также в продвижении проекта оффшоров принимали участие Николай Патоличев — министр внешней торговли, друг и единомышленник Юрия Владимировича, Виктор Терещенко — потомственный советский банкир, имеющий контакты среди западной элиты на самом высоком уровне. В 60-ых годах он был одним из директоров отделения «Московского Народного Банка» в Лондоне, а на момент создания оффшорных «советских» компаний, руководил отделением этого же учреждения в Бейруте, а потом занял должность начальника управления Внешторгбанка СССР. Одним из разработчиков и вдохновителей идеи «советских оффшоров» является директор Института Востоковедения от Академии Наук СССР Евгений Примаков, запомни эту фамилию. В узком кругу своих близких знакомых он уже не скрывает своих взглядов. Откровенно говорит, что социалистическая модель государства себя изжила и надо переходить к капитализму. И даже добавляет, что это произойдет в ближайшие несколько лет.

Я ухмыльнулся:

— Знаю такого. И сам о нем рассказывал. И деду, и Петру Ивановичу.

— Да? — прищурился капитан. — Я этого не знал.

— Леша, помнишь, ты говорил, как все переплетено? — вмешался в разговор Петр Иванович, жестом остановив подчиненного, собравшего продолжить. — И приводил примеры, Сережу Питовранова, Гвишиани, сочетавшегося браком с Людмилой Косыгиной.

— Помню.

— Так вот, — продолжил Ивашутин, — Через три года после свадьбы Косыгиной с Джерменом Гвишиани, Примаков женился на Лауре Харадзе. Знаешь, кто это такая?

— Нет, не знаю, — признался я. — Расскажите.

— Официально, приемная дочь генерала НКВД Михаила Гвишиани. Но есть подозрение, что родная, просто от любовницы. Но дело даже не в этом. Она росла вместе с Джерменом, и они действительно общаются как родные брат и сестра. Получается, мы имеем дело с настоящим семейным кланом, работающим вместе с Андроповым и Питоврановым. Все дружат, переплетены родственными связями, и активно работают на развал СССР. Можно еще примеры привести, но главный посыл, ты, думаю, понял. Родственниками и единомышленниками заговорщиков пронизана вся система управления,

наши спецслужбы и партийные структуры. Все пристроены, все на ключевых должностях и только ждут сигнала, чтобы сбросить надоевшие образы коммунистов, завладеть народной собственностью и стать настоящими «хозяевами жизни» — капиталистами. Поэтому проблема намного сложнее, чем нам представлялось. Но, тем не менее, шансы на победу у нас есть, и немалые. В том числе и благодаря тебе. Это всё что, я хотел добавить. Капитан можете продолжать. Мы вас слушаем.

— Непосредственно счетами советских оффшорных компаний, под контролем руководства Международного отдела КПСС управляют сотрудники Первого Главного Управления КГБ, являющимися доверенными людьми Андропова и Питовранова, — невозмутимо продолжил Сергей Иванович. — Все они работают под прикрытием и для западного мира являются банкирами и успешными бизнесменами. Есть и пара офицеров ГРУ, допущенных к этим процессам. Этими вопросами занимался генерал-лейтенант Яков Сидоров, являющийся первым заместителем Петра Ивановича. Сразу уточню, мы не уверены, что он относится к заговорщикам. По нашей информации, назначению этих людей способствовали партийные чиновники и высокопоставленные сотрудники КГБ, из окружения Андропова, Косыгина и министра внешней торговли Патоличева. Сейчас на счетах советских оффшоров и коммерческих компаний аккумулированы сумасшедшие суммы — многие десятки миллиардов долларов, гораздо больше, чем ожидали организаторы. Дело в том, что все советские «коммерческие» предприятия на Западе заработали в 1972 году. А уже осенью следующего года в мире начался масштабный нефтяной кризис. Цены на «черное золото» только в 1974 году выросли в 4 раза. С трех до двенадцати долларов за баррель. В результате на счета наших оффшоров поступило в несколько раз больше денег, чем планировалось. Этой кубышкой активно пользуются Андропов, Питовранов и другие заговорщики. В основном не для личных нужд, а для реализации сценария переворота. Все операции «Фирмы» Питовранова финансируются из этих источников. Но главное совсем не в этом.

Капитан сделал паузу, давая мне время осмыслить сказанное.

Я промолчал, ожидая продолжения.

— И сейчас мы подходим к самому важному. Настоящей цели открытия этих оффшоров, — Сергей Иванович тонко улыбнулся. — После переворота, отстранения КПСС от власти, и перехода к капитализму главная задача заговорщиков — стать фактическими собственниками огромного имущества Советского Союза: промышленных гигантов, природных ресурсов и многого другого. Это десятки триллионов долларов по самым скромным оценкам. Но при этом такая передача собственности должна пройти более-менее легитимно в глазах мировой элиты.

Как это сделать? А очень просто. Сначала ликвидируются руководящие работники Международного Отдела КПСС, как слишком много знающие и курирующие работу советских коммерческих структур на Западе. Вместе с ними убирается заведующий сектором США, где аккумулированы самые большие средства. Все ликвидации планируется замаскировать под самоубийства или несчастные случаи. Для этого у Андропова и Питовранова есть нужные люди — профессионалы. Когда СССР разрушат, их уже не будет ничего сдерживать.

После этого, фактический доступ к оффшорам остается у доверенных людей председателя КГБ. Когда ликвидации будут проведены, начнется второй этап операции «Приватизация». Молодым реформаторам из «ВНИИСИ» дадут возможность стать

«бизнесменами» и даже заработать более-менее приличные деньги. Но это будет ширма, дымовая завеса, чтобы у людей не возникало вопросов о происхождении денег. Затем в Союз, который к тому времени, уже перестанет существовать, начнут возвращаться агенты КГБ «первой волны», ушедшие на Запад под видом эмиграции, и ставшие «успешными предпринимателями», а на самом деле являющиеся «кассирами» оффшоров и доверенными лицами заговорщиков. Проще говоря, если использовать терминологию «Золотого Теленка» Ильфа и Петрова, они станут своеобразными зиц-председателями Фунтами.

Сергей Иванович замолк, и спросил у начальника ГРУ:

— Петр Иванович, можно водички попить? В горле пересохло.

— Конечно, — Иващутин подвинул к нему графин с водой и стакан. — Пей. Все чистое.

Перед моим приездом приготовили.

— Спасибо, — капитан подхватил стеклянную емкость, снял одним движением крышку и налил воду в стакан. Залпом выпил, отодвинул посуду и продолжил:

— Молодые «экономисты», подготовленные во ВНИИСИ и агенты КГБ скупают самые крупные активы Союза. Чужие бизнесмены к ним подпущены не будут. Чтобы в головах у людей не возникали нехорошие вопросы, на время «первоначального накопления капитала», организаторы планируют устроить настоящий хаос, характеризующийся сломом имеющейся системы, резким обнищанием населения и взрывом преступности, в том числе и организованной. Аналитики в команде Андропова уже все просчитали. Бандиты и воры в законе, которые сейчас не высовываются и тихо грабят цеховиков и торгашей, получают свой небольшой кусочек пирога, отгоняя от слишком лакомых активов посторонних и отвлекая внимание. После того как собственность окончательно перейдет в руки организаторов «хаос» можно сворачивать, и строить сырьевой капитализм. И всю эту криминальную шуштуру, помогавшую на первых порах, выражаясь языком «блатных», «загонят под шконку». Окончательно не уничтожат, но от «корыта» частично отодвинут. Тем более что «ненужный балласт» из союзных республик будет сброшен. Ещё раз подчеркну, настоящими хозяевами активов станут не молодые экономисты-«реформаторы» из ВНИИСИ и зарубежные агенты КГБ, чудесным образом «перековавшиеся» в крупных бизнесменов, а именно партийные кланы и верхушка Комитета Государственной Безопасности, спланировавшая этот переворот и досконально продумавшая каждую деталь операции. И средства, собранные в «советских» оффшорах, по замыслу организаторов, пойдут на скупку советских ресурсов и активов. Изначально, они для этого и создавались. Я закончил.

Капитан замолк, многозначительно глянув на начальника ГРУ.

Генерал армии кивнул подчиненному и повернулся ко мне.

— Эта предыстория для лучшего понимания вопроса, — подчеркнул Иващутин, — А вот теперь мы переходим непосредственно к твоей задаче. Как ты сам убедился, у нас есть доказательства и наработки по этому делу. Но их мало, а должно стать больше. Чтобы никто не мог даже усомниться в их подлинности. Для этого, я хочу прибегнуть к твоей помощи. Что мне нужно? Сейчас у нас есть данные о двух агентах КГБ, эмигрировавших на запад. В будущем, после переворота им отводится роль «успешных бизнесменов», триумфально вернувшихся на Родину и ставших крупными собственниками самых лакомых активов бывшего СССР. И они уже активно готовятся к этой роли. Речь о Льве Блаватском и Генрихе Шалмановиче. Первый недавно эмигрировал в Америку, и уже является успешным коммерсантом, активно работающим сразу в нескольких направлениях. Второй сейчас проживает в Израиле, занимается предпринимательством. Имеет интересы в Африке, в

частности активно работает в Ботсване и Сьерра-Леоне. Официально занимается строительным делом, неофициально — контролирует добычу золота и алмазов в этих странах. Нам нужно, чтобы кто-то из этих людей дал показания, дополнительно подтверждающие эту схему. Все равно, кто. В январе Блаватский прилетает по делам в Лондон, А Шалманович — чуть позже, прибывает в Канны. Я помню своё знакомство с тобою, и знаю, что ты можешь видеть человека насквозь и рассказать то, что он хотел бы скрыть. Тебе покажут одного и второго, а при необходимости организуют присутствие на банкете или деловом мероприятии, которое они посетят. Главное, чтобы ты определил, с кем можно работать, а с кем нет. Нужен серьезный компромат на любого из них. Шалманович или Блаватский должны дать показания и сотрудничать с нами. В средствах и способах мы тебя не ограничиваем. Мы бы ещё с Терещенко поработали, он очень много знает и может дать интересные показания. Сейчас Виктор Вадимович в Индонезии. Управляет отделением Московского Народного банка. Но к нему даже приближаться опасно. Там охрана из КГБ бдит круглыми сутками. Слишком серьезная фигура в оффшорной схеме. Одна из самых ключевых.

— Да, задали вы мне задачку, Петр Иванович, — вздохнул я. — Конечно же, я за неё возьмусь. Сделаю всё возможное, и постараюсь выполнить ваше поручение. Хотя не факт, что получится. Слишком уж фигуранты матерые. И мой дар может подвести. Не смог же я предвидеть, что деда попытаются взять сотрудники КГБ.

— Я это понимаю, — кивнул начальник ГРУ. Лицо Иващутина было серьезным и сосредоточенным.

— Всё-таки постарайся Леша, ладно? От этого действительно многое зависит.

— Постараюсь, — пообещал я.

— Но это после, — добавил капитан. — Сначала с людьми из РАФ встретимся. С ними уже есть предварительная договоренность, и они будут ждать нас в начале января, после Нового года. О месте встречи сообщат дополнительно, когда мы подтвердим готовность. С акцией решим, а потом можно и этими коммерсантами из КГБ заняться.

— Задачу понял. Подумаю над тем, что вы мне рассказали и как все лучше сделать.

— Ты же знаешь, Леша, сначала мы не хотели тебя хоть как-то ко всему этому привлекать, — добавил Иващутин. — Ты со своими способностями слишком ценен для нас. Но сейчас, действительно, каждый человек на счету. Хотя, если передумаешь, ещё не поздно улететь на Кубу. И никто тебе ни слова не скажет.

— Петр Иванович! — я возмущенно глянул на генерала. — Конечно же, не передумаю. И думать не смейте, чтобы меня на Кубу отправить. Я в деле, от начала и до конца.

У начальника ГРУ дрогнули и чуть приподнялись уголки губ. Он сумел сохранить серьезный вид, не позволив улыбке расползтись по лицу. Только в глазах на секунду мелькнули озорные искорки.

— Я так и предполагал, — кивнул генерал. — Тогда после встречи с Романовым отправляешься с Сергеем Ивановичем и нашими ребятами в Германию. Просьбы и пожелания какие-то будут?

— Будут. Петр Иванович можете мне по своим каналам патроны для «бульдога» и «дерринжера» добыть? А в поездке по Европе, такое же оружие подобрать. Или на крайний случай, хотя бы один «дерринжер». Он компактный и удобный. Мало ли что.

— Хорошо. Я подумаю над этим вопросом, — пообещал начальник ГРУ.

30 декабря. 1978 года. Москва. Конспиративная квартира на улице Кирова. 12:15.

Черная волга нырнула в неприметный переулок и свернула во двор, остановившись у ближайшего подъезда шестиэтажной сталинки. Задняя дверца машины распахнулась. Высокий пожилой мужчина в черном пальто с поднятым воротником и надвинутой на глаза мохнатой ушанкой, вышел из машины. Быстро огляделся. Из-под шапки сверкнули линзы очков. Стоящий у подъезда молодой человек в расстегнутой темной куртке демонстративно отвернулся. Придерживая рукой в кожаной перчатке воротник пальто, мужчина в ушанке зашел в подъезд.

Сидевший на первом этаже вахтер сделал вид, что не заметил посетителя. Деревянные двери лифта были распахнуты настежь. Гость зашел, аккуратно закрыл за собой наружную и внутреннюю дверь. Затем нажал кнопку 4 этажа. Лифт плавно тронулся с места. Через десяток секунд он остановился. Гость открыл двери, шагнул в коридор. Дверь в конспиративную квартиру была открыта. В коридоре стоял крепкий мужчина в сером костюме. Квадратная челюсть, нахмуренные брови, холодный и пустой взгляд профессионального убийцы, зловещий шрам белым прочерком наискосок рассекающий правую бровь — встречающий был похож на отмороженного американского гангстера времен «сухого закона». Но при виде выходящего из лифта начальства, во внешности «костюма» произошли чудесные метаморфозы. Взгляд потеплел, хмурое лицо разгладилось, приобрело оттенок подобострастия.

— Здравствуйте, Юрий Владимирович, — мужчина угодливо улыбнулся уголками губ и посторонился, давая гостю пройти.

Андропов, не останавливаясь, сухо кивнул и зашел в квартиру. С лица «серого костюма» сползла улыбка, в глазах на мгновение мелькнула тревога. Он чуть помедлил, и зашел следом. Аккуратно закрыл за собой дверь и клацнул замком, поворачивая круглый рычажок запорного механизма.

Шеф КГБ снял ботинки, прошел в гостиную, положил на диван пальто, поочередно стянул с холеных рук черные перчатки, бросив их рядом. Пристроил сверху норковую шапку и шерстяной шарф и быстрым шагом прошел к столу.

Там уже стояло любимое вино Андропова — полусладкое рейнское «Liebfraumilch», сверкающий чистотой бокал и тарелка с маленькими слоеными пирожками с капустой. Врачи запрещали Юрию Владимировичу употреблять спиртное, но он не мог отказаться от своих маленьких слабостей, и на встречах в конспиративных квартирах это вино неизменно присутствовало.

Полковник Остроженко тихо опустил на краешек стула, напротив начальника, но Андропов даже не взглянул на него. Взялся за штопор, лежащий на салфетке рядом.

— Юрий Владимирович, давайте, я открою? — предложил полковник.

— Сиди. Сам справлюсь, — холодно ответил председатель КГБ. Несколькими уверенными движениями вогнал штопор в пробковую крышку вина, чуть поднатужился и с хлопком вытащил его. Неторопливо налил вино в бокал, взял с тарелки и откусил маленький пирожок. Положил его на салфетку. Вытер руку бумажным полотенцем и подошел к окну. Замер с бокалом в руке, наблюдая за полетом кружащихся в воздухе снежинок.

Молчание затягивалось. Остроженко начал нервничать. Он ерзал на стуле,

периодически вытирая ладонью капли пота на лбу.

— Рассказывай, что там у тебя? — неожиданно спросил Андропов, заставив полковника нервно дернуться.

— По Ивашутину провал полный, — голос Остроженко дрогнул. — Нашего человека взяли на подходе к машине. Складывается впечатление, что ГРУ о покушении все знало до мельчайших подробностей. Ему просто ничего не дали сделать. Сейчас наш агент у них сидит. Вызвали военного прокурора, эксперта и следаков. Очень похоже, что раскололи.

— Николай Андреевич, ты понимаешь, что это означает? — льдом в голосе Андропова можно было заморозить весь район и Кремль в придачу.

— Понимаю, — понурил голову Остроженко. — У нас могут быть проблемы и очень большие.

— Не у нас, а у вас, — отчеканил Андропов, резко повернувшись к подчиненному. — Официально я не имею к этому никакого отношения. В моё ведомство могут проникнуть враги и шпионы, решившие совершить покушение на начальника ГРУ, спутавшего им все планы. И мне придется нести за это ответ. Но я могу оправдаться, хотя бы частично. Например, оперативно провести расследование инцидента, найти предателей. Правда, большинство умрет при попытке к бегству, но работа будет сделана.

Полковник обреченно вздохнул:

— Неужели ничего нельзя поделать?

— Пока ещё можно, — прищурился Андропов, смотря на Николая Андреевича поверх очков.

— Кто занимался вербовкой Пименова?

— Капитан Самвел Оганесян. Все контакты с ликвидатором проходили через него, — доложил полковник.

— Значит так, Оганесяна срочно отправляй в служебную командировку. В Индию или Африку, куда-нибудь в глухое место. Позаботься, чтобы ему были выделены деньги из наших скрытых фондов. И не вздумай экономить, — холодный пронизывающий взгляд председателя КГБ заставил полковника побледнеть. — Выдай ему солидную сумму — тысяч десять-пятнадцать долларов. Скажи Оганесяну, что его уже ждут наши партнеры на той стороне. Поясни, работа и безбедная жизнь ему обеспечена. Пусть твои люди настроят его на побег, вывезут куда-то со всем необходимым, и пристрелят. Официальная версия: Оганесян понял, что разоблачен, попробовал сбежать, и был убит нашими сотрудниками. В деталях легенду проработай сам. Если нужна помощь и поддержка с той стороны, свяжись с Евгением Петровичем. Предварительно мне доложишь, что там напридумывал. И смотри чтобы всё было не просто убедительно, а железобетонно. От этого зависит твоя карьера и не только она. Понял?

— Так точно, товарищ генерал, — Остроженко вскочил, отдал честь и вытянулся, пожирая начальника преданным взглядом.

— Надеюсь, на этот раз хоть не напортачишь, — криво усмехнулся Андропов.

— И ещё один момент. Организуй наблюдение за Ивашутиным. Нет, хвост приставлять к нему не надо. Просто при необходимости предупреди своих людей, чтобы докладывали, если его где-то заметят. Например, на каком-то мероприятии, при поездке к кому-то из Политбюро или к партийным работникам на местах. И если заметишь что-то интересное, сразу ставь меня в известность. Незамедлительно, в любое время.

— Слушаюсь, — вытянулся полковник.

Андропов, отвернулся к окну, пригубил напиток, замер, прикрыв глаза, наслаждаясь изысканным вкусом рейнского вина. Минуту он молчал, а потом развернулся к Остроженко.

— Я думаю, что с Ивашутиным рано или поздно придется встретиться и поговорить. Надо понять, что ему нужно. Но для этого придется побеседовать с ним в неформальной обстановке. Возможно, после разговора все наши проблемы закончатся. И ты будь готов, когда понадобится, привезти его ко мне.

Полковник остался таким же невозмутимым, но мысленно выматерился. Принуждать начальника ГРУ к встрече с Андроповым, было рискованно. Эти два жернова, столкнувшись между собой, могут его раздавить. Но отказываться было нельзя.

— Как скажете, Юрий Владимирович, — вздохнул он. — Готов выполнить любой ваш приказ.

31 декабря — 2 января 1979 года. Московская область. Деревня Терехово

Новый год я встретил с Иваном Дмитриевичем. Вместе порезали салат оливье, приготовили картошку с говядиной, бутерброды с колбасой. Березин выставил на стол литровую бутылку самогона, а для меня открыл банку с вишневым компотом из подвала. Посидели за столом, поговорили о жите-бытье. Послушали сначала передачи по радио, а потом поздравительную речь Леонида Ильича. Выпили за Новый год, я — компот, а Березин — стакан самогона.

За окном мела вьюга, поднимая снежную пыль с сугробов и закручивая в хороводе белые хлопья снежинок, а в теплой гостиной за праздничным столом было хорошо и домашнему уютно.

Я ковырял вилкой салатки, слушая праздничный концерт. Радио гремело на всю комнату бархатным баритоном Льва Лещенко.

Дорога, вдаль идущая, —

Наш первый шаг в грядущее.

И звезд, и земли целина...

Мечты края безбрежные,

Твоя улыбка нежная...

В душе, что отвагой полна

Любовь, Комсомол и Весна

Иван Дмитриевич набулькал в стакан сто грамм мутного белесого самогона, шумно выдохнул и выпил залпом. А песня продолжала звучать, отражаясь от стен гулким эхом.

Мы сами — ритмы Времени.

И нам с тобой доверены

И песни, и ночи без сна...

И снова вьюги кружатся,

И песня учит мужеству,

И с нами на все времена —

Любовь, Комсомол и Весна.

Что-то волшебное было в звенящих ритмах уходящей эпохи, мощном и энергичном голосе Лещенко и волшебных словах, сумевших, несмотря на бьющий через край пафос, передать дух и романтику раннего комсомола.

Дед даже прослезился от полноты чувств, вспомнив что-то свое. Смахнул ладонью, вытолкнув из краешка глаза прозрачную капельку. Закусил жареной картошкой, кинул в рот

коричневый ломтик мяса, неторопливо прожевал и неожиданно признался:

— А самолет то, про который ты рассказывал, американский. Грохнулся, действительно, в Портленде, недалеко от аэродрома. Я по радио в новостях слышал. 10 трупов и 23 раненых. Все как сказывал. Сошлось тютелька в тютельку.

— Я же говорил, — улыбнулся я. — Фирма веников не вяжет.

— Значит и всё остальное, правда, получается, — задумчиво протянул старик. — Юрка и Женька, суки очкастые, со своими прихлебателями решили страну угробить. С ЦРУ и прочими наймитами западных буржуев спелись.

— Так и есть.

И тут старика прорвало.

— Вы скоро уезжаете, будете делом заниматься. А мне что делать? — Березин с силой хлопнул ладонью по столу. Тарелки испуганно подпрыгнули, рюмки и стаканы негодующе звякнули.

— Сидеть тут в этой избушке, и тебя ждать? Предатели тем временем мою страну разрушать будут? Не согласен я. У меня силы пока остались и руки тоже чешутся. Хочется вставить сволочам фитиля по самые гланды. Разговаривал с Сергеем Ивановичем твоим. Так он вежливо отказался. Говорит «Вы и так многое делаете Иван Дмитриевич. Лешу приютили у себя и присматриваете за ним». А я, может, большего хочу. Лично за кадыки этих гнид подержаться, свой вклад в общее дело внести.

Старик замолчал и сидел мрачный как грозовая туча. Я смотрел на насупленного Березина и не знал, что ему ответить. Молчание длилось минуты две. Затем мне пришла в голову интересная идея.

— Иван Дмитриевич, — торопливо заговорил я. — Пока я буду в отъезде, вы можете добрым и нужным делом заняться.

— Каким делом? — осторожно уточнил дед. Он по-прежнему хмурился, но сверкнувший на мгновение молнией острый заинтересованный взгляд, выдал старого чекиста.

— Как вы относитесь к тому, чтобы убрать маньяка? В нем ничего человеческого не осталось. Он детей ножом полосует, потрошит как животных. Животы вспарывает, ещё теплые внутренние органы в банки засовывает, для коллекции. Сексуальное наслаждение получает, глядя на предсмертные муки жертв. Заманивает под разными предлогами детей и подростков в безлюдные места и потрошит. Если его не остановить, будет больше четырех десятков трупов. И это только те, которые станут известными. Законными методами эту тварь поймать сложно. Он только начинает свой длинный и кровавый путь. Маньяк очень ушлый и осторожный. Бывший учитель, косит под безобидного пожилого человека. Я бы сам его с удовольствием шлепнул, да видите, как дела закручиваются. Времени и возможностей нет. А вы можете это сделать, и спасти жизнь десяткам девочек и мальчиков. Избавить их от этого кошмара. Пусть живут на радость родителям, растут, влюбляются, растят своих детей, а потом и внуков.

Лицо старика помрачнело, на скулах заиграли желваки:

— Такую гниду надо к стенке ставить. Над детьми измываться.... Сволочь...

— Так вы согласны? — уточнил я.

— Конечно, согласен, — Березин мрачно глянул на меня. — Но сначала все проверю сам. Извини, Леша, я тебе доверяю, и с самолетом все подтвердилось, но здесь все серьезно. Не хочу невинного жизни лишать. И так трупов за мной, что блох на собаке. Понаблюдаю

за ним несколько деньков. Пока не удостоверюсь, что маньяк, трогать не буду. Как его зовут, и где он проживает?

— Зовут Чикатило Андрей Романович. Проживает в Ростовской области, город Шахты. Я всем все расскажу во всех подробностях. Даже денег дам и оружие. У меня, как вы знаете, ГТ в рюкзаке лежит, как запасной ствол на всякий случай. Готов его вам отдать ради такого дела.

— Не нужен мне твой ГТ, — решительно отказался Иван Дмитриевич. — Мы и сами с усами. Есть кое-что в загашнике.

— Хорошо, тогда хоть денег возьмите, — сдался я. — И не спорьте. Мало ли какие траты возникнут.

— У меня есть деньги, — начал старик, но я его перебил:

— Иван Дмитриевич, перестаньте! — я укоризненно посмотрел на Березина. — Зачем вам расходовать свои? Не нужно. Лучше внукам что-то купите. Деньги в рюкзаке как раз предназначаются для подобных дел.

Старик хотел что-то возразить, но глянул на меня и сдался. — Хорошо. Рублей триста-четыреста дашь. Больше не надо.

Я встал со стула, подошел к рюкзаку, развязал тесемки, достал пачку полтинников, отсчитал десять купюр и протянул Ивану Дмитриевичу:

— Здесь пятьсот.

Березин молча взял деньги, аккуратно сложил их пополам и сунул в карман брюк....

На следующий день ранним утром к Ивану Дмитриевичу приехали Сергей Иванович (Аллой и Василием). Оперативница ГРУ опять колдовала надо мной около часа, нанося грим. Когда она закончила, я увидел в зеркале парня лет двадцати-двадцати двух. Затем меня заставили переодеться в принесенную из «нивы» армейскую форму младшего лейтенанта.

— Будешь сопровождать Петра Ивановича к Романову, — ответил на мой невысказанный вопрос Сергей Иванович. — Поедешь на объект «К-0».

— Дача Григория Васильевича на Каменном острове? — уточнил я.

— Она, — кивнул капитан и прищурился. — Аббревиатуру откуда знаешь?

— Способность у меня такая, — я сделал невинное лицо. — Многое знать. Помните «Гамлета» Шекспира? Там говорится «Есть многое на свете друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

— Но, но, — шутливо погрозил пальцем ГРУшник. — Ты мне тут демагогию не разводи.

— Товарищ капитан, вы начали рассказывать, что будем делать, — напомнил я.

Действуем таким образом, — деловито продолжил Сергей Иванович. — На подъезде к Ленинграду, если никаких проблем не возникнет, пересаживаешься в «волгу» товарища генерала. Проедешь с ним, как одно из сопровождающих лиц — новый личный ординарец. Наша машина будет следовать за вами, и находиться недалеко. Заканчиваете общение с Григорием Васильевичем и выезжаете с дачи. Мы едем следом. Если будет слишком поздно, переночуешь в области, там много наших подразделений имеется. Утром выезжаете. На трассе опять переседаешь к нам. Убеждаемся, что хвостов нет, переодеваешься в гражданское, смываешь грим. Мы отвозим тебя обратно к Ивану Дмитриевичу. Вопросы есть?

— Никак нет, товарищ капитан, — я вытянулся и шутливо отдал честь. — Готов к труду и к обороне, как в надписи на известном значке.

— Вольно, — улыбнулся Сергей Иванович. — У нас есть полчаса, сейчас чаю попьем, с

Иваном Дмитриевичем поболтаем и поедем...

Через 30 минут мы выехали. Семь часов я тряся в белой «Ниве». Сначала болтал с разных пустяках с Аллой и Сергеем Ивановичем. Васю мы старались не отвлекать, паренёк был за рулем и сосредоточенно следил за дорогой. Потом я дремал, а женщина, устроившаяся со мной на заднем сиденье, молчала, думая о чем-то своем.

Черную «волгу» Ивашутина мы увидели, как и ожидалось, через семь часов под столбом с указателем, на выезде из Ульяновки. Я быстро прыгнул в машину, поздоровался с Петром Ивановичем, а также с Мишей и Артёмом. Начальник ГРУ, неожиданно оказался на заднем сиденье, а спереди весь обзор закрывали огромные туши водителя и телохранителя. Романа, постоянно возившего Петра Ивановича раньше, не было. Я отметил этот факт, но задавать вопрос, куда он пропал, благоразумно не стал.

— Мы уже недалеко от обкомовских дач, — голос Петра Ивановича оборвал воспоминания. — Минут через десять будем на месте.

Я откинулся на сиденье и закрыл глаза, мысленно прогоняя перед собой варианты будущего разговора с Романовым. Засунул руку в карман, нащупал листок с подготовленными сведениями для «Хозяина Ленинграда» и успокоился.

На выезде у Каменного моста нас остановили. К машине подошел коренастый мужчина невысокого роста в длинном темном плаще.

— Старший лейтенант Викентьев. Девятое управление КГБ, — представился он показав красную корочку, и заглянул в машину. — Товарищ генерал?

Заднее стекло открылось. Комитетчик наклонился к генералу, стрельнув глазами по сторонам. Он явно старался запомнить каждого человека в машине.

— Я вас слушаю, — сухо ответил Ивашутин.

— Григорий Васильевич предупредил, что вы должны подъехать. Где его дом, знаете?

— Разберемся.

— Большой двухэтажный особняк. Он один такой с башней наверху, а напротив широкая лестница, ведущая к реке.

— Спасибо. Мы поняли. Всего доброго, — вежливо попрощался Ивашутин. Стекло поехало вверх, ограждая нас от старлея.

Машина тронулась с места. Я оглянулся и увидел, что Викентьев достал рацию из кармана, и что-то говорит, провожая наш автомобиль взглядом.

— Он точно начальству о нас докладывает. Сейчас нас пропустят, а на обратном пути могут быть проблемы, — заметил Михаил, тоже наблюдающий за комитетчиком через зеркало заднего вида.

— Посмотрим, — неопределенно ответил Ивашутин.

Разговор с Романовым затянулся. Уехать нам удалось только поздним вечером. Едва мы выехали с Каменного острова, и свернули на Выборг, где располагалась 462 отдельная рота спецназа ГРУ в составе 30 гвардейского корпуса, начались приключения. На трассе внезапно возникли две черные волги с истошно воющими мигалками. Первая пошла вперед и подрезала нас, перекрывая дорогу. Вторая притиснула боком к обочине, вынуждая остановиться.

Михаил резко затормозил. Мы попадали вперед, еле успев выставить руки. Телохранитель и водитель схватились за кобуры. Я полез в карман, вытаскивая «ТТ» и верный дерринджер.

— Спокойно, — прогремел в салоне голос Ивашутина. — Оружие можете достать,

положить перед собой, но без моей команды не применять и ничего не делать. Сначала узнаем, что им нужно.

2 января 1979 года

(Продолжение)

Захлопали дверцы «волг», выпуская несколько фигур в темных куртках и пальто. Сзади неожиданно затормозила и чуть повернула вправо ещё одна машина белая «жигули-2102», перегораживая дорогу к отступлению.

— Обложили, сволочи, — сквозь зубы прошипел Артём, придерживая ладонью пистолет на коленях.

— Сигнал глушится, — озабочено сообщил Михаил, приложив к уху трубку «Алтая».

— Ничего, — усмехнулся Ивашутин. — Разберемся. Повторяю, без моей команды, не никаких действий. Вон, к нам уже идут.

Из «волги» ставшей спереди, выдвинулся высокий мужчина в коричневой норковой шапке и кожаном плаще на меховой подкладке. Остальные остались на прежних позициях.

— Модный перец, — ухмыльнулся Артём, внимательно наблюдая за шагающим сюда комитетчиком.

«Парламентер» неторопливо подошел к задней двери машины, игнорируя телохранителей, и требовательно постучал по стеклу пальцем.

Петр Иванович крутанул ручку, стекло поехало вниз.

— Здравствуйте, товарищ генерал, — отдал честь незнакомец. — Разрешите представиться. Он продемонстрировал начальнику ГРУ красную книжечку с надписью «КГБ», и раскрыл её у окна так, чтобы Ивашутин мог прочитать, что там написано.

— Комитет Государственной Безопасности. Полковник Остроженко Николай Андреевич. ПГУ. Управление «К».

— Контрразведка? — спокойно уточнил Ивашутин.

— Так точно, товарищ генерал армии, — холодно улыбнулся Остроженко, но честь не отдал.

— И чего вам от меня надо, полковник?

— Товарищ Андропов хочет с вами встретиться. Немедленно, — надменно заявил комитетчик. — Прошу вас следовать за мной.

— Он в Ленинграде?

— Нет, — в голосе полковника проскользнула нотка раздражения. — В Москве. Мы сейчас поедем на аэродром. Там нас уже ждет борт. Полетим в Москву. Потом я провожу вас к Юрию Владимировичу.

Я буду в Москве через пару дней, и тогда Юрий Владимирович может мне позвонить и назначить встречу, — каменное лицо Ивашутина не выражало никаких эмоций.

— К сожалению, так не пойдет, — извиняюще развел руками Остроженко. — Товарищ Андропов хочет встретиться с вами немедленно. У меня приказ и я не могу его нарушить. Вам придется полететь с нами.

— Засунь себе приказ, знаешь куда?! — повысил голос генерал. — Я тебе русским языком сказал. Через пару дней буду в Москве. Если нужен Юрию Владимировичу, пусть он позвонит, встретимся. Я не нахожусь в подчинении председателя КГБ. У меня своё начальство есть. Мне может приказать только Дмитрий Федорович Устинов — министр обороны. Или мой непосредственный начальник — маршал Советского Союза, начальник Генерального штаба Николай Васильевич Огарков. Больше никто.

Комитетчики у машин напряглись. Рассредоточились, подаваясь в стороны. Некоторые расстегнули пуговицы пальто и спустили вниз замки змеек на куртках, чтобы быстрее выхватить оружие. Михаил и Артем положили ладони на пистолеты. Наступила гнетущая тишина, готовая в любой момент взорваться грохотами выстрелов. С каждой секундой напряжение нарастало, натягивая нервы до предела как струны. Пауза затягивалась.

Разрядил обстановку Остроженко. Полковник несколько мгновений смотрел на начальника ГРУ, продолжавшего сидеть в машине с каменным выражением лица. Затем обернулся к своим людям, успокаивающе махнул рукой и снова повернулся к Иващутину.

— Вы отказываете члену Политбюро? — вкрадчиво поинтересовался Николай Андреевич.

— Полковник, ты с дуба рухнул? — тяжелый взгляд Иващутина уперся в лицо полковника. — Поставь себя на моё место. Поздним вечером какие-то непонятные люди тормозят меня на трассе, предъявляют удостоверения комитета, и просят проехать с ними к черту на кулички, якобы для встречи с товарищем Андроповым. И ты думаешь, я после этого должен нестись хрен знает куда, поверив лишь словам каких-то мутных личностей? А вдруг это операция наших вероятных противников?

— Тогда почему вы с нами еще разговариваете? — хищно улыбнулся Остроженко.

— Есть небольшая вероятность, что вы действуете не по собственной инициативе, а по поручению председателя КГБ. Поэтому и разговариваю, — чеканя каждое слово, отрубил начальник ГРУ.

— Хорошо, тогда у меня к вам такое предложение, Петр Иванович, — вздохнул полковник. — Доезжаем до ближайшего райотдела КГБ, звоним Юрию Владимировичу. Вь с ним общаетесь, убеждаетесь, что я говорю правду, садитесь на борт, и летите со мной в Москву. Подойдет такой вариант?

— Я могу подумать? — холодно осведомился начальник ГРУ.

— Конечно, — полковник улыбнулся ещё шире, но глаза остались цепкими и настороженными. — Минуты три вам хватит?

— Хватит.

— Тогда подумайте, я тут недалеко постою, покурю.

Остроженко, вытащил из карманов синюю пачку «Космоса» и зажигалку, щелчком выбил сигарету, сунул её в уголок рта, прикурил, пряча ладонями от ветра затрепетавший желтый огонек, развернулся и пошёл к своим людям.

— Что будем делать, Петр Иванович? — уточнил Михаил.

— Ехать с этим Остроженко нельзя. В машине важные документы. И я не хочу разговаривать с Андроповым. По крайней мере, сейчас, — пояснил Иващутин, многозначительно глянул на меня, увидел еле заметный ответный кивок, и продолжил:

— И вообще не понятно, имеет ли Андропов к этим людям какое-либо отношение. Вполне возможно, что это провокация, направленная против меня. Уж слишком сильно мы ГэБэ хвост накрутили. Поэтому расклад такой: Ждём пару минут. Если ничего не изменится, резко сдавай назад и тарань «ВАЗ». Попытаемся уйти от них по трассе. Можете стрелять по шинам, а если они начнут в ответ, то и по автомобилям и людям тоже. Считайте это моим приказом. Всю ответственность я беру на себя. Всё, время пошло, всем приготовиться, — Иващутин бросил взгляд на часы.

— Петр Иванович, у меня другое предложение, — вмешался в разговор Артём, — Давайте сделаем так. Когда полковник приблизится, берем его в заложники, затаскиваем в

машину. Я выпрыгиваю, начинаю стрелять, принимаю огонь на себя. А вы уходите, как и хотели. Так будет больше шансов. И в любом случае, имея заложника, Вы сможете попытаться выйти из зоны радиомолчания и вызвать помощь. Она, кстати, уже где-то недалеко должна быть. По своему начальнику чекисты стрелять не будут. Не должны.

— Плохо ты чекистов знаешь, — ухмыльнулся начальник ГРУ. — Они разные бывают. Могут и начальника замочить, если инструкции на этот счёт имеют. Впрочем, принимается. Спасибо, Артём, я не забуду.

Крепкие пальцы Ивашутина, стиснули плечо телохранителя. Артём коротко кивнул, принимая благодарность.

— Полкан уже докурил, сейчас сюда пойдет, — предупредил Михаил, внимательно следящий за чекистами.

— Приготовиться, — скомандовал Ивашутин. — Когда он подойдет, работаем. Я говорю, что согласен, открываю дверь машины, якобы для того, чтобы обсудить кое-какие детали. Хватаю его за воротник, вставляю ствол в голову, дергаю на себя. Артём ты одновременно вылетаешь из машины, помогаешь затащить Остроженко в машину, если потребуется и прикрываешь нас огнем. Мотор Миша не глушил, поэтому, как только полковник оказывается в автомобиле, расслабляем его ударом по голове и стартуем. Всем всё понятно?

Телохранитель и шофер поочередно кивнули. Я промолчал.

— Тогда работаем, он уже подходит, — Ивашутин внимательно следил за направившимся к нам полковником.

Неожиданно полковник остановился, изумленно уставившись куда-то позади нас. Я обернулся. Две быстро увеличивающиеся точки на глазах превращались в тентованный армейский ГАЗ-66 и летящий за ним, грозно гремящий железом БМП-1. Чекисты бросились под прикрытие машин, вытаскивая оружие. Полковник развернулся и рванулся обратно, к своим людям. Быстро сориентировавшийся в ситуации Артём выпрыгнул наружу, распахнув дверцу, и вlepил две пули точно по бедрам улепетывающего со всех ног Остроженко. Полковник полетел кубарем лицом вперед. Норковая шапка взмыла в воздух, приземлившись где-то далеко на заснеженном поле.

Хлопнул ответный выстрел, но телохранитель рыбкой нырнул в сугробы на обочине. В полете грохнул «ГТ» Артёма, свернув в темноте яркой вспышкой. Комитетчик в черном пальто опрокинулся назад, выронив пистолет, и схватившись за руку.

Ивашутин и я вывалились на обочину, держа перед собой пистолеты. Михаил выпрыгнул вслед за нами, приземлившись рядом с Артёмом.

«Шишига» остановилась рядом, чуть не доезжая до «волг». Матерчатый тент откинулся, и из кузова посыпались бойцы в касках и бронежилетах, держа «калашниковы» перед собой. Они моментально рассредоточились, занимая удобные позиции под деревьями и на обочине.

Затормозивший БМП, бронированным бортом, протаранил прижавшую нас сбоку «волгу», отбрасывая её в сторону. Скрежет сминаемого железа прозвучал в моих ушах сладкой музыкой. Чекисты, прятаясь за её бортами, успели рассыпаться в стороны и упасть на грязный снег. Над их головами прогремела предупредительная очередь из ПКТ, взмётывая на находящемся напротив холме, белые фонтанчики.

— Оружие на снег побросали, быстро. Как можно дальше. Метров на пять от себя. Легли на землю, руки за головы. Откажетесь, мы вас из пушки и пулемета на фарш порубаем, — загремел усиленный мегафоном голос. У заднего борта шишиги, возле

откинутого тента появилась знакомая фигура Сергея Михайловича.

— Даю две секунды. Потом начинаем. Предупреждаю, пленных брать не будем.

— Не стреляйте, мы сдаемся, — донеслось в ответ.

В снег полетели пистолеты. Чекисты уткнулись лицами в сугробы, заложив руки за головы. Сергей Иванович, а следом за ним немолодой квадратный капитан, выпрыгнули из «газика» и трусцой побежали к нам.

— Артём возьми аптечку в салоне, и окажи первую помощь раненым, — распорядился Ивашутин.

— Слушаюсь, — гаркнул телохранитель, открыл дверцу, и полез за бинтом и лекарствами.

Начальник ГРУ с нескрываемым удовлетворением осматривал поле боя и комитетчиков, обыскиваемых и связываемых спецназовцами.

— Здравия желаю, товарищ генерал армии, — подошедший военный в полевой форме вытянулся, отдал честь и представился. — Капитан Соломатин, командир четыреста шестьдесят второй роты специального назначения ГРУ, дислоцирующейся в поселке Гвардейский, Выборг-7. По вашему приказанию, поступил в распоряжение капитана Смирновского. Мы прибыли в ближайшую военную часть, и выехали, как только ваш подчиненный позвонил. Следовали за вами на расстоянии, выдерживая дистанцию в несколько километров, в целях обеспечения безопасности.

Сергей Иванович молча замер рядом, ожидая, когда общение с коллегой закончится.

— Чего так задержались? — пробурчал Ивашутин. — Я уже не знал, как ещё время протянуть до вашего приезда. Думал уже, что не подъедете.

— Виноват товарищ, генерал армии, — немного смущенно признался Соломатин. — Водитель «шишиги», Румянцев, что-то нехорошее в звуке мотора услышал. Захотел остановиться, посмотреть, что не так. Это буквально, пару минут заняло. Думали, ничего страшного. Ошиблись.

— Ладно, проехали, — махнул рукой Ивашутин. — Все хорошо то, что хорошо кончается, как говорил один мой начитанный товарищ. Но на будущее, такого не допускайте. И проверяйте постоянно состояние вверенного автопарка.

— Так точно, — вытянулся капитан.

— Всех комитетчиков грузите в «шишигу» и побыстрее. Следите, чтобы они между собой не разговаривали, можете рты им заткнуть для верности. Ткань или тряпки для кляпов найдутся?

— Найдутся, — кивнул Соломатин. — Сделаем, товарищ генерал армии.

— Везем их к вам на базу и там у вас допросим. Дальше действуем по обстановке. Ты подчиняешься моим приказам. Остальных можешь посылать на хер. Кроме, естественно, министра обороны и маршала Огаркова. Всё понял?

— Так точно.

— Вот и отлично. Давайте ребята, пошевеливайтесь. А ты Сергей Иванович, к нам пересаживайся. Где, кстати, «Нива» с другими сотрудниками, осталась?

— Рядом стоит, — ответил до этого молчавший ГРУшник. — Она сзади ехала. С ребятами была договоренность, если какая ситуация, они тормозят и останавливаются недалеко, но за пределами видимости, чтобы не светиться. Нам же ещё Лешу обратно отвозить. А если какая-то нештатная ситуация, действуют по обстановке, связываются с руководством, используют любые резервные варианты. Так и сделали. «Нива» затормозила,

когда «волги» увидела. Сейчас стоит метрах в двухстах отсюда.

— Замечательно, — улыбнулся Ивашутин. — Тогда Леша пересядет к вам, и можете везти его обратно. А мы пока с комитетчиками на базе побеседуем, запротоколируем факт нападения. Дальше, посмотрим, что делать. Кстати, загляни в машины чекистов. Там глушилка должна быть. Она как большая радиостанция выглядит. Отключай её и связывайся со своими. Потом вы с Лешей незаметно уходите в лес, пока здесь суета. Когда мы уедем, пусть ребята вас заберут. И обязательно, перезвони, скажи, что всё в порядке. Понял?

— Будет исполнено, товарищ генерал, — улыбнулся Сергей Иванович.

* * *

Белая «Нива» летела по ночной дороге, обгоняя редкие машины. Рядом сидела Алла. Идеальная женщина. Никаких охов и ахов. Спросила меня, все ли в порядке, выслушала рассказ капитана о разборке с комитетчиками на трассе, и уткнулась в окно, наблюдая за проносящимися мимо домами и деревьями. Вася за рулем весело болтал с капитаном о службе, рассказывал смешные истории, а я прикрыл глаза, во всех подробностях вспоминая разговор с Романовым....

Нужный особняк мы отыскивали быстро. Монументальное двухэтажное здание с большой башней наверху выделялось даже на фоне номенклатурных обкомовских дач. Нас опять тормознули, просмотрели салон, затем к машине подошел худой человек в длинном пальто.

— Здравствуйте, товарищ генерал. Григорий Васильевич уже вас ждет. Идемте за мной товарищи.

— Все? — уточнил Ивашутин.

— Все, — кивнул мужчина. — Машина пусть остается здесь. Не волнуйтесь, за ней присмотрят.

— Леша, выходи с Артёмом, — приказал Ивашутин. — Мы к вам через минутку присоединимся.

Я вылез с машины и с охранником ожидал Ивашутина. Генерал снял трубку Алтая, что-то коротко сказал, подхватил толстую кожаную папку и вышел из машины. Последним вылез Михаил, повернул ключ в замке, и демонстративно подергал дверцу.

Убедившись, что все в сборе, мужчина развернулся и быстро зашагал к арке дома. За ним потянулись телохранители, третьим шел Ивашутин, замыкал процессию я.

Через пару минут мы уже зашли в громадный холл. Там пришлось скинуть обувь, а потом наш сопровождающий указал бойцам направо:

— Там кухня. Перекусите, погрейтесь, попейте чаю, пока Григорий Васильевич будет общаться с вашим начальником. Марию Антоновну я предупредил.

Водитель и телохранитель вопросительно глянули на генерала. Ивашутин согласно качнул головой, и они послушно потопали на кухню.

— А вам молодой человек, отдельное приглашение нужно? — строго поинтересовался мужчина, с интересом разглядывая меня.

— Иди на кухню Алексей. Когда понадобится, мы тебя позовем. А пока я сам с Григорием Васильевичем пообщаюсь, — добавил Ивашутин.

— Слушаюсь, товарищ генерал армии, — козырнул я, чтобы не выйти из образа, по уставному развернулся через левое плечо, и побрел на кухню.

Помещение оказалось светлым и просторным. Дурманящие запахи свежеевпеченной сдобы и жареного мяса, туманили сознание, и заставляли слюну обильно выделяться. От нахлынувшего чувства голода у меня чуть не закружилась голова.

За большим столом сидели на табуретках бойцы и увлеченно уничтожали пирожки, хватая их с большой тарелки, и запивая горячим чаем в больших белоснежных чашках.

Дородная женщина лет сорока в белоснежном переднике с рюшечками хлопотала возле печки. Она лепила пирожки, проверяла сдобу на пылающей жаром духовке, следила за стреляющей паром кастрюлей с картошкой и сковородкой с мелко нарезанными кусочками мяса.

Увидев ещё одного гостя, женщина закинула кухонное полотенце на плечо, и усадила меня за стол к ребятам, выдвинув из-под него ещё одну табуретку.

— Меня Мария Антоновна зовут, — представилась она. — А вас как звать-величать молодой человек?

— Очень приятно, Алексей, — представился я.

— У меня сын тоже Леша, — расплылась повариха в довольной улыбке. — Только он маленький ещё. Восемь лет недавно стукнуло.

Около получаса мы болтали о разных пустяках. Мария Антоновка рассказывала о проделках сына, бойцы травили анекдоты, я вежливо смеялся, жуя пирожки и салатки. Сорок минут пролетели незаметно, пока на кухне не появился уже знакомый худой мужчина.

— Идем, Алексей, — сухо произнес он, найдя меня глазами, — Григорий Васильевич хочет с тобой побеседовать.

2 января 1979 года

(Продолжение-2)

Когда начальник ГРУ вошел в кабинет, невысокий седой мужчина, задумчиво смотрел на снегопад за окном, отхлебывая из граненого стакана с посеребрённым подстаканником темно-коричневый чай.

Сопровождающий, зашедший в комнату сразу за Ивашутиным и ставший сзади, деликатно кашлянул, привлекая внимание.

— Григорий Васильевич, Петр Иванович пришел — сообщил он.

Романов обернулся. Холодный взгляд члена Политбюро, «хозяина Ленинграда» и одного из самых влиятельных людей в стране прошелся по невозмутимому лицу Ивашутина.

— Можешь идти, Игорь. Дальше мы сами, — Романов поставил чай на стол. Ободок подстаканника глухо стукнул по массивной столешнице.

— Ухожу, Григорий Васильевич, — мужчина кивнул, быстро развернулся и вышел, не забыв аккуратно прикрыть за собой дверь.

— Ну здравствуй, генерал, — Романов протянул руку, продолжая испытывающее глядеть на начальника ГРУ. Ладони «хозяина Ленинграда» и руководителя ГРУ сцепились в крепком мужском рукопожатии.

Через минуту Романов неожиданно улыбнулся уголками губ.

— Силен ты, Петр Иванович, лапа как клещи. Чуть мне руку не раздавил. Не то, что некоторые. Ладони ватные, потные. Даже пожать руку как следуют, не могут. Кривятся, стонут тихонько. Не мужики, а дерьмо какое-то. Тьфу. Творческая, мать её, интеллигенция.

— Не прибедняйтесь, Григорий Васильевич, — усмехнулся Ивашутин. — У вас тоже еще сил хватает. Даже при рукопожатии чувствуется.

— Это, да, — довольно кивнул Романов. — Есть пока ещё порох в пороховницах. Присаживайся, Петр Иванович. Пальто можешь на вешалку возле входа повесить. Чаю будешь? Я могу распорядиться.

— Спасибо, Григорий Васильевич. Пока не хочу, — вежливо отказался начальник ГРУ. Он повесил пальто на крючок железной вешалки и неторопливо уселся на стул перед «Хозяином Ленинграда».

— Ладно, давай перейдем к делу, — улыбка сошла с лица Романова. Первый Секретарь ленинградского обкома стал серьезным и сосредоточенным. — Петр Иванович сказал, что у вас есть важная информация для меня. По поводу того скандала с царским сервисом на свадьбе дочери.

— Есть, — подтвердил Ивашутин. — Об этом лучше расскажет наш сотрудник. Он, кстати, находится внизу. Но сперва...

Генерал неторопливо расстегнул кожаную папку, достал оттуда лист бумаги и ручку. Романов с интересом наблюдал за действиями гостя. Ивашутин быстро написал несколько строк, положил бумагу на стол и подвинул её к первому секретарю Ленинградского обкома партии.

Романов цапнул ладонью листок, поднес его к лицу и, сосредоточенно пробежался глазами по тексту.

«Григорий Васильевич! Нам надо поговорить в надежном месте без свидетелей. В кабинете вас могут слушать работники девятки. Речь идет о государственном перевороте. И

ваша дискредитация — часть плана заговорщиков, проводимого совместно с западными спецслужбами. В число предателей входят люди из высшего руководства КГБ. Нужно пообщаться в таком месте, где прослушка будет невозможна. Это очень важно».

В первое мгновение брови Романова изумленно взлетели вверх. Затем он нахмурился и поднял глаза на Ивашутина. Начальник ГРУ встретил давящий немигающий взгляд Григория Васильевича с невозмутимым лицом. В кабинете повисло тяжелое молчание.

Затем «хозяин Ленинграда» хлопком припечатал листок к столешнице, подвинул его к Ивашутину и поднялся.

— Пойдемте, — сухо бросил он.

Начальник ГРУ быстро сложил листок, сунул его в карман кителя и тоже встал.

Григорий Васильевич энергичным шагом вышел из кабинета. Ивашутин последовал за ним, не забыв прихватить форменное пальто. На первом этаже Романов повернул налево и постучал в дверь комнаты.

— Заходите, — раздался бодрый голос.

«Хозяин Ленинграда» оттолкнул дверь и зашел. Начальник ГРУ двинулся следом, остановившись на пороге.

Маленький кряжистый сорокалетний мужичок в сером мешковатом свитере и черных брюках при виде первого секретаря Ленинградского обкома, положил томик Дюма на журнальный столик и вскочил с кресла.

— Здравствуйте, Григорий Васильевич.

— Привет, Сергеевич, — кивнул Романов. — Дай-ка мне ключи от технических помещений.

— Да зачем они вам, Григорий Васильевич? Если нужно я открою и всё покажу, — заюлил мужичок.

— Сергеевич! — в голосе Романова прибавилось стали. — Ключи, сюда, быстро!

— Как скажете, — вздохнул мужичок и полез в карман штанов. Вытащил большую связку позвякивающих ключей, отсоединил парочку на отдельном кольце и протянул Романову.

— Вот, пожалуйста.

Глава Ленинградской области молча взял ключи у Сергеевича, развернулся и покинул комнату. За ним вышел Ивашутин. Мужичок проводил гостей недоумевающим взглядом, вздохнул и взял книжку со стола.

Романов вышел в прихожую. Раскрыл шкаф, снял с плечиков черное драповое пальто, надел его, скинул домашние тапочки, присел на табуретку, подхватил зимние ботинки, стоящие на полочке для обуви. Петр Иванович тем временем тоже натянул свою обувь, стоящую на коврик, рядом с входной дверью.

Григорий Васильевич жестом указал генералу следовать за собой. Генерал уже в форменной одежде двинулся следом. Романов свернул в узенький коридорчик, рядом с лестницей на второй этаж. Там оказался черный вход. Первый секретарь Ленинградского обкома дважды повернул колесико замка, и дверь, щелкнув замком, послушно открылась.

— Здесь за домом технические помещения, — сообщил Григорий Васильевич, когда Ивашутин вышел вслед за ним на улицу. — Сергеевич — завхоз наш, всякий хлам туда складывает. Летом у нас строители ремонт делали, там обедали. После них остались стол и несколько табуреток. Прослушки там точно нет.

— Это хороший вариант, — кивнул Ивашутин. — Показывайте, куда идти.

Романов указал взглядом на два больших одноэтажных домика, стоящих справа от дачи и пошел к ним.

Через минуту Иващутин с любопытством оглядывал просторное темное помещение, забитое инструментами, кусками пенопласта, досками, лопатами, обрезками пластмасс, базальтовой ватой и другими строительными материалами и инвентарем.

— Где-то здесь выключатель должен быть, — сообщил Георгий Васильевич, деловито раздвигая развешанные у входа спецовки. — А, вот он.

Щелкнула кнопка. В середине помещения зажглась свисающая с потолка лампа в патроне, заливая помещение тусклым желтым светом.

Романов аккуратно прикрыл дверь, щелкнул замком, закрывая её изнутри, и развернулся к начальнику ГРУ.

— Прослушать нас не могут? Хотя бы с соседнего дома? — для порядка уточнил Иващутин.

— Никак, — отрицательно качнул головой Романов. — Стены здесь толстые — два кирпича. Сделаны на совесть. Соседнее помещение закрыто, и по самый потолок забито мусором. Ключи от него у меня. И кричать мы с вами не будем. Правильно?

— Так точно, — улыбнулся генерал.

— Давайте присядем, — предложил Григорий Васильевич, указав ладонью на примостившийся к стене небольшой столик из необструганной древесины и несколько табуреток. — И вы расскажете мне то, что собирались.

— Давайте, — кивнул Иващутин.

Романов присел у стола. Начальник ГРУ расположился напротив.

— Григорий Васильевич, вы слышали, что мы недавно разоблачили большую группу предателей и вражеских агентов в ГРУ, КГБ и на наших режимных объектах.

— Конечно, наслышан, — царственно кивнул Романов. — Леонид Ильич твое ведомство хвалил. Пельше и Устинов тоже. Юрию Владимировичу сильно по шапке досталось, что за него всю работу ГРУ выполнило. Большое дело сделал, Петр Иванович Леонид Ильич тебя даже в пример Андропову и Щелокову ставил. Вот, мол, как красиво сработал. И Дмитрия Федоровича похвалил. Сказал, что отличные специалисты у него, ЦРУ до сих пор на ушах стоит.

— Спасибо, — невозмутимо кивнул Иващутин. — И то, что я вам сейчас покажу, имеет непосредственное отношение к этому делу.

Начальник ГРУ расстегнул кожаную папку, достал стопку листов, скрепленных тоненькой веревочкой, и подвинул к Романову.

— Это выдержки из дела, которое мы сейчас ведем. Специально для вас подготовил краткую выжимку. Прочтите, пожалуйста, Григорий Васильевич.

Романов взял листки, прищурился, пытаясь разглядеть буквы в тусклом свете лампы. Недовольно хмыкнул, отложил листы в сторону. Достал из внутреннего кармана прямоугольный футляр, открыл его, вытащил очки. Неторопливо расправил черные роговые дужки, и водрузил очки на нос.

— Посмотрим, что там у тебя, — пробормотал он, подхватывая ладонью листы. Вчитался, перевернул листок, затем другой. Иващутин терпеливо ждал, пока Романов закончит читать. Даже в тусклом свете лампы было видно, как лицо первого секретаря Ленинградского обкома КПСС начало медленно багроветь. Сперва нездоровая краснота растеклась по скулам и щекам, потом затронула лоб и поползла к шее. Романов отодвинул

листы от себя и ошарашено глянул на Ивашутина.

— Это..., - начал охрипшим голосом Романов и прервался. Глубоко вдохнул, пытаюсь прийти в себя, и продолжил:

— Это правда?

— Абсолютная, — бесстрастно подтвердил Ивашутин.

— И он готов подтвердить свои показания лично? — уточнил член Политбюро ЦК КПСС.

— Да.

— Тогда надо собирать Политбюро, — Григорий Васильевич, резко рванул узел галстука в сторону, и дрогнувшими пальцами суетливо расстегнул пуговицу воротника. — Я даже не знаю, как это назвать. Это полный звездац.

— Вы подождите пока собирать Политбюро, — попросил Ивашутин. — Нам нужно ещё некоторое время, чтобы завершить следственные действия и окончательно оформить доказательную базу. Что касается прочтённых вами материалов. Весь допрос зафиксирован на видеокассете. Я вам её передам, когда вернемся в кабинет. Материалы там такие, сами понимаете, что лучше её хранить где-нибудь в надёжном месте, недоступном для посторонних. Полагаюсь в этом на ваш опыт.

Ивашутин помолчал, давая Романову осознать всю важность сказанного, и продолжил:

— При необходимости вы в любой момент можете предъявить её для просмотра другим членом Политбюро. Но лучше не передавать кассету, а собрать их и посмотреть её вместе. Это самый эффективный способ убеждения. Но сейчас я прошу вас с этим повременить. Слишком высока цена ошибки. Можете аккуратно переговорить с товарищами Гришиным и Щербицким. Главное, чтобы в нужный момент вы все могли собраться в Москве посмотреть эту видеокассету и ознакомиться с предоставленными мною материалами.

— Какой у вас план? Чего вы хотите добиться? — уточнил Григорий Васильевич, вглядываясь в лицо генерала.

— Почти три года назад Леонид Ильич Брежнев хотел уйти в отставку. Он уже не очень молод, много проблем со здоровьем и я его прекрасно понимаю. Но Юрию Владимировичу и его единомышленникам было удобно обдѣлывать свои делишки за спиной больного и ничего не соображающего генерального секретаря. Леонида Ильича в отставку не отпустили.

Поэтому мой план такой. Сначала разобраться с заговорщиками. Убрать от власти тех, кто хочет развалить Союз и с помощью ЦРУ и других западных спецслужб провести реставрацию капитализма. Пусть их судьбу решает суд. Затем желание товарища Брежнева уйти на заслуженный отдых надо удовлетворить. Возглавить страну должны вы — как сильный руководитель, опытный хозяйственник, принципиальный и честный человек. И ГРУ в моем лице готово оказать вам всяческое содействие. А председателем совета министров СССР я хотел бы видеть Петра Мироновича Машерова. Он настоящий патриот и великолепный руководитель. Белоруссия под его началом расцвела, стала одной из самых благополучных и процветающих республик Союза. С Вами и Петром Мироновичем мы горь свернем. Проведем необходимые стране реформы, уничтожим дефицит, сделаем Союз передовой страной во всех отношениях. План есть.

— Благодарю за доверие, — уголки губ Романова дрогнули в улыбке. — Но вы же понимаете, Петр Иванович, что это далекая перспектива. Сначала надо взять власть. А Андропов — очень серьезный противник. Я бы не стал его недооценивать.

«На вы начал обращаться», — мысленно отметил начальник ГРУ. — «Это хороший

признак».

— Так и я этим не занимаюсь. Поэтому провел несколько операций против изменников, собрал доказательства и обратился к вам, Григорий Васильевич. Прекрасно понимаю, что одному с Андроповым и его окружением не справиться. Слишком мощная фигура. А вместе у нас есть большие шансы на победу.

— Есть, — подтвердил Романов. — Но здесь очень важно все как следует продумать и рассчитать. Любая ошибка может стать роковой.

— Согласен, Григорий Васильевич, — кивнул Ивашутин. — Поэтому я и прошу вас действовать осторожно и пока никуда не торопиться. Мне ещё неделя нужна где-то, чтобы всё подготовить.

— А что там вы о провокации с разбитым сервизом говорили? — неожиданно спросил Григорий Васильевич. — Есть реальная информация или это было использовано как повод для встречи со мной?

— Есть, конечно, — подтвердил Ивашутин. — Вам лучше на эту тему поговорить с нашим сотрудником. Он сейчас здесь. Вместе с моими ребятами на кухне сидит. Я вам даже больше скажу. Именно благодаря ему, мы большинство этих шпионов и предателей переловили и на заговор в верхах вышли. Но вы должны сами с ним пообщаться. Слишком невероятно это будет от меня звучать. А он вам может наглядные доказательства своей правоты предоставить и рассказать то, что для чужих ушей не предназначено. Даже для моих.

— Да? — задумался Романов. — Тогда сделаем так. Сейчас отсюда выйдем и зайдем в дом. Я Игоря за вашим сотрудником отправлю. Как его зовут и звание?

— Алексей, — подсказал начальник ГРУ. — Его легко найти. Он самый молодой среди моих сопровождающих. Парень на вид лет 20-ти, худощавый. В форме младшего лейтенанта.

— Так и сделаем. Игорь его через черный вход выведет, а мы с вами постоим на свежем воздухе. Курите?

— Никак нет, Григорий Васильевич. Веду здоровый образ жизни, — добродушно усмехнулся начальник ГРУ. — До сих пор с гирьками балуюсь.

— Замечательно, — улыбнулся Романов. — Здоровый образ жизни — это правильно. Тогда просто постоим, подышим. Воздух, сегодня просто чудо. Свежий, морозный, бодрящий.

* * *

Романов и Ивашутин встретили меня на улице. Когда я увидел Григория Васильевича, невольно напрягся. Романов улыбнулся мне, но глаза остались холодными и изучающими. От фигуры первого секретаря ленинградского обкома КПСС веяло уверенностью и силой человека, облеченного немалой властью.

— Здравствуй, Алексей, — Григорий Васильевич протянул ладонь.

Пожатие у члена Политбюро оказалось крепким и энергичным.

— Пойдем, поговорим, — Романов показал взглядом на приоткрытую дверь большого одноэтажного домика.

Помещение оказалось чем-то средним между складом и рабочей подсобкой. Разбросанные обрезки пластмасс, куски базальтовой ваты, инструменты. В центре, отбрасывая зловещие темные тени, одиноко горела свисающая с провода лампочка.

Первый секретарь обкома уверенным шагом направился к стоящему у стены в углу самодельному столику с табуретками. Пришлось идти за ним. Григорий Васильевич сел у

стены. Мы с начальником ГРУ разместились по другую сторону стола.

— Петр Иванович сказал, ты можешь подробно пояснить, откуда пошли слухи о разбитом царском сервизе на свадьбе моей дочери? — холодный взгляд Романова сверлил мое лицо.

— Могу, — подтвердил я. — И во всех подробностях.

— Рассказывай, — глаза первого секретаря обкома напоминали два пистолетных дула направленных на меня.

— Перед тем как я начну, позвольте небольшую демонстрацию, чтобы вы не усомнились в полученной информации, — предложил я.

— Какую демонстрацию?

— Я просто покажу свои способности, чтобы в дальнейшем вопросов не возникло.

— Что за способности? — не понял Романов.

— Необычные, — хладнокровно ответил я. — Я докажу, что говорю правду. О прошлом и будущем, которое может наступить.

Настороженное выражение на лице Романова пропало. Первый секретарь обкома откинулся спиной на стену и заливисто захохотал. Мы с Ивашутиным спокойно ждали, пока он успокоится.

— Так ты что, из этих, из предсказателей, что ли? — осведомился Романов, утирая слезы ладонями. — Господи, а я-то думал, что-то серьезное. Цирк какой-то. Ты кого ко мне привел, Петр Иванович?

— А вы проверьте его способности, Григорий Васильевич, — порекомендовал Ивашутин. — И сразу перемените свое мнение.

— Давайте расскажу о некоторых подробностях вашей жизни, которые никто не знает, — улыбнулся я. — А вы после этого сами решите, стоит ли мне верить или нет.

— Я пойду пока прогуляюсь, — поднялся Ивашутин. — А вы пообщайтесь тут.

Начальник ГРУ резко поднялся, и пошел к выходу. Через пару секунд дверь со скрипом закрылась.

— Ну давай, — саркастическая ухмылка Романова не сулила ничего хорошего. — И на что только не приходится тратить своё время. Поведай мне что-то интересное, о котором никто не знает.

На секунду лицо Григория Васильевича стало размытым, как на стекле, заляпанном каплями дождя. Потом картинка опять стала четкой.

Я торжествующе улыбнулся.

— В начале войны вы познакомились с девушкой Аней. Она потом стала вашей женой.

— Это всем известно и давно не секрет, — буркнул Романов. — Это всё, что ты можешь мне сказать?

— Нет. Во время блокады вы попали в госпиталь с диагнозом «дистрофия». Там вас нашла Аня и принялась вас выхаживать. Рядом с вами лежал раненный красноармеец Александр Возчиков. Когда вы уже выздоравливали и отошли в туалет, к вам пришла невеста. У палаты вы слышали голоса. Её и Возчикова. Глянули в приоткрытую дверь. Красноармеец нагло клеил Аню, и приглашал её на свидание после выздоровления. Именно тогда на вас нахлынул приступ бешенства. Хотелось ворваться в палату и задушить его. Вы даже чувствовали, как пальцы стискивают его горло. Аня отказалась, и вас отпустило. Вам даже немного стыдно стало за свой порыв. Потом вы выждали пару минут и зашли. Но с Возчиковым после этого общаться перестали. Только по необходимости. И это чувство

бешенства вы неоднократно со стыдом вспоминали на протяжении своей жизни.

Насмешливый блеск из глаз Романова пропал, лицо утратило жесткость и обмякло.

— Так и было, — вздохнул он. — Мальчишкой я был, дурным. Если бы не совладал с собой, были бы проблемы.

— Могу ещё несколько моментов из вашей жизни рассказать, — предложил я. — Хотите? Как на ваших глазах во время блокады умерла знакомая семилетняя девочка, которая росла у вас на глазах. Слез не было, но вам было так плохо, что прокусили губу на улице, а потом долго сидели на заснеженной скамейке, переживая её смерть. И тогда поклялись мстить фашистам, драться с ними пока эта мерзость не ответит за свои преступления. Могу поведать ещё несколько фактов из различных периодов вашей биографии.

— Не надо, — Романов тяжело вздохнул, отгоняя воспоминания. — Верю. Такого точно знать никто не мог. Так что ты мне можешь сказать о распускании слухов с разбитым сервизом на свадьбе дочери?

— Это было сделано намерено. Операцию спланировал Андропов, которому помог, преследуя свои цели, Черненко. Они оба хотели убрать вас с пути как кандидата на пост генсека ЦК КПСС. Как всё происходило? Незадолго до бракосочетания вашей дочери была свадьба в Таврическом. Там располагалась высшая партийная школа. А столовая была на балансе управления делами обкома партии. Там и проходила свадьба. И использовалась действительно музейная посуда по просьбе отца жениха. А полковник КГБ Савельев с воплем «горько» разбил антикварную рюмку об пол. Парочка пьяных последовала его примеру. После этого в ЦК КПСС полетел донос. И Андропов с Черненко прекрасно поняли как можно воспользоваться этой ситуацией. Константин Устинович Черненко, руководивший Общим Отделом ЦК КПСС, через подчиненных, донес до руководителей партийных органов Ленинграда своё недовольство: «В Ленинградской организации КПСС есть руководители, которые позволяют себе...». И что самое интересное, без указания личностей. А Юрий Владимирович Андропов развил ситуацию. Его информаторы и сотрудники начали активно распространять слухи о разбитом царском сервизе и о вашем барском поведении. Вы это пропустили, потому что уезжали из города в длительную служебную командировку. А подчиненные, зная ваш резкий нрав, побоялись что-либо рассказывать. И тем более, не захотели оказаться между молотом и наковальней, поясняя вам, откуда идут слухи.

В глазах Романова горело бешенство, костяшки на стиснутых кулаках побелели.

— И вот когда скандал уже разгорелся, Вы после заседания Политбюро, подошли к Юрию Владимировичу Андропову, попросили, чтобы КГБ расследовал этот вопрос и определил, откуда идут порочащие вашу репутацию слухи. А он заявил, что это все провокации западных спецслужб и посоветовал не обращать внимание. Помните?

— Помню, — хрипло подтвердил Григорий Васильевич.

— А на самом деле это была спецоперация КГБ, и курировал её начальник управления «К» генерал-майор Олег Калугин. Именно его люди слили якобы компромат на вас в радио «Свобода» и «Голос Америки», а потом через свои связи способствовали публикации в «Шпигеле». Поэтому никакого расследования от КГБ и быть не могло. Иначе возникал риск выйти на самих себя...

2 января 1979 года

(Окончание)

— Ты, говорят, и будущее можешь увидеть, — прищурился Романов. — Так расскажи мне негативный вариант. Что произойдет, если заговорщики победят?

— Советский Союз развалят, — пожал плечами я. — А происходить это будет в несколько этапов. Сначала Андропов резко завинтит гайки. Усилит давление на народ под предлогом борьбы с прогульщиками и поддержания трудовой дисциплины. Дружинники и милиционеры начнут проверять документы в дневное время, устраивать облавы на улицах и кинотеатрах. Понятно, что это многим не понравится, хотя некоторые граждане увидят в таких мерах «сильную руку и наведение порядка». Затем выпустит дешевую водку. Этим он будет решать две задачи. Первая — приобретение популярности у любителей спиртных напитков. Вторая — усиление дебилизации части населения, исключение их из политических процессов. Давно известно, что сильно пьющий человек заиклен лишь на одном — страсти к «сорокоградусной». И пока он может её приобретать, другое его не колышет.

— Подожди, Алексей, — перебил меня Романов, — меня вот какой вопрос сильно волнует. А что с народом? Неужели люди спокойно будут смотреть, как страну уничтожают? И никто ничего не сделает? После гражданской и интервенции страну с нуля отстроили, Великую отечественную выиграла, блокаду перенесли, фашистов разбили. И вдруг молча позволяют развалить СССР? Как-то мне в это не верится.

— А это будет главным доводом антисоветчиков, если развал получится, — криво ухмыльнулся я. — Как аргумент, что Союз был отвратительной страной, они будут приводить в пример то, что защищать по их мнению СССР никто не вышел, как всегда, искажая и замалчивая многие факты. Здесь коротко не получится. Придется долго рассказывать.

— Рассказывай, — нахмурился Романов. — Я хочу это услышать.

— Давайте, чтобы лучше понимать всю глубину происходящих процессов, посмотрим, на большинство советских людей. Они живут жизнью простых обывателей. Работа, дом, выходные, отпуск. От политики обычный человек относительно далек. Партсобрания, политинформации и прочее он уже воспринимает как что-то тяготящее, надоедливое и ему совсем не нужное. И правильно делает. В том виде, в котором все эти мероприятия подаются, они вызывают у советских людей скуку своим формализмом и тяготиной. Ведь люди прекрасно видят, что это делается «для галочки», то бишь для отчетности. Нет за этими мероприятиями реального, живого, интересного присутствующим наполнения.

При этом обычный наш человек невероятно наивный. Все его взгляды на события, на текущие политические процессы формирует телевидение, газеты и журналы. Альтернативных источников, где он мог черпать сведения, нет. Радио «Свобода», «Голос Америки» и прочие попытки донести до населения информацию, в версии наших вероятных противников, так и не стали массовыми. Большинство людей их не слушает. К тому же «Свободу», «Голос Америки» и другие подобные радиостанции активно глушат. Поэтому у нас основными источниками информации и мощным инструментами для формирования общественного мнения стали телевидение и достигшие миллионных тиражей газеты и журналы. И теперь представьте себе, в течение нескольких лет, пока готовится переворот, в

руководстве ЦК КПСС будет сформирована верхушка из заговорщиков и лояльных к ним людей. И этот процесс активно идет и сейчас. В настоящий момент, чтобы расчистить дорогу «птенцам Андропова» убрали Федора Кулакова, а два года назад — маршала обороны Гречко. Вместо Кулакова, секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству должен был стать Михаил Горбачев — друг и единомышленник Андропова. Но эту игру заговорщикам мы сломали. Горбачев сейчас под следствием и его будущее туманно.

Заговорщики готовятся к ликвидации Брежнева, Черненко, Суслова и других товарищей из Политбюро с которыми у товарища Андропова есть некоторые разногласия. Когда Брежнев, перекормленный снотворным с подачи Часова, в минуты просветления определится с преемником — Щербицким, недолюбливавшим Юрия Владимировича, он скоропостижно скончается после очередной таблетки. Причем накануне Пленума ЦК КПСС на котором Леонид Ильич планировал официально рекомендовать Владимира Васильевича на пост генсека.

От такой же таблетки, полученной от медсестры, умрёт и Суслов. Заместитель Андропова — Цвигун совершит странное самоубийство. Машерова тоже планируют убить, замаскировав ликвидацию под несчастный случай в ДТП. Но мы его уже об этом предупредили.

Дойдет очередь и до министра обороны. Устинов и его чехословацкий коллега Мартин Дзур, умрут от острой недостаточности почти в одно время. В течение года от этого диагноза скончаются Гофман и Олах, министры обороны ГДР и Венгрии.

— Интересно излагаешь, — прервал меня Григорий Васильевич. — Но я не об этом спрашивал. А о народе.

— Мы сейчас к этому подходим, — улыбнулся я. — Это предыстория, необходимая для дальнейшего пояснения обстановки. Теперь смотрите. Андропов до исполнения своих замыслов и полной реставрации капитализма не доживет. Он сумеет взять власть, но здоровье подведет. Юрий Владимирович скончается, но все необходимое для переворота будет подготовлено. И после смерти Черненко, специально отравленного рыбой и добитого лечением «добротного доктора» Часова, во всех властных структурах от Политбюро, до местных партийных органов и КГБ будут сидеть единомышленники Андропова. А потом дела техники. Вас отправят на пенсию, Щербицкого — в отставку. От других «несогласных» тоже избавятся. Теперь переходим непосредственно к вашему вопросу. Преемник Андропова начнёт обрабатывать население Союза. Вы можете себе представить, что газета «Правда» центральный орган ЦК КПСС, журнал «Огонёк» и другие подконтрольные партии издания начнут обличать коммунистов? Сначала аккуратно рассказывать о преступлениях партократов, их «огромных привилегиях», стонать о «репрессиях», преувеличивая их размеры в несколько десятков раз. Со временем массивный шквал антисоветчины будет ежедневно обрушиваться на обычных людей со страниц газет и журналов и экранов телевидения.

— Быть этого не может! — Романов мертвенно побледнел. — Не верю.

— А придется, — вздохнул я. — Именно так всё и произойдет. Пять лет будут действовать на мозги народу, крича из-за каждого утюга о «кровавых» преступлениях коммунистов, спецраспределителях, дачах, машинах, выплескивая на людей тонны дерьма, и большинство обличительных материалов будут высосанными из пальца и абсолютно бездоказательными. И одновременно с этим, будет показываться красивая картинка западной жизни, и насаждаться мысль «а мы тоже так могли бы, но из-за проклятых

коммуняк не живем». Нищих и трущобы обычным людям сценаристы благообразно не покажут. И даже несмотря на это заговорщиков ждет большой облом. После пяти лет такой обработки, насаждения национализма в республиках, они проведут референдум о сохранении СССР. И более 70 процентов населения, несмотря на всю пропаганду, скажет «Союзу» «да». Тогда будет принято решение, раз народ такой «тупой», не хочет голосовать так, как нам надо, наплюем на его мнение. А когда Союз будут сносить, большинство людей не поймет этого. Они будут думать, что сменится название, например, на «СНГ» — Союз Независимых Государств, а страна останется. Мало кто будет понимать суть происходящих процессов. А доверие к коммунистам уже будет подорвано, поэтому никто и не выйдет в защиту КПСС. Потом, спустя три года люди наглотаются всех реальных прелестей «дикого капитализма», выйдут против режима, когда начнётся противостояние с Верховным Советом, но будет поздно. СССР уже давно разваливается, а «реформаторы», стоящие у власти, уже нарастят мускулы и обзаведутся собственными опричниками. В итоге народ под красными знаменами раскатают танками и расстреляют из пушек. Хотя ради справедливости скажу, что не только сторонники коммунистов поднимутся, но и монархисты и все те, кто станет противником режима Бориса Николаевича Ельцина. Так будущего президента России будут звать, самого крупного государства после распада СССР.

— Млять, — Григорий Васильевич ошарашенно глянул на меня. — Это какого Ельцина? Бориса что ли? Первого секретаря Свердловского обкома?

— Да, — подтвердил я. — Его самого.

— Кто-нибудь, скажите мне, что я сплю. Это же звезда какой-то, — пробормотал Романов, на мгновение прикрыв глаза и ошеломленно тряхнув головой.

— Именно так и будет, — заверил я. — Я вам сейчас даже интересный, но косвенный факт в копилку подкину, для подтверждения, что заговорщики действуют совместно с западными спецслужбами. Сейчас для них очень важно не дать вам стать генеральным секретарем, а Машерову — войти в Политбюро. Именно по этой причине в публикациях различных авторитетных французских, английских, американских, итальянских изданий разгоняется информация о том, что преемником Леонида Ильича называют вас. Одновременно аналогичные сведения публикуются о Машерове. Делается это специально, с учетом на подозрительность Брежнева, чтобы он вас и Петра Мироновича даже не рассматривал как кандидатур на пост генсека и держал от себя подальше. С этой же целью тиражируется враньё о разбитом царском сервизе на свадьбе вашей дочери в Осиновой Роще. Чтобы дискредитировать и закрыть вам возможность возглавить страну.

— Понятно, — сквозь зубы процедил Романов. — Сделать с этим что-то можно?

— Конечно, — кивнул я. — Нужно. Я вам список напишу, кто эти слухи распространяет. Надо с Петром Ивановичем договориться и взять этих субчиков тепленькими. Заставить публично покаяться на камеру. Взять интервью у гостей, пусть подтвердят, что никакого царского сервиза не было. Покажите людям дачу в Осиновой роще, где проходила свадьба. Ведь другие партработники отказались от неё из-за ветхости. Только нужно с Лапиным об этом договориться. Надавить на него. Возможно, через Леонида Ильича. Сергей Георгиевич должен выделить журналистов и телевизионщиков, чтобы получилась красивая передача, а потом показать её на ЦТ. Можно даже не указывать на Андропова, а представить все это как попытку западных спецслужб очернить вас. В общем, по ситуации надо смотреть. Главное, чтобы к процессу подошли ответственно, продумали сюжет, сняли и смонтировали на совесть. Так, чтобы у зрителей сомнений не осталось, а

негодование из-за того, что хорошего человека хотели очернить, рвало души. И не переключайте этот вопрос на кого-либо другого. Для остальных членов Политбюро вы конкурент. Вас боятся и недолголюбивают из-за сильного характера, бескомпромиссности, энергичности и меньшего чем у большинства из Политбюро возраста. Понимают, если вы станете генсеком, многим придется отвечать за свои делишки или уходить на почетную пенсию. Поэтому занимайтесь этим делом и держите его на контроле сами, а Петр Иванович вам обязательно поможет. Ещё можно со Щелоковым договориться, его ресурсы задействовать. Он враг Андропова, а значит наш потенциальный союзник.

— Я тебя слышал, — кивнул Романов. — Подумаю, как все организовать.

— Хотите, кратко расскажу, какие реформы проведут заговорщики, и как будет жить народ в лихие девяностые, чтобы вы глубже представляли себе, что произойдет, если мы не остановим заговорщиков? — предложил я.

— Хочу, — Григорий Васильевич нахмурился, — можешь даже не очень коротко. Главное, суть ухватить.

— Сейчас в Научно-исследовательском экономическом институте при Госплане СССР работает группа научных сотрудников и экономистов. Совместно с «молодыми реформаторами» из ВНИИСИ, подготавливаемых в МИПСА, создается и продумывается программа по переходу из социализма к сырьевому капитализму. Основные цели программы: перераспределить собственность в свою пользу, превратить её из общенародной в частную, и сосредоточить все стратегические ресурсы в руках новоявленных капиталистов — нескольких кланов.

От республик планируют избавиться, чтобы не делиться прибылью с местными элитами. Переход к капитализму будет проходить в несколько этапов. Сначала частным лицам разрешат открывать кооперативы — предприятия, занимающиеся торговлей, производством, оказывающие самые разнообразные услуги. Будет разрешено бесконтрольно распоряжаться прибылью, заниматься спекуляцией, делая состояния из воздуха, на банальной перепродаже товаров с космической наценкой. Второй момент программы — разрешение кооперации с государственными предприятиями. Им даже дадут возможность платить по безналичному расчёту частникам. ОБХСС и другим органам правопорядка будет спущено неофициальное указание, «не мешать» новоявленным «коммерсантам», и они самоустранятся от контроля, так называемого, «частного сектора экономики». Более того, некоторые высокопоставленные партаппаратчики, сотрудники КГБ и ОБХСС сами с удовольствием впишутся в схемы, и будут участвовать в накоплении первоначального капитала, через своих жен, близких родственников и друзей. Так будет заложена основа всеобщей коррупции в правоохранительных органах, спецслужбах и властных структурах. За рубеж будет продаваться всё, от редкоземельных металлов, до списанной по актам, но, по сути, новой военной техники — тягачей, грузовиков и многого другого. На Запад будет реализовываться всё по демпинговым, то есть достаточно низким ценам, лишь бы кругленькую сумму в долларах получить. Появятся бандиты, которые будут доить коммерсантов на деньги и «оказывать им охранные услуги». Костяк новых многочисленных преступных группировок составят воры в законе, рецидивисты, спортсмены, занимающиеся борьбой, боксом, качки и многие другие из молодой поросли, учувшей свой шанс «хорошо заработать».

Романов слушал меня, стиснув зубы. На скулах члена Политбюро перекатывались желваки, лицо было красным от едва сдерживаемой злобы.

— И когда будет сформирован класс собственников и обслуживающего его криминала, реформаторы перейдут к следующему этапу — перераспределению собственности. Но для этого им нужно будет опять-таки решить свои задачи. Прежде всего, лишить население сбережений. Цель — не дать простым людям участвовать в процессах приватизации и создать дешёвую рабочую силу, готовую продавать свои мозги и руки за копейки, чтобы выжить. Для этого заморозят сбережения на сберкнижках. А потом два главных реформатора Гайдар и Шохин дадут пресс-конференцию, где будет объявлено о грядущей либерализации цен.

— Что, просто так, возьмут и заморозят? — недоверчиво глянул Романов. — И люди будут молчать?

— Именно. Возьмут и заморозят. И люди будут молчать, — подтвердил я. — Конечно, поворчат и поматюкаются на кухнях. Но на баррикады никто не пойдёт. К концу так называемых «социалистических реформ», это будет уже другое население. Разобщённое, дезориентированное, лишённое лидеров протеста. Реформаторы сделают свою работу на «пять с плюсом». Так вот, возвращаясь к конференции Гайдара и Шохина. Эти, по..., извините, Григорий Васильевич, увлекся, нехорошие люди, объявят на ней о грядущей через пару месяцев либерализации цен. «Продавайте по любой стоимости, государство больше не будет контролировать ценообразование» — это будет главным посылом пресс-конференции. И к концу её централизованной советской торговли уже не будет существовать. Каждый директор магазина услышит реформаторов, и постарается загнать перспективный товар под прилавок, чтобы потом перепродать, накрутив стоимость в 2–3 раза, а то и больше. Различные экономисты пытались воспрепятствовать этому. Они объясняли Гайдару и его «молодым информаторам», что «отпускать» цены в стране с монополизированной экономикой и торговлей, при этом, никак не препятствуя произволу монополий, нельзя. Взрыв цен будет иметь катастрофические последствия для общества. Но «молодые реформаторы» на эти советы наплевали. У них были другие задачи, о которых они предпочитали не распространяться. В частных разговорах они указывали, если вымрет несколько миллионов людей, «не вписавшихся в новые экономические условия», ничего страшного.

— Фашизм какой-то, — буркнул багровый от злости Романов. — Эти, как ты их назвал, реформаторы, хуже Гитлера.

— Согласен, — кивнул я. — Тот хоть сознательно уничтожал чужих, а эти — своих. Предприятия ВПК, которые вы контролируете, тоже провалятся в экономическую бездну. Из-за либерализации цен, государство не будет иметь средств, чтобы оплачивать военные заказы. И реформаторы решили, официально не отказываясь от своих обязательств, просто не исполнять их. Предприятиям перестали платить. А когда директора возмутились и напомнили о подписанных договорах, Гайдар сказал: отказаться задним числом от них невозможно. Поэтому государство просто не будет оплачивать поставляемые ему вооружения. В результате финансирование оборонного заказа было сразу же сокращено на 70 процентов. А оружие, в частности «калашниковы» без номерных знаков, начало всплывать в различных войнах и горячих точках, возникших к тому времени на окраинах бывшего Союза.

И последнее, либерализация цен и всеобщее обнищание, за несколько лет снизило рождаемость вдвое, а смертность значительно повысило. Пожилые люди умирали от голода и стрессов, молодые люди спивались, гробили своё здоровье на каторжных работах, чтобы

их семьи выжили. За десятилетие либеральных реформ государство не досчиталось миллионов граждан, ставших жертвами «шоковой терапии» — программы преобразований, провозглашенной Гайдаром и его единомышленниками. И это не считая тех, кто погиб от разгула криминала, став жертвами бандитов и их разборок, а также в различных войнах и территориальных конфликтах, вспыхнувших на Кавказе и других регионах бывшего Советского Союза.

А вы, Григорий Васильевич, будете сидеть на пенсии, видеть это всё своими глазами и переживать об упущенных возможностях. Потому что, если бы решились дать бой заговорщикам, спасли бы страну и смогли сделать её лучше, сильнее и счастливее. Это я вам, как просили, обрисовал только малую часть того, что произойдет, если вы безропотно откажетесь от борьбы и уйдете на пенсию. Так все и будет, запомните мои слова.

— Ладно, — Романов пристально глянул на меня. — Сейчас я закончу с Петром Ивановичем, а ты пока подожди меня в кабинете. Я распоряжусь, Игорь выдаст тебе ручку и бумагу. Напишешь мне список этих реформаторов. И тех, кто распространяет нехорошие слухи о разбитом царском сервизе.

— Сделаю, — кивнул я. — И не только это. У меня ещё список рекомендованных реформ в промышленности подготовлен. Мы их с Петром Ивановичем и покойным генерал-лейтенантом Константином Николаевичем Шелестовым вместе составляли, используя мои необычные возможности.

— Хорошо, — усмехнулся Романов. — Ты прямо мастер на все руки. И жнец, и швец, и на дуде игрец. Передашь мне ваши рекомендации, вместе со списками, почитаю. А сейчас пойдём, поищем Петра Ивановича. Он где-то недалеко должен быть. Я с ним ещё предметно пообщаться хочу.

2-6 января 1979 года

После разборки с комитетчиками, я, выполняя приказ Петра Ивановича, пока все были заняты пленными и ранеными, перешел дорогу и спрятался среди заснеженных кустов. Через три минуты ко мне присоединился Сергей Иванович. Ещё через минуту бойцы отогнали машины комитетчиков на обочину и попрыгали в грузовик. Затем «волга» Иващутина, сопровождаемая шишигой и БМП, тронулась. Спустя секунду-другую машины и бронетехника превратились в черные точки и растаяли вдали.

Почти сразу же нас подобрали Василий и Алла на «ниве», и я отогревался в салоне машины, вспоминая в деталях встречу с Романовым. Разговор получился насыщенным и продуктивным. После меня Григорий Васильевич ещё около часа общался с Иващутиним. Потом позвали меня. Романов посмотрел списки, многообещающе хмыкнул, когда я добавил, что особенно активно распространяла слухи о разбитом сервисе некая Людмила Дьяченко, работавшая старшим преподавателем в Ленинградской Высшей Партийной школе. Она рассказывала «по секрету» друзьям и многочисленным знакомым, как «лично была на свадьбе» и видела всё «своими глазами». После этого Романов так многозначительно посмотрел на Иващутина, вызвав у начальника ГРУ кривую ухмылку и согласный кивок, что я невольно пожалел эту врунишку.

Романов взялся поговорить с Гришиным и договориться со Щелоковым о встрече с Иващутиним. Начальник ГРУ пообещал помимо видеозаписи предоставить и другие материалы: документы, разработанные в МИПСА и ВНИИСИ о крахе СССР стратегических преобразованиях на основе «шоковой терапии», записанные разговоры «молодых реформаторов», обсуждающих будущей крах СССР и особенности построения капитализма в одной отдельно взятой социалистической стране и ещё много иных интересных доказательств. Эти документы он предварительно покажет Романову и Щелокову. Потом, когда Петр Иванович закончит расследования, все доказательства будут продемонстрированы членам Политбюро на тайной встрече, которую брался организовать Григорий Васильевич. В то же время Иващутин отдельно пообщается с маршалом Огарковым и министром обороны Устиновым. И только после этого, можно всем вместе идти к Брежневу, получать от него «добро» и начинать зачищать заговорщиков.

Иващутин и Романов обговорили ещё кучу мелких деталей и варианты подстраховки, не особо стесняясь меня. После нескольких часов тяжелых переговоров и согласований, мы все были вымотаны. Григорий Васильевич лично проводил нас до машины. Когда мы с ним прощались, я заметил, что Артём с кем-то несколько минут разговаривал по «Алтаю». Как потом оказалось, выполнял поручение Иващутина и давал Сергею Ивановичу и бойцам ГРУ последние инструкции.

«Кстати, там о полковнике хоть позаботятся? Если умрет, много вони будет», — возникла неожиданная мысль, и я спросил у капитана:

— Сергей Иванович, а если этот комитетчик загнется? Андропов пока еще в силе, может всю ситуацию перевернуть или нас крайними сделать.

— Навряд ли, — усмехнулся ГРУшник. — Товарищ генерал лично перезвонил в часть. Там уже военных хирургов из ближайшего госпиталя срочно вызывают. А Соломатин так проинструктирован, что его бойцы начнут стрелять в любого, кто попробует, даже не отобрать пленных, а приблизиться слишком близко. Петр Иванович дал ему однозначный

приказ доставить их в часть, охранять и никого не подпускать, предупредил, что эти кадры совершили нападение на начальника ГРУ, и капитан теперь за них головой и погонями отвечает, поскольку дело государственной важности. Только Устинов и Огарков смогут что-то сделать. Всех остальных капитан будет зубами рвать при малейшем подозрении на попытку вызволить этих засранцев.

А потом Петр Иванович своих специалистов для допросов вызовет и сам в них поучаствует. Все будет хорошо, не переживай.

— Да я особо не переживаю. Так и думаю. Расколют комитетчиков. Только кроме полковника никто из них ничего не знает, скорее всего. Простые исполнители.

— Посмотрим, — улыбнулся краями губ Сергей Иванович.

— Кстати, товарищ капитан, хотел у вас один вопрос уточнить, — я замолк, вопросительно глядя на офицера.

— Спрашивай, — разрешил ГРУшник.

— Откуда на бойцах бронежилеты? Их же сейчас массово не выпускают? Сделали в конце пятидесятых около полутора тысячи штук моделей 6Б1 и отправили на склады. Лишь в случае войны планировались поставки в войска.

— Можно сказать благодаря тебе, — ухмыльнулся капитан. — Рассказы об Афганистане так впечатлили Петра Ивановича и твоего деда, что они сумели заинтересовать Ахромеева, а затем продвинуть вопрос в Генштабе. Убедили Огаркова, а потом уже все вместе Устинова, начать разработку улучшенных моделей, а затем серийное производство бронежилетов. Потому что, в случае какого-либо конфликта, каждый день без такой защиты — погубленные жизни бойцов. А ведь сразу ими пользоваться на полную катушку не получится. Надо притереться, научиться надевать, посмотреть, насколько комфортно в них будет бойцам.

Поэтому договорились раскидать имеющиеся модели по частям, и оснастить ими в первую очередь подразделения ГРУ, выполняющих задачи специального назначения. Командирам была поставлена задача, прогнать бойцов в бронежилетах, поработать с ними как следует, посмотреть, насколько они практичны и эффективны в полевых условиях. А заодно в ускоренном темпе приучить подразделения пользоваться такой защитой, и протестировать её и спецназовцев в разных ситуациях. Так что, они уже почти месяц с такой экипировкой кроссы бегают и боевые задачи отрабатывают.

— Это хорошо, — обрадовался я. — Если даже десятки жизней наших парней они спасут, будет здорово.

— Согласен, — одобрительно кивнул Сергей Иванович. — Иногда приходится жертвовать людьми. Служба у нас такая. Я сам бывал в подобных ситуациях. Один раз мы с кубинцами схлестнулись с южноафриканскими командос. Тогда выполняя приказ, мы прикрывали отход... Неважно кого. Думал, всё кирдык мне и ребятам пришел. Обошлось. Но...

Капитан на секунду замолк.

— Знаешь, я помню каждого нашего парня, погибшего в Анголе и Вьетнаме. Все ребята мне до сих пор снятся. А самое страшное, даже не то, когда пули над головой свистят, и снаряды рядом рвутся. Я наверно кощунство скажу, но... И к трупам с распотрошенными телами, без ног, рук и голов со временем привыкаешь. Сначала блевать тянет, руки ходуном ходят, плохо очень, а потом оцепенение какое-то наступает. Как будто это где-то там далеко происходит, не с тобой рядом. Так вот. Самое страшное, это когда приезжаешь к родителям

погибшего офицера, приносишь деньги, документы, вещи сына, и смотришь им в глаза. Они стоят старенькие, морщинистые, замершие в своем горе. Качаются, поддерживают друг друга. Ты им что-то говоришь, но старики уже ничего не слышат. А на лицах такая боль, такое страдание, что у тебя душу рвет на части, хочется сквозь землю провалиться. Понимаешь, что это война, что ни в чем не виноват, парень сам выбрал профессию, и ты ничего поделать не мог, но чувствуешь себя....

Сергей Иванович шумно выдохнул и продолжил:

— Провалиться сквозь землю хочется. И думаешь: «Господи, за что? Лучше бы я погиб вместо него, чем стоять вот так перед стариками и видеть всё это»....

Я промолчал. В горле опять образовался огромный тяжелый ком. Дышать стало невыносимо трудно. Перед глазами встали лица погибших в Афгане парней: Саша Клименко, Паша Мороз, Ержан Баймуратов, Гоша Чиковани, Азиз Ахметов, Витя Коломийцев...

Что я мог сказать капитану? Только сочувственно промолчать, вспоминая своих парней. И мысленно пообещать себе, что сделаю всё возможное, чтобы в этот раз сохранить им жизни.

— Такие дела, — пробормотал капитан, глядя куда-то вдаль затуманенными глазами. Вася управлял машиной, всматриваясь в ночную мглу. Алла молчала, покраснев и стиснув челюсти. Видимо, исповедь начальника тоже пробудила у оперативницы неприятные воспоминания.

Минут двадцать мы молчали, наблюдая за пролетающими мимо машинами, деревьями и домами. Я задумался, прикидывая варианты борьбы с Андроповым. Очередное озарение яркой вспышкой сверкнуло в сознании.

Я встрепенулся, глянул на нахмуренного, задумчивого капитана, и сказал:

— Сергей Иванович, мне тут в голову ещё кое-что пришло насчёт Андропова.

— Что? — вздохнул ГРУшник, выплывая из тумана грустных воспоминаний.

— Есть перспективное направление работы. У Андропова имеется первая жена — Нина Ивановна Енгальчева — дочь заведующего череповецким отделением Сбербанка. Он женился на ней в 1935 году. А уже в 1940 году встретил новую пассию Татьяну Лебедеву, ставшую его второй женой. Первую семью с детьми Андропов подло бросил. Даже во время войны Нина писала возмущенные письма в партийные органы, что Юрий не помогает детям, они ходят в рваной обуви и голодают. И только после возмущенной реакции коллег по партии, Андропов начал поддерживать первую семью материально. От брака с Ниной у председателя КГБ родилось двое детей. Дочь — Евгения и сын — Владимир, который имел две судимости за кражи. Интересно, что с подобным багажом, партийная карьера Андропова не должна была развиваться. А в КГБ вообще не принимали людей с такими родственниками. Но Юрий Владимирович умудрился обойти эти запреты. Летом 1975 года его сын скончался в возрасте 35 лет, и Андропов даже не приехал на его похороны. К чему это рассказываю? Первая жена очень зла на мужа из-за его бесчеловечного отношения к семье и детям. И может рассказать немало интересного о Юрии Владимировиче. Её удерживает только страх за дочь. И сам Андропов, начинает трястись и белеть, когда его спрашивают о первой семье. Видимо, ему есть чего бояться. Нужно чтобы опытные опера покопали в этом направлении. И здесь есть два варианта. Либо обратиться за помощью к Щелокову, чтобы выделил лучших людей. Но этот вариант чреват утечкой информации. Либо задействовать уже знакомого нам Ставропольского оперативника — Виктора

Кузьмича Проценко, с которым мы работали по Горбачеву и брали теневика. Там ещё вор в законе под замес попал. Я знаю, что вы, Сергей Иванович, поддерживаете с ним отношения. Проценко должен справиться.

Уверен, если грамотно построить диалог и дать понять женщине, что дни Андропова сочтены, а её показания помогут добиться справедливости, мы узнаем немало интересного.

— Хорошо, — задумчиво кивнул капитан. — Попробуем. Я доложу Петру Ивановичу о твоём предложении. Думаю, он не будет против.

Ночная трасса сменилась знакомыми очертаниями домов. Мы подъезжали к Авдеевке.

— Через пять минут будем уже на месте, — бодро заявил Василий, поворачивая на небольшую утоптанную дорогу у заснеженного холма.

— Замечательно. Высадим Алексея, и в Москву, через пару дней нам в Германию вылетать. Кстати, Леша готовится, будешь сыном бизнесмена из туманного Альбиона. Завтра ближе к вечеру Алла вместе с Васей к тебе заедут. Товарищ капитан тебя по английскому погоняет, чтобы оценить уровень знаний и произношение.

— Без проблем, — пожал я плечами. — Пусть оценивает.

Тем временем мы уже заехали в Терехово. В ночной тьме, безжизненные черные силуэты домов, окутанные зловещей тишиной, смотрелись жутковато. Не лаяли собаки, не доносилось ни одного шороха. Только зловещей, тревожной музыки не хватало для полной ассоциации с голливудским фильмом ужасов. Наконец в свете фар появились очертания знакомого забора. Машина притормозила у калитки. Первым из машины выскочил Сергей Иванович. Я — за ним. Капитан осторожно подергал калитку, постучал по деревянным планкам забора. Внутри клацнул замок, дверь дома распахнулась и на пороге появилась знакомая темная фигура в ватнике. Иван Дмитриевич, не торопясь, вышел к нам. Лязгнул железный засов и большие ворота начали отворяться.

Хозяин запустил машину во двор, мазнул по мне взглядом, кивнул. Обменялся рукопожатием с капитаном.

— Как всё прошло, нормально? — спросил он у Сергея Ивановича.

— Более чем, — улыбнулся капитан. — Все идёт согласно плану, без лишнего шума и пыли.

— В дом пойдете? — уточнил хозяин. — Я сейчас самовар запущу, чайку с пряниками попьём.

— С удовольствием, Иван Дмитриевич, — ответил ГРУшник. — Только ненадолго. Нам в Москву надо.

— Как скажете, Сергей Иванович.

6 января 1979 года. Гамбург

«Боинг» мягко приземлился на взлетную полосу, и покатился по асфальту, замедляя вход. Когда самолет остановился, людская масса, сидящая на креслах, зашевелилась. Защелкали ремни безопасности. Пассажиры вставали, натягивали на себя шубы, пальто и куртки, снимали чемоданы и сумки с багажного отделения сверху, и нетерпеливо толпились в проходе. Кого тут только не было. Впереди от нас стоял почтенный бюргер, похожий на гигантский пельмень в сером пальто, обтягивающем его шарообразную фигуру, весело переговаривалась парочка негров с прическами напоминающими вороньи гнезда, каким-то чудом оказавшимся на их головах, дальше стояла смазливый мулаточка, задорно встряхивающая африканскими косичками, торчащими во все стороны из-под разноцветной

вязаной шапочки, степенная индуска в широкополом пальто, больше напоминающем просторную арабскую галабею^[2], чопорный и сухопарый джентльмен с таким высокомерным лицом, как будто все окружающие должны ему огромные суммы денег.

— Артур, минуточку подождем, — обратился ко мне сидевший рядом Сергей Иванович. — А потом спокойно выйдем, когда проход опустеет.

— Ок, дадди, — кивнул я, глянул на капитана и с трудом удержался от улыбки. Длинные седые бакенбарды, клубящиеся на скулах, кокетливый венчик усов в сочетании с надменным выражением лица, агрессивно выдвинутой нижней челюстью, делали Сергея Ивановича неузнаваемым. Мой новый «папаша», по легенде английский коммерсант Уолтер Барлоу. Одет «бизнесмен» в длинное клетчатое пальто из дорогой шерсти, серые брюки со стальным отливом, такую же клетчатую кепку с твердым козырьком и кожаные ботинки «Анелло энд Дэвид» с замшевыми вставками. Вылитый буржуин из старых аристократических семей Англии.

Алла, она же миссис Барлоу, просидевшая весь рейс рядом с «мужем», с каменным лицом, нетерпеливо поерзала попкой по сиденью.

Оперативница уже надела норковую шубку и кокетливую небольшую шапочку из этого меха. Подчёркнутые яркой красной помадой пухлые губы, золотистые локоны, спадающие волной из-под шапочки, подкрашенные черные ресницы и небесно-синие глаза — вылитая голливудская блондинка эпохи 50–70 годов. Алла была похожа на молодую Мамми Ван Дорен или Эльке Зоммер, блиставших на экранах американских кинотеатров в эти годы. И при этом держалась естественно и одновременно величественно, как настоящая леди.

Мой «братишка» Вася в клубной темно-синей куртке и таких же брюках выглядел типичным отпрыском богатого коммерсанта. Идеально перевоплотился в Виктора Барлоу, сына от первого брака. Сидел сзади, болтал с нами, демонстрируя лондонский акцент, глазел в иллюминатор. Вел себя непосредственно, как и полагается обеспеченному мажору. Даже попытался клеить соседку — ту самую милую мулаточку с африканскими косичками, за что заработал строгий взгляд мачехи, а потом получил холодное замечание отца «не приставать к этой... девушке». Впрочем, мулаточка была не против общения с Васей, и после холодного требования отца заметно погрустнела...

Вася поймал мой взгляд, и незаметно ободряюще подмигнул. Тем временем проход уже освободился. Последние пассажиры тонкой струйкой покидали салон, стекаясь к выходу. Тащить парочку чемоданов и сумки с вещами пришлось нам с братом, мистер и миссис Барлоу такой ерундой не утруждались, важно шествуя впереди. «Папаша» держал в руках небольшой черный портфель, у мамыши — небольшая дамская сумочка из крокодиловой кожи.

На выходе из самолета сверкала белоснежной улыбкой стюардесса в темно-синей форме «Люфтганзы».

— Спасибо, леди, у вас было очень мило, — любезно отвесил дежурный комплимент «папаша».

— Да, сервис на высоте, — высокомерно, и чуть холоднее подтвердила «мамаша». Взгляд, которым «супруг» окинул стройную изящную фигурку стюардессы, её явно разозлил.

— Благодарю вас, господа, — на безупречном английском ответила девушка, «не заметив» предвзятого отношения «дамы». — Рада, что вам понравилось. Спасибо, что пользуетесь услугами нашей компании.

Гамбург встретил нас холодным ветром и крохотными снежинками, сразу же тающими

на одежде. В здании аэропорта усталый пограничник за стеклянной перегородкой просмотрел документы, задал родителям пару вопросов, и буркнул «добро пожаловать в Гамбург, можете проходить». После прохождения всех формальностей мы вышли из аэропорта. Рядом стояло несколько такси. Сергей Иванович перекинулся парой слов со смуглым и чернявым таксистом. Сорокалетний полный мужчина, напоминающий то ли цыгана, то ли итальянца, отлично владел английским языком, и сразу же согласился отвезти нас в отель. Капитан дал команду загрузить сумки и чемоданы в багажник, а сам вместе с «супругой» уселся в машину.

Когда мы все заняли места в сером «опеле аскона», таксист повернулся к разведчику.

— Куда едем? — спросил он, оживленно сверкая хитрыми черными глазками.

— В Атлантик отель, — ответил «папаша». — И не вздумай круги нарезать, я дорогу знаю.

Глаза таксиста потускнели, лицо разочарованно вытянулось.

— Мистер, никто и не думал вас обманывать, — расстроено пробормотал он, повернулся к рулю и дернул ключ в замке зажигания. Мотор ожил, радостно заурчал, и машина плавно тронулась с места.

6 января 1979 года

Гамбург-Шахты (продолжение)

Гранд-отель Атлантик выглядел величественно и одновременно строго. Помпезное белоснежное здание с огромными прямоугольными окнами смотрелось как средневековый дворец французских монархов или замок богатого аристократа. Оно заняло почти всю улицу, протянувшись на добрую сотню метров. Большие буквы «Atlantic» на зеленой припорошенной снегом крыше были видны издалека. У центрального входа гордо реяли на морозном ветру разноцветные флаги различных государств. С другой стороны от дороги виднелась замерзшая полоса реки.

Алла сидела спокойно, а мы с Васей с любопытством вертелись на сиденьях, разглядывая отель и окружающую обстановку.

— Этот отель, парни, — снисходительно пояснил Сергей Иванович, заметив, наш интерес, — был построен ещё в 1909 году для богатых пассажиров круизных лайнеров. Здесь в разное время снимали номера миллионеры, известные музыканты, голливудские звезды, политики и даже потомственные аристократы, члены монархических семей Европы и Азии. Гордитесь, вы будете жить в одной из лучших германских гостиниц, где творилась история, заключались миллионные сделки и отдыхали легендарные личности.

— Уже наполняюсь гордостью, — проворчал «старший брат», изображая избалованного мажора. — Ты так об этом рассказываешь, что у меня сложилось впечатление, что мы приехали в какой-то музей. Если ещё добавишь, что номера ни разу не ремонтировались, чтобы сохранить дух эпохи, а портье помнит ещё Людовика 17-ого, я вообще сейчас блевану, и сметаюсь из этого старушечьего царства, пропахнувшего нафталином.

— Ты плохо учил историю, Виктор, — обворожительно улыбнулась «мамаша». — Людовик 17-ый жил за сто с лишним лет до открытия этого отеля, по Германиям не ездил, сидел в заключении, и умер в возрасте десяти лет. Пожалуй, нужно нанять тебе репетитора по истории. Не хочется, чтобы своим невежеством, ты позорил фамилию Барлоу перед нашими друзьями и партнерам.

— Я пошутил просто, — пробурчал покрасневший Вася.

— Господа, мы уже приехали, — объявил таксист. — Рассчитайтесь, пожалуйста.

Сергей Иванович бросил короткий взгляд на счётчик, на котором показывалась цифра шесть марок с пфеннигами, недоверчиво хмыкнул, но промолчал. Затем вальяжно достал бумажник из кармана пиджака, покопался в нем и протянул ему сиреневую десятку.

— Сдачи не надо, — выдавил он с кислым видом.

— Спасибо, мистер, — обрадовался таксист и засуетился. — Давайте я вам помогу вещи выгрузить.

Мы начали вытаскивать из багажника чемоданы, и перед нами чудесным образом материализовался молодой человек в круглой шапочке, двубортной курточке на меху с позолоченными пуговицами и небольшой тележкой в руках.

Он что-то спросил на немецком у капитана, тот ответил, молодой человек отработанным движением подхватил чемоданы и сумки, погрузил их на тележку, и покатиł её ко входу в отель.

— Это беллбой, — тихо пояснил Василий, заметив мой удивленный взгляд, — специальный сотрудник отеля, помогающий постояльцам довести багаж до стойки с

администратором, а потом и в номер.

— Понятно, — кивнул я. В прошлой жизни до тридцати с лишним лет дожил, а о таком даже не подозревал. Видел пару голливудских фильмов, когда швейцары в ярких ливреях тащили вещи постояльцев от ресепшна до номера, но о том, что отель специально нанимает носильщиков, не знал.

— Такое только в дорогих гостиницах, рассчитанных на богатых клиентов, встречается, — добавил «старший брат», как будто угадав мои мысли.

Мы подошли к большой и широкой стойке из коричневого дерева, где нас встретила эффектная девушка в деловом костюме с роскошной каштановой гривой и ослепительной улыбкой. Она была немного похожа на Аню, и я чуть загрустил, вспомнив подругу.

«Надеюсь, у неё всё в порядке, а мой сон оказался просто сном, а не предостережением».

Тем временем «папаша» получил ключик от номера люкс на третьем этаже и беллбой снова подхватил чемоданы. Лифт оказался просторным и стильным. Консервативный коричневый дуб соседствовал с огромными, сияющими в цвете ламп зеркалами. На полу темная паркетная доска. Мы неторопливо доехали до третьего этажа, и через минуту уже были в номере. Беллбой выгрузил наши вещи, и задержался, многозначительно глянув на «папашу». Мистер Барлоу опять раскрыл свой бумажник. Секунд тридцать копался в нём, выбирая купюру поменьше. Наконец двумя пальцами выудил розовую бумажку с надписью «цвей дойч марк» и с таким лицом, как будто делал большое одолжение, протянул её беллбою.

Служащий отеля едва заметно поморщился, но бумажку взял. А затем с гордо выпрямленной спиной, выражая всем своим видом возмущение, покинул номер, толкая перед собой тележку. Я ожидал громкий хлопок дверью, но её аккуратно прикрыли. Персонал оказался вышколенным и до такого выражения недовольства не опустился.

— Значит так, семья, — «папаша» озабоченно глянул на золотой циферблат «Ролекса», — Распаковывайте вещи, отдыхайте. Я сейчас закажу такси, и уеду на деловую встречу. Буду часа через два-три. Можете посидеть в номере и посмотреть телевизор, пообедать в ресторане отеля или пройтись по городу. Энн, никуда не отпускай мальчиков одних. Ты должна быть с ними постоянно.

— Я поняла, — улыбнулась «мамаша». — Не волнуйся, Уолтер, не отпущу.

— Отлично, — сухо кивнул «папаша». — До шести вы свободны. В восемнадцать ноль-ноль быть в номере. Обсудим, как будем проводить время в Гамбурге.

— Слушаюсь, сэр, — Василий, уже скинувший куртку, вытянулся в струнку, отдал честь и упал спиной на мягкую перину. — Выполним ваш приказ в точности, как в армии Её Величества.

— Виктор, свинья такая, — рассвирепела «мамаша», — быстро встань с кровати. Ты даже не разделся толком, а уже валяешься на чистом одеяле. Бери пример с Артура. Он младше тебя, но судя по манерам, намного старше.

— Простите, мамми, — Вася вскочил и скорчил покаянную рожицу. — Готов искупить свою вину и некоторое время побыть вашим пажом. Где-то здесь должен быть бар. Налить вам бренди, королева? Оно поможет вам расслабиться и забыть о моем досадном проступке. Скажите мне да, и я сразу же займусь его поисками.

— Ты не исправим, — фыркнула миссис Барлоу. — Как был шутком, так и остался.

— Ладно, вы тут устраивайтесь, а мне уже пора, — капитан ещё раз глянул на часы, и

вышел из номера.

6 января. 1979 года. Город Шахты. Межевой переулок. Дом 26

— Дяденька, вы обещали жвачку дать. Импортную, — девятилетняя девочка, в запорошенном снегом сером пальто и вязаной шапочке вопросительно глянула на худощавого мужчину лет сорока с лишним, похожего на школьного учителя.

— Да, да, конечно, — лихорадочно забормотал мужчина, бросая на пол потертый кожаный портфель и закрывая дверь. — Сейчас найду, а ты пока пальтишко скидывай, проходи в комнату, не стой на пороге.

Руки маньяка дрожали от предвкушения, в глазах появился масляный блеск, лицо стало хищным, на губах с капельками слюны играла злобная торжествующая улыбка. Ещё пару секунд назад перед ребенком стоял благообразный пожилой мужчина, а сейчас торжествующе скалилось животное, в котором не было ничего человеческого.

Девочка повесила пальто на крючок вешалки у входа, повернулась, увидела похотливую физиономию маньяка, побледнела и отшатнулась.

— Я... я, наверно, пойду. Не надо никакой жвачки, дяденька, отпустите меня, пожалуйста, — еле слышно попросила она дрожащим голосом.

Куда же ты пойдешь, пигалица? — ухмыльнулся маньяк. — Всё уже. Пришла.

Потная ладонь запечатала рот ребенка, крепкие пальцы обхватили горло, маньяк, хрипло дыша, повалился на девочку, опрокидывая её на дощатый пол.

Девчонка мычала, тщедушное маленькое тельце билось и пыталось вывернуться, но выбраться из-под насевшего сверху сорокалетнего мужика было невозможно.

Чикатило, зажимая одной рукой рот девочки, второй подтянул к себе портфель. Щелкнули замки, и ладонь маньяка, откинув крышку, устремилась вовнутрь. Убийца радостно оскалился, нащупав искомое. Его рука вылезла из портфеля. В тусклом свете лампы блеснуло широкое лезвие кухонного ножа. Ребенок замычал, округлил глаза от ужаса, и неистово забился, пытаясь освободиться от навалившегося нелюдя.

Пушечный удар обрушился на дверь неожиданно. Деревянное полотно треснуло, брызнув щепками у замочной скважины, и с грохотом вlepилось в стену.

Взметнувшаяся рука с ножом замерла. Перетрусивший маньяк инстинктивно сжал голову в плечи. Штаны Чикатило подозрительно намokли в районе ширинки. Он начал разворачиваться, но было поздно. Крепкая рука в черной перчатке, перехватила запястье с ножом, деревянная дубинка тюкнула по макушке серийного убийцы. Чикатило бесформенным кулем повалился на трясущуюся от шока девочку, но неожиданный спаситель резко отбросил его в сторону, не давая упасть на ребенка. Мужчина небрежным движением сапога, отбросил нож, отправив его под тумбочку.

Затем протянул девочке руку, помогая встать. Перепуганный ребенок замотал головой, отполз в сторону, и встал, опираясь на руки.

— Девочка, с тобой всё в порядке? — обеспокоенно спросил мужчина. Мохеровый шарф скрывал нижнюю часть лица, из-под надвинутой на лоб ушанки блестели спокойные, внимательные глаза.

— Д. да, — всхлипнул ребенок. Малышка начинала отходить от шока и в любой момент могла разрыдаться.

— Дяденька, а вы меня отпустите? — запинаясь, уточнила она.

— Конечно, отпущу, — пробасил незнакомец. — Ты далеко живешь? До дома сама-то

добререшься?

— Д... доберусь, — кивнула девочка, всеми силами стараясь не сорваться в истерику. — Здесь недалеко, минут двадцать идти.

— Точно доберешься? — уточнил мужчина, пристально вглядываясь в ребенка.

— Т... точно, — кивнула девочка.

— Как тебя зовут? — мягко спросил незнакомец.

— Т... Таня, — запинаясь ответила малышка.

— Ты хоть поняла Таня, что с незнакомыми дядьками ходить никуда нельзя, чего бы они тебе ни обещали?

— Поняла, — всхлипнул ребенок.

— Тогда бери свое пальтишко и беги домой. А я тут пока, — незнакомец бросил многозначительный взгляд на Чикатило, под которым уже расплывалась темная лужа и поморщился, — дело до конца доведу.

— Хорошо, — выдохнула девочка, справившись с приступом истерики. — И... спасибо вам большое дяденька.

— Не за что, — отмахнулся мужчина. — Беги к мамке с папкой. И больше никогда никуда не ходи с незнакомцами.

— Спасибо, — пискнула девочка, подхватила пальтишко с крючка, натянула его и вылетела из дома. Мужчина вздохнул, прикрыл за ней дверь и развернулся к лежащему без сознания маньяку.

— Пора тебе, гнида, на тот свет. Таким как ты среди людей не место, — процедил он и поднял клубок веревки, выкатившийся из раскрытого портфеля.

6 января 1979 года. Гамбург

Номер люкс мне понравился. Огромные светлые комнаты с высокими потолками. Гостиная с газовым камином и большим телевизором. Мягкая и удобная мебель светлых тонов, подобранная и расставленная так, чтобы не загромождать пространство. Большой балкон, по которому можно было спокойно прогуливаться. Даже кухня была с баром, заставленным всевозможными спиртными напитками — martini, виски, вином, коньяком.

— Здорово, — выдохнул я, когда мы распаковали чемоданы и развесили вещи. — Интересно, сколько стоит такой номер?

— Этот, восемьсот с лишним марок в сутки, — мгновенно ответила оперативница. — Есть апартаменты и гораздо дороже и подешевле.

— Получается, примерно, четыреста пятьдесят долларов, — мгновенно подсчитал «старший братик».

— Где-то так, — подтвердила «мамаша».

— Что сейчас делать будем? — уточнил я. — У нас ещё три часа есть.

— Для начала спустимся вниз и поедим в ресторане, — предложила оперативница.

— У меня другое предложение, — подскочил на кровати Вася. — Давайте погуляем по центру Гамбурга. Никогда здесь не был. Заодно и перекусим в каком-нибудь местном заведении.

— Ладно, — подумав, согласилась Алла. — Но только при одном условии. Слушаемся меня беспрекословно, гуляем вместе, никаких попыток удрать. Особенно это тебя касается, Виктор. В Артуре я уверена, а вот ты можешь что-то выкинуть. Я понимаю, что ты парень взрослый и тебе многое интересно. Но напоминаю, мы находимся в чужой стране, и я за тебя

отвечаю. Мне отец рассказывал, как ему пришлось улаживать скандал в Гонконге, когда тебя чуть не побили за приставания в кафе к местной девчонке. Если дашь слово слушать меня, можем отправиться прямо сейчас.

— Клянусь, майне гелибте мутер^[3], — парень дурашливо приложил руку к груди. — Я не посрамлю честь фамилии Барлоу, и буду во всем слушаться свою замечательную маман, хоть она мне и не родная.

— Договорились, — невозмутимо кивнула Алла, — тогда я вызываю такси.

Через двадцать минут мы уже бродили по Гамбургу. Город произвел на меня впечатление. Мощные булыжниками мостовые, огромные витрины магазинов «Роберт Мьюзикхаус», «Джинс Стейшнс», «Ханс Струве», заполненные модной одеждой, лампами, сувенирами из фарфора, красивыми антикварными часами, оригинальной рекламой с нарисованным дымящимся кофе. Большое впечатление на меня произвели дома. Немцы оказались консерваторами. Их здания смотрелись фундаментальными, строгими и одновременно разнообразными. В центре города не было небоскребов. Большинство домов являлись малоэтажными — выдержанными в готическом стиле с большими прямоугольными окнами. Виднелись несколько соборов с остроконечными шпилями. Имелись и современные офисные здания, но они обычно тоже были невысокими, максимум, семиэтажными. Возможно, где-то стояли многоэтажные дома, но в той части города, где мы гуляли, я их не обнаружил.

Несколько раз у кафе и магазинчиков мы выделили специальные стойки для парковки двухколесного транспорта, с множеством мотоциклов, мотороллеров, велосипедов. И люди были другие. Улыбающиеся, хорошо одетые, никуда особо не спешащие люди. Бары, кафе, закусочные ломились от компаний молодежи и пожилых супружеских пар, пьющих пиво с разнообразной закуской в виде крылышек, свиных ножек, бифштексов и прочих блюд. Мы даже посидели в одной небольшой кафешке. Пиво, конечно же, не заказывали, но жаркое из маринованной говядины и традиционные баварские колбаски мы с Васей уплетали так, что за ушами трещало. Миссис Энн Барлоу даже пришлось прикрикнуть на нас, и напомнить, что мы никуда не торопимся.

Обратно возвращались довольными, сытыми и наполненными впечатлениями. Капитан уже ждал нас в номере. Лицо Сергея Ивановича было напряженным.

Он открыл балконную дверь, и предложил нам полюбоваться живописным видом. Когда мы вышли, капитан тихо сообщил:

— Я встретался со своим агентом. Существует предварительная договоренность о встрече с группой из четырех боевиков РАФ. Сегодня мне её подтвердили. Если кратко. Они разочаровались в революционной борьбе, находятся в розыске и не видят смысла продолжать. Хотят заработать денег и уехать из Германии куда-нибудь подальше. Встреча назначена через сорок минут. На неё поедет я и Алексей. Алла и Василий, вместе с моим агентом нас страхуют. Вы выходите из отеля, поворачиваете налево. Идёте по направлению к площади Штайнторплатц. Там расположен музей прикладных искусств и ремёсел. Увидите его сразу, большое здание почти на середине площади, к нему ведет отдельная дорожка. Недалеко от него будет стоять синий «фольксваген-гольф». Там будет сидеть лысеющий мужчина лет 35-ти в темно-серой куртке. Его зовут Гельмут. Пароль: «Здравствуйте, это вы привезли гостинец от дядюшки Отто?» Ответ: «Да, старый хрыч попросил передать вам небольшую баночку домашнего мёда». Именно такими словами. Если пароль хоть частично будет другим, быстро уходите. И ещё, говорить его должна Алла. На время поездки Гельмут

обеспечит вас оружием и документами. Вопросы есть?

— Сколько нам придется идти до этого музея? — поинтересовался Василий.

— Он где-то в метрах семистах-восьмистах от отеля находится. За пять-семь минут быстрым шагом дойдете. Можете отправляться минут через пятнадцать. Гельмут уже должен быть на месте. Он знает, куда нас подвезут. Есть у нас ещё одна подстраховка, но пока я вам об этом рассказывать не буду. Никаких проблем быть вроде не должно, но есть один нюанс. Члены группы находятся на взводе, поскольку подозревают, что по следам идут ищейки из БКА^[4]. Поэтому вероятность эксцессов не исключена. В любом случае, Алексей, — капитан обратился ко мне. — сохраняем спокойствие и действуем по обстоятельствам. На случай неожиданного развития событий у нас будет подстраховка.

— Понял, — кивнул я.

— Тогда мы с тобой выходим, — капитан кинул взгляд на часы. — через двадцать минут. Нас будет ждать машина недалеко отсюда.

— Как скажете, Сергей Иванович.

— Да, кстати, я тебе тут кое-что принёс на всякий случай, пойдём в номер.

Когда мы зашли в номер, капитан быстро засунул руку в карман пальто и сунул в мою ладонь маленький сверкающий сталью «дерринджер» с рукояткой из полированного дерева.

— Спасибо. А вы? — снова перешел на английский я.

— За меня не волнуйся, Артур. У меня денег, — многозначительно подчеркнул Сергей Иванович, — хватит.

Улица встретила нас холодным пронизывающим ветром и редкими снежинками, сразу же превращавшимися в крошечные капельки воды на одежде. Мы прошли метров двести, затем капитан увидел стоящий на обочине у реки небольшой двухдверный седан БМВ, и решительно направился к нему. Я поспешил следом. Сергей Иванович открыл дверцу и спросил:

— Герр Вебер? Я от Ганса Келера.

— Очень рад, — пробурчал квадратный мужик лет 30-ти с курчавыми черными волосами, выбивавшимися из-под кепки: — Я вас уже минут пять жду. Садитесь.

Он наклонил вперед спинку сиденья. Капитан посторонился, давая мне возможность устроиться сзади, а потом сам сел рядом с водителем. Карл Вебер, как представился мужчина, оказался молчаливым и хмурым. Попытки его разговорить, ни к чему не привели. Оставалось только сидеть и ждать, куда же он нас завезет. Мы выехали за город, и улицы Гамбурга сменились мелькающими деревьями и полями. Через сорок минут водитель свернул на небольшую дорожку, проехал деревеньку с аккуратными домиками и повернул к двухэтажному коттеджу, стоявшему в отдалении, у водоема. Притормозил у высокого забора, посигналил и через десяток секунд ворота гостеприимно распахнулись. Машина заехала, и высокая светловолосая девчонка в красной куртке, аккуратно закрыла ворота.

— Привет, Карл, гостей привез? — спросила она, с любопытством наблюдая, как мы выбираемся из машины.

— Привет, Эльза, — ухмыльнулся здоровяк. Теперь он не выглядел хмурым, а, наоборот, вполне жизнерадостным и дружелюбным.

— Конечно, привез. Куда я денусь?

— Вот и хорошо, — улыбнулась девушка, приветливо кивнула нам и обратилась к кучерявому. — Карл, покажи им дорогу. Я сейчас тоже подойду.

— Ладно, — согласился кучерявый, и легко взбежал по ступенькам крыльца. — Идите

за мной.

Мы поднялись по широкой деревянной лестнице, Карл распахнул дверь, и жестом пригласил нас войти.

— Прошу.

Я шагнул за Сергеем Ивановичем и остановился. Посередине комнаты стоял высокий бородатый мужчина. Пистолеты в его руках были оснащены черными трубками глушителей и смотрели прямо в наши лица.

— Руки подняли! Быстро!

6 января 1979 года

Германия (Продолжение)

— Не понял, в чём дело? — хладнокровно поинтересовался Сергей Иванович, поднимая руки. — Мы, вообще-то, на переговоры приехали.

«Черт, похоже, в дерьмо попали. Интересно, это полиция или БНД?», — я похолодел, и начал незаметно смещаться за спиной капитана. Рука поползла к карману брюк, где лежал выданный капитаном дерринджер.

— Тебе что, отдельная команда нужна? — раздался насмешливый голос сзади. В спину воткнулось что-то тяжелое и металлическое. Я медленно повернул голову. Сзади скалился кучерявый Карл. В руке водитель держал пистолет, упирающийся дулом мне в правую почку.

Пришлось поднимать руки. Карл профессионально охлопал меня ладонями, вытащил дерринджер, и удовлетворенно хмыкнул. Затем общмонал капитана и забрал у него странный пистолет — компактный, тоже с двумя вертикальными стволами, но гораздо толще и не с такими изящными формами^[5]. Стволы курчавый распахал по карманам и снова стал сзади меня, уперев ствол в спину.

— Так в чем проблемы? — повторил Сергей Иванович.

— В том, что вы не те, за кого себя выдаете, — на чистом английском ответил бородатый. За его спиной виднелось огромное окно, и стеклянная дверь, выходящая на большую веранду. Мускулистый торс с широченными плечами в черном гольфе эффектно подсвечивался теплым желтым светом люстры. Прищуренные глаза смотрели внимательно и холодно.

— Обычные полицейские ищейки или уже для нашей поимки федералов из девятой пограничной группы^[6] подключили? — продолжил он. — А может вы — псы из ЦРУ? После семьдесят второго года, когда мы взорвали несколько американских баз, янки тоже идут по нашему следу.

— Вы ошибаетесь, — хладнокровно ответил капитан. — Мы действительно из СССР, и заинтересованы в сотрудничестве с вами.

— Да? — лицо бородатого скривилось в горькой усмешке. — Допустим на секунду, что это правда. Тогда почему я должен вам доверять? Вы предали нас. Пока мы выступали против террора власти, сражались с нацистами и американцами на нашей земле, ваши вожди делали вид, что нас не существует. Хотели казаться уважаемыми лидерами в глазах Запада, готовыми к сотрудничеству политиками.

Мужчина сделал секундную паузу и продолжил, презрительно выплёвывая каждое слово:

— Где вы были, когда нацистские псы два года назад убивали Ульрику, Баадера, Гудрун? Без суда и следствия, расстреливали в камерах, вешали на кабеле, резали ножами? Вы предпочли этого не заметить. Думаете, что стали рукопожатными? Ошибаетесь. Я вам один секрет открою. Никогда вас не будут дружелюбно воспринимать на Западе. И считать равными себе. Вы можете сдать хоть миллионы своих единомышленников на всех континентах. Если наци и западные буржуа будут уверены, что им сойдет с рук, они также как наших лидеров уничтожат вас. Скинут ядерную бомбу, удавят в постели, организуют теракт, отравят или расстреляют из сотни стволов. Демократия, этические нормы морали,

пропагандируемые «человеческие» ценности — обманка для нищebroдов. Сильные мира сего руководствуются лишь практической целесообразностью. Они спокойно сравнивают с землей детский дом, приют для бездомных, убьют миллионы стариков и больных, если это позволит продвинуться к достижению глобальных целей — получению новых рынков, миллиардным прибылям и абсолютной власти. Они наймут настоящих террористов, утопят целые страны в крови. Их не остановит ничто. А вы и дальше играйте в благородных и высокоморальных, «не замечая» преступлений, творящихся под носом, и страшась вести с этими демонами в человеческом обличье настоящую борьбу. Только потом не удивляйтесь, что окажетесь побежденными, и на ваши могилы будут плевать все последующие поколения.

— Простите, как вас зовут? — вежливо поинтересовался капитан, когда бородатый на секунду замолк.

— Отто, — буркнул бородатый.

— Коллега Отто^[7], я полностью разделяю ваши взгляды, — спокойно ответил Сергей Иванович. — И мы здесь потому, что желаем радикально поменять методы борьбы с предателями и Западом. Хотим задействовать вас в этих операциях. Готовы хорошо заплатить.

— Зачем это Советам? — ухмыльнулся Отто. — Нанимать кого-то со стороны, да ещё и платить немалые деньги? У вас своих специалистов хватает. Или вы хотите нас использовать, а потом в расход? Не получится.

Взгляд бородатого посуровел. Пистолеты в его руках угрожающе качнулись, нацелившись в наши лица. К тому времени я их уже рассмотрел. В одной руке револьвер, в другой, ствол, в первое мгновение показавшийся мне «макаровым». Но он был более тонким, с чуть заметными различиями в формах, если приглядеться, и иным спусковым крючком. На секунду блеснувшие в неярком свете на затворной раме английские буквы, окончательно развеяли иллюзии. Пистолет, скорее всего, был американским ремингтоном, пятьдесят первой модели, выпускавшимся до конца двадцатых годов. Слышал, именно он был очень похож на «макарова».

— Можете верить, можете, нет, но мы играем честно, — заявил капитан. — Сделаете свою работу, получите деньги и свободны как ветер. Вас никто ликвидировать не собирается.

— Я не знаю, кто вы, — напомнил бородатый. — Но, допустим, поверил, что представляете русских. Какие гарантии, что вы расплатитесь и не попытаетесь потом нас уничтожить?

— Только моё слово, — чуть развел поднятые руки капитан. — Других гарантий не будет.

— Что здесь, черт подери, происходит? — раздался разъяренный голос блондинки. — Карл, какого хрена, ты тычешь парню пушкой в спину?!

— Это могут быть полицейские ищейки, или какая-то подстава, — пробурчал курчавый, не отводя ствол. — Не вмешивайся, Эльза.

— Какая чушь! — возмутилась девушка. — Быстро опусти ствол!

— Я же сказал, не вмешивайся, — повысил голос Вебер. — Мы с Отто разберемся.

Щелчок затвора, заставил меня инстинктивно напрячься. Затем я почувствовал, что дуло пистолета, упершееся в спину, дрогнуло.

— Ты чего? — пробормотал Карл.

— Должен же кто-то остановить идиотов, пока вы тут дел не наделали, — прошипела

Эльза. — Опустит ствол.

Я осторожно глянул через плечо. Блондинка стояла сзади Карла. Белая холеная ручка сжимала «вальтер III», вставленный в затылок Вебера. Кроваво-красные ухоженные ногти на черной рукоятке пистолета смотрелись сюрреалистично.

— Ладно, — вздохнул курчавый, и опустил пистолет.

— Эльза, что происходит? — забеспокоился Отто. Со своего места он не мог разглядеть происходящее.

Я чуть сместился, решив обезоружить курчавого, но капитан, уловивший моё движение, предостерегающе схватил за запястье и чуть заметно качнул головой. А блондинка тем временем, растолкала нас и предстала перед бородатым.

— Отто, что это за цирк? — холодно спросила она.

— Какой цирк, Эльза? — хладнокровно уточнил бородатый. — И для начала отойди в сторону, загромождаешь цели.

— Ты совершаешь огромную ошибку, — блондинка не собиралась выполнять приказ, наоборот, заслонила Сергея Ивановича. — Не нужно обращаться так с русскими коллегами. Это действительно люди из Союза. Гельмут давно установил контакт с ними, когда искал для нас пути отхода. Своим идиотским поведением ты лишаешь нашу группу возможности выжить.

— Я не верю чужим, — злобно оскалился Отто, — слишком часто нас предавали.

— Зря, — вздохнула Эльза. — Ты понимаешь, что загоняешь себя в угол. Но вместе с собой и нас. Коллеги из Союза готовы помочь, а ты делаешь всё, чтобы похоронить наш единственный шанс выбраться из дерьма.

— Ты уверена, что это люди не из БКА или ЦРУ? — голос Отто дрогнул.

— Да, — кивнула блондинка. — Я знаю Гельмута давно и верю ему. Он очень умён и осторожен. Тебе напомнить, сколько раз он нас вытаскивал, находил предателей и агентов БКА? Только благодаря ему, и таким как он, мы живы и ещё на свободе. Открою карты до конца. Гельмут с советскими агентами уже давно на территории дома. Страхует тех, на кого ты направил оружие. Тебя и Карла не ликвидировали только потому, что я клятвенно пообещала мирно разрешить ситуацию, а Гельмут меня поддержал.

— Подожди, а где Маркус? — обеспокоился бородатый. — Он же там, на первом этаже был.

— Сидит спокойно и не дергается, — ослепительно улыбнулась блондинка. — Зная его вспыльчивый характер, я позаботилась о том, чтобы он не натворил глупостей, и не устроил перестрелку с советскими коллегами.

— Ты получается с ними, — в глазах Отто мелькнули обида и растерянность. Он даже оружие чуть опустил.

— Предала нас...

— Идиот! — вспыхнула блондинка. Она сделала шаг вперед, переложила пистолет в левую руку и вlepила бородатому хлесткую пощечину.

— Я люблю тебя, дурака, и не хочу, чтобы наш единственный шанс спастись был профукан из-за твоей чертовой подозрительности, — заорала она.

Отто задумчиво коснулся большим пальцем щеки с проступавшим багровым отпечатком ладони, щелкнул предохранителем «ремингтона», решительно засунул пистолеты сзади за пояс, привлек девушку к себе и впился ртом в алые губы. Эльза горячо ответила на поцелуй, убрала в сторону руку с «вальтером», а другой обвинив шею бородатого.

Мы с капитаном терпеливо ждали пока парочка перестанет целоваться. Сзади добродушно скалился Карл. Через несколько секунд Отто решительно отстранил блондинку и виновато стрельнул глазами в нашу сторону.

— Извините, коллеги, — смущенно пробормотал он, стирая ладонью алую помаду. — Я действительно немного погорячился. Мы давно в бегах, психика ни к черту стала. Проходите в комнату, пожалуйста.

— И да, коллеги, отпустите Маркуса, пожалуйста, — попросил Отто. — Надеюсь, все вопросы решены, и мы можем все вместе спокойно переговорить. Скажите своим, пусть поднимаются.

— Для переговоров нас достаточно, — проинформировал капитан. — Но, впрочем, почему бы и нет? Нам все равно предстоит вместе работать.

— Ребята, идите сюда, и Маркуса с собой захватите, — на русском крикнул Сергей Иванович. — Будем знакомиться с германскими товарищами.

Внизу раздался приближающийся стук шагов. По лестнице поднялись незнакомый лысоватый мужчина в темно-серой куртке, по описанию, Гельмут с «УЗИ». За ним шел, растерянно улыбающийся худощавый парень в синем свитере. Замыкал шествие Василий с двумя ТТ.

Отто что-то спросил у худощавого по-немецки.

— Йя, — кивнул парень.

— Алла где? — уточнил Сергей Иванович.

— Рядом, — улыбнулся Вася. — Эльза её через черный ход в соседнюю комнату провела. Там балкончик недалеко от веранды. Она уже там, прикрывает вас.

— Алка, выходи, всё нормально, — громко крикнул он.

В окне веранды появилась знакомая фигура в черном облегающем комбинезоне. В руках оперативница держала странный пистолет с длинным толстым дулом-глушителем.

— «Велрод»? — напрягся Отто. — Это же английское оружие.

— И что в этом такого? — удивился капитан. — Вы что, думаете, мы только советскими стволами в таких делах пользуемся? Зачем их светить и лишний раз наводить БНД на след?

— Получается, она в любой момент могла нас положить, — задумчиво протянул бородатый.

— Именно, — подтвердил Сергей Иванович. — Но не положила же. Повторяю, мы настроены на сотрудничество.

— Поэтому я и прибежала сюда, — добавила Эльза, нежно глядя на любимого. — Чтобы ты не натворил глупостей.

Алла оттолкнула дверь, зашла в комнату и вопросительно посмотрела на капитана.

— Всё в порядке, — улыбнулся Сергей Иванович. — Было небольшое недоразумение. Но мы с товарищами уже все разрешили.

— Коллеги, проходите, присаживайтесь, — указал на стол Отто. — Давайте сначала обсудим ваше предложение и размер нашего гонорара....

Разговор оказался долгим. Аллу, Василия, Маркуса и Карла отправили на первый этаж Гельмут тоже удалился, не желая нам мешать. Как я понял, он являлся давним агентом ГРУ, выполнял задачу устроить нам встречу и обеспечить безопасность. Участвовать в наших делах Гельмут не собирался.

Переговоры велись Сергеем Ивановичем и мною с одной стороны, Эльзой и Отто — с другой. Заняли они около четырех часов. Эльза и Отто оказались очень жесткими

переговорщиками, дотошно обсуждающими каждую деталь и просчитывающими все варианты. Даже матерый Сергей Иванович начал посматривать на парочку с нескрываемым уважением. Они выбили из нас гонорар 80 тысяч долларов, ещё пять — на подготовку операции, обещание помочь с оружием и эвакуацией в Южную Америку, где революционеры хотели начать «новую жизнь», а также с эмиграцией в СССР или на Кубу, на самый крайний случай, если в Бразилии или Аргентине возникнут проблемы.

При этом аванс — четверть гонорара и деньги на расходы нужно было отдать сразу. Сергей Иванович предусмотрел этот момент и заблаговременно позаботился о наличке. Она находилась в машине Гельмута, упакованная в черный «дипломат». Там же оказались подробные карты Италии и Австрии, необходимые для скрупулезной проработки предстоящих акций. Как выяснилось, некоторые наметки и соображения по ликвидации Гвишиани и Печчеи у Сергея Ивановича были. А Эльза и Отто сумели составить предварительный план, проявив аналитические способности и наличие интеллекта. За годы противостояния РАФ с государством они стали настоящими профессионалами-ликвидаторами и к каждой задаче подходили творчески и скрупулезно.

Договорились, что окончательный план они выработают после посещения этих стран и детальным знакомством с местами, предложенными для акций капитаном. Возможно, что-то изменят и дополнят, в общем, будут действовать по обстановке. С документами для пересечения границ Сергей Иванович пообещал помочь. Также капитан будет постоянно находиться с ними в контакте через Гельмута, поскольку по оперативным данным через три дня Гвишиани должен был посетить МИПСА в Вене, а потом поехать на встречу с Печчеи и Турин. В черном дипломате также нашлась небольшая папочка с информацией по этим фигурантам, и их фотографии в различных местах. Папку капитан отдавать отказался, поэтому Эльзе и Отто пришлось внимательно читать и запоминать важную информацию при нас. Но выписать несколько адресов из неё Сергей Иванович разрешил. Внешность фигурантов на снимках Эльза и Отто вдумчиво изучали вместе с Карлом и Маркусом, заучивали информацию о росте, весе, манере одеваться и другие приметы, чтобы не ошибиться.

Мы уезжали из убежища бойцов РАФ поздно вечером. Обрато всю нашу группу отвозил Гельмут на своем «гольфe», в который мы еле влезли.

— Как вы думаете, Сергей Иванович, справятся ребята? — спросил я, когда машина выехала из ворот. Было интересно услышать мнение капитана.

— Должны, — задумчиво ответил ГРУшник. — Вроде профессионалы. Дотошные внимательные, с опытом проведения ликвидаций. Единственное, нервы могут подвести. Они уже сколько лет на нелегальном положении находятся. Постоянное напряжение, ожидание предательства, здоровой психике не способствуют. И у самого хладнокровного боевика могут нервы сдать.

— Все нормально будет, — вмешался в разговор Гельмут, следящий за дорогой. — Ребята проверенные, испытанные в десятках дел, просто устали от безнадёги. Немного разочаровались в революционной борьбе. Они всё должны сделать качественно. Эльза присмотрит за парнями, чтобы не натворили глупостей. Она хочет выйти замуж за Отто, спокойно жить в Южной Америке и растить детишек.

— Спокойно у них не получится, — усмехнулся капитан. — Знаю я таких людей. Поживут несколько лет как обыватели, и опять в заднице засвербит. Ребята авантюристы и адреналиновые наркоманы. Может, будут там за золотые рудники драться, в сельву за

сокровищами полезут или банк ограбят. Обычное существование не дня них. Главное, чтобы сейчас они всё как следует сделали.

— Сделают, — улыбнулся агент ГРУ. — Я же говорю, всё должно быть хорошо.

— Сергей Иванович, у нас ещё одно дело имеется, — напомнил я. — Мы его с генералом обсуждали. И с вами тоже кратко переговорили. Помните?

— Не волнуйся, — усмехнулся капитан. — Кое-какие материалы уже собраны и подготовлены. Завтра они будут у меня в руках. Нужные люди уже прилетели в Гамбург, наши сотрудники проверяли. Всё должно пройти без сучка и задоринки.

— Здорово, — улыбнулся я. Если получится разворошить это осиное гнездо, ЦРУ какое-то время будет не до нас. Во всяком случае, внимание к Советскому Союзу и происходящим там процессам будет сильно ослаблено. Только бы всё получилось, так как мы с Петром Ивановичем задумывали. Только бы получилось!

7 января 1979 года

7:30 утра. Гамбург. Отель «Атлантик»

Arthur, wake up, — крепкая рука теребила моё плечо. — We'll leave the hotel soon. Daddy told you to be up in five minutes^[8].

В первое мгновение, я ничего не понял, выплывая из темного марева сна, затем осознал сказанное и похолодел, ещё толком не проснувшись, но осознав, что ко мне обращаются на английском. Чуть приоткрыл веки, увидел маячащее перед глазами Васино лицо и расслабился, всё вспомнив.

— Окей, — я зевнул и сладко потянулся, хрустнув суставами. — Сейчас.

С сожалением откинул теплое толстое одеяло, засунул ноги в пушистые тапочки из овечьей шерсти и прямо в пижаме потопал в ванную комнату, рядом со спальней. Помыл руки, ополоснул лицо, почистил зубы, полюбовался своим всё ещё заспанным лицом, вытерся полотенцем и вышел в просторный холл, ведущий в гостиную. Сергей Иванович был уже одет. Из-под черного костюма виднелась небесно-голубая рубашка с темно-бордовым галстуком. Черные отглаженные брюки и безукоризненно сидящая жилетка создавали идеальный облик английского джентльмена. Капитан сосредоточенно изучал «Financial Times», держа газету в вытянутых руках. Рядом с ним на блюдечке стояла белоснежная чашечка с темно-коричневой жидкостью, исходящей паром. Растворяющиеся в воздухе дымные струйки наполняли гостиную потрясающим ароматом свежесваренного кофе, заставляя ноздри взволнованно трепетать, а рот — наполняться слюной. Я даже глаза на мгновение прикрыл от предвкушения.

«Мистер Барлоу» оторвался от газеты, глянул на меня, чуть улыбнулся уголками губ, и одобритительно кивнул:

— Молодец, быстро встал. Одевайся, мой партнер обещал показать нам достопримечательности Гамбурга. У тебя есть пятнадцать минут на завтрак и утренний кофе.

— Присаживайся, Артур. Кофе будешь? — уточнила «миссис Барлоу», сидевшая напротив «мужа». — Хотя можешь выпить его после завтрака. Я заказала в ресторане, буквально минуту назад привезли.

Алла показала рукой на стоящие чуть в отдалении небольшие тарелочки, накрытых металлическими крышками.

— А что там? — любопытствовал я.

— Бифштекс по-королевски. Тебе и Виктору как следует прожаренный. Уолту с кровью, как он любит, — обворожительно улыбнулась Энн. — Копченые колбаски, несколько тостов, в отдельных мисочках масло и красная икра, кто что захочет, то и мажет. Последнее блюдо — «Ротэ грюце», мне его повар особенно рекомендовал. Говорит, этот ягодный пудинг очень вкусен. Я решила проверить. Вон он, отдельно стоит, в хрустальных пиалочках.

— Сначала поем, кофе потом, — решил я. — А где Виктор?

— Сейчас подойдет, — ответил капитан. — Он минуты три назад в нашу ванную побежал, душ принимать.

Завтрак оказался выше всех похвал. Поджаренные тосты с подтаявшим сливочным маслом и икрой аппетитно хрустели, сочный бифштекс таял во рту, а воздушный пудинг

нежной сладкой массой растекался по желудку.

Присоединившийся к нам Виктор уселся рядом и не отставал от меня, азартно уничтожая блюда.

— Вы аккуратнее, не объедайтесь, — попросил капитан. — Сытый человек тяжел и благодушен. Поэтому я никогда не наедаюсь перед деловыми переговорами. Настоящий коммерсант должен быть чуть голоден. Тогда он никогда не утратит чувство бдительности.

— Нам тоже рекомендовали много не есть перед акциями, — шепнул по-русски на ухо «брат». — Преподы говорили, что теряется чувство опасности и пулю в желудок можно получить. После такого ранения с набитой кишкой шанс отбросить коньки намного возрастает. Поэтому диверсант и разведчик на задания идет с пустым желудком. Не совсем, конечно. Ест, но немного, так чтобы остаться в боевом тонусе.

Слова Василия не были для меня откровением. Перед боевыми рейдами в Афганистане мы тоже старались не наедаться. Плавали — знаем. Но парню, естественно, этого не сказал, а повернулся к капитану.

— Так никаких переговоров вроде не будет? Твой же партнер нам город покажет и всё. Сам же сказал, — я невинно глянул на капитана.

— Это у вас не будет. А я всегда работаю, — «папаша» назидательно поднял палец вверх. — И потом, со временем мой бизнес перейдет к вам. Чтобы им успешно руководить, надо начинать учиться прямо сейчас.

Нам с Виктором пришлось последовать совету капитана. Внутренне, скрипя зубами, мы поумерили аппетиты и оставили недоеденные блюда на тарелках.

После трапезы спустились на лифте, отдали ключи уже другой девушке — эффектной блондинке, и вышли из отеля.

— Вон, он уже стоит, ждёт нас, — капитан махнул рукой на припаркованный недалеко от отеля новенький черный седан, сверкающий лаком.

— Не хило, «мерседес-бенц 280», — присвистнул Виктор. — Неплохая машинка.

За рулем сидел невозмутимый Гельмут в длинном темно-синем пальто. Небрежно закинутый на шею пижонский белый шарф оттенял серый свитер, видневшийся из расстегнутого ворота.

Немец кивнул нам, обменялся рукопожатием с севшим рядом капитаном, подождал пока все с комфортом устроятся в просторном салоне и двинулся с места.

— Хорошее авто, — присвистнул Вася, осматривая салон и щупая кожу на сиденье. — Гельмут, где вы его нашли?

— Напрокат взял, — ответил немец. — Здесь можно всё что угодно взять, даже лимузин, если деньги есть. Обычно такие машины дают с шофером. Но я договорился без него. Просто залог оставил больше и менеджеру чаевых дал.

— План такой, — повернулся к нам Сергей Иванович. — Сейчас мы едем на конспиративную квартиру. Там уже всё подготовлено. Мы с Алексеем поработаем с документами. Алла и Василий подождут в соседней комнате. Гельмут посидит в машине. Алла нас гримирует, и выдвигаемся на первую встречу. Подробные инструкции дам позже. Вопросы имеются?

— У меня нет инструментов для грима, — напомнила оперативница.

— Они уже в квартире, — успокоил капитан. — Все подготовлено.

Машина катилась по заснеженным улицам Гамбурга, а я с любопытством рассматривал витрины магазинов, пабы и невысокие здания. Мой взгляд зацепился за знакомые с детства

имя и фамилию.

— Это что? Там же написано Эрнст Тельман? — любопытно спросил я, показывая взглядом на приближающуюся огромную витрину под большим балконом.

— Музей Эрнста Тельмана, — не поворачивая головы, ответил Гельмут. — Организован и поддерживается частными лицами. Это единственный мемориал в ФРГ, посвященный коммунистическому лидеру. Тельман проживал в квартире на втором этаже, вплоть до самого ареста. А его семья жила здесь до 43 года. Сейчас мемориал открыт на первом этаже. Там можно посмотреть его письма, флаги коммунистической партии Германии 30-х годов, членские билеты, архивы газет. Много интересного для тех, кто интересуется историей. Официально запретить мемориал власти не могут. Тельман даже в ФРГ фигура популярная, и память о преступлениях нацистов ещё жива. Улицы они переименовали, а мемориал содержится на частные деньги.

— Понятно, — кивнул я. — Интересно было бы посмотреть.

— Извини, придется обойтись без посещения музея, — отрезал капитан. — У нас много дел и лишняя засветка в таком месте не нужна. За мемориалом негласно присматривает полиция и другие спецслужбы. Руководство ФРГ официально осуждает гитлеризм, но на самом деле негласно сочувствует ему. Оно ненавидит и боится коммунистов, считая их одной из главных угроз своей власти.

— Жаль.

— Не переживай, — подмигнул Вася. — Ещё побываешь. Какие твои годы?

Пока мы разговаривали, машина заехала в арку, развернулась, и остановилась в небольшом дворике, напротив трехэтажного дома.

Гельмут повернул ключ в замке зажигания, открыл бардачок. Вручил нам оружие. После разговора с бойцами РАФ, по команде капитана, мы сдали ему пистолеты, и сейчас снова вооружились.

Капитан получил уже знакомый МСП, я — привычный дерринджер, Васе опять достался ТТ. Алле Гельмут передал компактный кольт «M1908» с изображением вставшего на дыбы коня на щечках рукоятки. Судя по тому, как оперативница выщелкнула магазин, убедилась в присутствии патронов, снова загнала его на место, передернула затвор, посылая патрон в ствол, оружие было для неё знакомым.

— Возьмите, — Гельмут сунул в руки капитану толстый черный портфель. — Мне товарищ Андрей передал для вас. Сказал, вы знаете, что с ними делать. Сверху заряженная рация лежит. Вручите её кому-нибудь из своих. Вторая у меня. Я останусь в машине и проконтролирую, чтобы вас никто не тревожил. Если замечу, что-то подозрительное, дам знать. И ещё.

Немец полез в карман и вытащил брелок с парочкой ключей. На стальной цепочке болталась потемневшая одноцентровая монета начала века. Гельмут передал ключи капитану и сказал:

— Квартира на втором этаже справа. Номер 16. Деревянная коричневая дверь. Закрыта на два замка. Нижний открывается большим ключом, верхний — маленьким.

— Понял, — кивнул капитан...

Квартира оказалась достаточно просторной, двухкомнатной, с большой кухней и длинным балконом. Мы с капитаном засели в гостиной.

Сергей Иванович щелкнул замками портфеля, откинул крышку, вручил Алле рацию, и отправил её и Васю попить чай на кухне. Окна в комнате были закрыты и тяжелые

бархатные шторы предусмотрительно задернуты.

Капитан покопался в портфеле, достал одну папку, полистал. Затем другую. Подвинул ко мне.

— Читай.

Я открыл папку, внимательно вчитался в строки документов. На некоторое время выпал из реальности, анализируя информацию. Было ощущение, что читаю невероятно увлекательный и одновременно страшный роман, изложенный в виде сухих и лаконичных документов, описывающих темные делишки ЦРУ, начиная с 1945 года и заканчивая нашим временем.

1947 год. Показания захваченных полицией и приговоренных к смерти корсиканских мафиози. ЦРУ помогло им в борьбе с профсоюзами коммунистов. Взамен, американцы со своими новыми партнерами организовали крупную лабораторию по производству героина в Марселе.

50-ые годы. Американская спецслужба оказывает поддержку почти разбитой армии Гоминьдана. Одна из крупных статей финансирования националистов — перевозка военными американскими самолетами крупных партий наркотиков, которые потом реализуются.

В конце 50-ых ЦРУ с помощью остатков армии Чан Кайши создает лабораторию для изготовления героина. Рождается знаменитый «Золотой Треугольник», ставший одним из крупнейших производителей наркотиков в мире. Героин перевозят по отработанной схеме: военными самолетами и кораблями через Панамский канал. На этой схеме ЦРУ зарабатывает миллиарды. Деньги она пускает на «нужное дело» — борьбу с СССР и международным коммунистическим движением. «Грязными» долларами финансируются государственные перевороты, террористы, наемники, покупаются диктаторы, политики и чиновники.

Показания, рейсовые документы, даже снимки, прикреплены к листам с пояснительными надписями. Пилоты и агенты ЦРУ, фотографировались с Кхун Са — генералом армии «Шан» и руководителем производства наркотиков в «Золотом треугольнике», не говоря уже о его опричниках с автоматами. Наплевали на конспирацию и то, что сами создали на себя компромат. Понятно, что снимки делались для частных коллекций, но на что они рассчитывали? Сами же себе подгадили. Впрочем, в большинстве ситуаций, могли и не подозревать, что их снимают. За исключением пары снимков, в камеру не глядят, стоят боком или разговаривают с «партнёрами». Вполне возможно, что опиумный король сам тайную съемку организовал для шантажа и чтобы подстраховаться.

За небольшое время Кхун Са с партнерами стал владельцем огромной криминальной империи, распространяющей наркотики по всему миру. Он наводнил опиумом всю Азию, Америку и даже вошел на рынок Европы. Безопасность империи «Золотого Треугольника» обеспечивали около 50-ти тысяч человек. Ежегодно производились многие сотни тонн опиума. Страшные цифры. И всё это при поддержке и активном участии ЦРУ. Через Панамский канал каждый год проходили десятки кораблей с большими партиями наркоты. Они пользуются тем, что согласно международным договорам, запечатанные грузы в контейнерах не досматриваются в промежуточных портах маршрута, а могут вскрываться только в пункте доставки.

В 1973-ем году в офшоре на Каймановых островах американская спецслужба открыла «Nugan Hand Bank of Sydney». Официальными бенефициарами числились австралийский

коммерсант — Френк Нуган и бывший «Зеленый берет», уроженец Нью-Йорка, Майкл Хэнд. На самом деле реальными руководителями банка являлись офицеры ЦРУ. Среди официальных консультантов засветился даже Уильям Колби в 1976 году, ушедший с поста директора ЦРУ. Банк активно работает и сейчас. Основное занятие — отмывание денег от наркоторговли «Золотого Треугольника» и торговли оружием в Индокитае. И опять документы, ордера, накладные, записки, доклады. Черт подери, как ГРУ смогло это достать за такой короткий срок?! Ладно, потом спрошу.

Я оторвался от документов и поднял глаза на капитана.

— Это всё, конечно, замечательно. И частично даже известно другим спецслужбам и некоторым политикам. Но нужного нам эффекта не принесет. Американцам и прогрессивной «мировой» общественности плевать, каких азиатов и индусов травят наркотой сотрудники ЦРУ. Для них это «недолюди», несмотря на показушную «демократичность». Выразит возмущение несколько правозащитных организаций, недовольно побурчат реднеки и некоторые представители «прогрессивной общественности» и что? На этом всё закончится. Мы с Петром Ивановичем говорили о другом. Нужны доказательства, что наркота, производимая и продаваемая с помощью ребят из Лэнгли, массово травит простых американцев. От такого скандала, если грамотно подать, они отвертеться не смогут. Придется реагировать.

Сергей Иванович слегка улыбнулся и подвинул ко мне вторую папку.

— Посмотри эту.

И опять документы, свидетельства, докладные записки, показания гангстеров, фотографии.

1946 год. Американская военная разведка освобождает из тюрьмы самого крупного босса американской мафии — Чарльза Лаки Лучано и высылает его в Италию. По официальной версии Лучано помогал военным разведчикам бороться с режимом Муссолини, используя свои старые связи в мафиозной среде. Но что было обещано мафии и самому Лучано за такую помощь, разведчики рассказать прессе отказались. Осенью 1947-го года у Лаки состоялась встреча с двумя сотрудниками недавно созданного ЦРУ^[9]. Он организует масштабное производство наркотиков с участием турецких, сицилийских и неаполитанских бандитов. Изготовленный героин, потоками пошел в США. ЦРУ негласно помогало и поддерживало Лучано в этом бизнесе. В результате, в промежутке между 1946-ым и 1952-ым годом, число наркоманов в Соединенных Штатах утроилось. В папке имелись показания двух бандитов Лучано, взятых с поличным и давших показания о сотрудничестве с новообразованной американской спецслужбой.

«Золотой Треугольник» выпускал около 70 % мирового опиума. Из Лаоса его вывозили сотрудники ЦРУ, используя самолеты авиакомпании «Эйр Америка». Прибыль от торговли наркотиками была необходима для проведения тайных операций против коммунистов. Делалось это втайне от конгресса США, без его одобрения. Большая часть сырья перерабатывалась в лабораториях Сицилии и Марселя под контролем сотрудников спецслужбы. Часть наркотиков производилась даже на ведомственных базах спецслужбы. Наркотики продавались американским военным, дислоцированным в Юго-Восточной Азии. Это привело к всеобщей наркомании в американской армии. Во время вьетнамской войны были задокументированы случаи убийства солдатами сослуживцев и офицеров в состоянии наркотического опьянения. В 1971-ом году в госпиталях лежало менее пяти тысяч американских военных, раненых во время боевых действий и более двадцати тысяч,

злоупотребивших наркотиками. Но и это еще не всё. В 70-ых годах полиция Нью-Йорка столкнулась с тем, что наркоту начали массово реализовывать многочисленные негритянские и латиноамериканские банды. А привозилась и распространялась она под чутким руководством сотрудников ЦРУ. Один из бывших офицеров полиции Лос-Анжелеса обнаружил это. И теперь должен был приехать в Гамбург на встречу со мной. По крайней мере, так было задумано.

Я листал документы, читал свидетельства и напряженно думал, как красиво подать эту информацию, чтобы она произвела эффект разорвавшейся бомбы и шокировала американское общество, привыкшее считать себя «светочем свободы и демократии». По сути, ЦРУ массово убивало наркотой своих граждан, чтобы добыть деньги на собственные «темные делишки». И эти моральные уроды называют СССР «Империей Зла»? Лицемерие и подлость Запада не знает пределов. Они достигали цели любой ценой, плюя на человеческие судьбы, используя все средства, включая самые гнусные, для победы. Поэтому и выиграли, тогда, в моей прошлой жизни. А сейчас у нас появился шанс переиграть историю и дать бой англосаксам. И я намерен его использовать на все сто процентов.

Я оторвался от документов. Капитан сидел, положив локти на стол и соединив ладони в замок. Ждал, пока закончу чтение.

— Как вам удалось за такой короткий срок собрать столько информации? — поинтересовался я. — Мы же только перед новым годом об этом говорили. Полторы недели прошло, а вы сколько сумели накопать. Фантастика какая-то.

— Работать надо уметь, — ухмыльнулся Сергей Иванович. Немного помолчал, наслаждаясь произведенным эффектом, и признался:

— На самом деле здесь ничего сверхъестественного нет. Дело в том, что МГБ и пришедший ему на смену КГБ, работали по этой теме, собирая компромат на американцев. И сотрудничали с нами. Имен называть не стану, тебе это ни к чему. Когда Андропов обосновался в КГБ, тему эту в 68-ом году свернул с резолюцией «не заниматься ерундой» и советом «сосредоточиться на более важных направлениях». Курировал это направление один из старых чекистов, ненавидящий американцев и работавший ещё с Берия. Приказ Андропова он встретил, скрипя зубами от злости. Активную работу приостановил, но сведения потихоньку собирать продолжил, тем более что информация к нему периодически поступала. Чекист её аккуратно собирал в папочку, и когда в отставку вышел, сохранил на всякий случай. Когда ты предложил идею, я переговорил с Петром Ивановичем, и он вспомнил, что такая работа велась. Вызвал офицера, сотрудничавшего с комитетчиком, и попросил «навести мосты». Когда он обратился к чекисту, тот только обрадовался. Он потому и продолжал работу на свой страх и риск, что считал, она очень важна, а добытые сведения нужно использовать в борьбе с ЦРУ максимально эффективно. Так что здесь, считай, нам очень повезло. Ну и в ГРУ кое-какая информация по этой теме периодически проскакивала. Мы её быстро собрали и приложили, к тому, что получили.

— Что могу сказать? — я улыбнулся. — Такое впечатление, что нам высшие силы помогают.

— Отставить фантазии, — капитан шутливо погрозил пальцем. — Если помогают, замечательно, но эту тему дальше развивать не будем. Сам, надеюсь, понимаешь, почему?

— Понимаю. Проехали.

— С документами ознакомился? Вопросы есть?

— Есть, но несущественные, — отмахнулся я. — Думаю, можно их пропустить или

перенести на потом.

— Тогда слушай, что будем делать дальше, — посерьезнел Сергей Иванович. — Сейчас Алла нас загримирует, и мы поедem на встречи. У нас их две. Первая в итальянском ресторанчике «Ил Бонгустайо». Там уже зарезервирован отдельный кабинет. Нам нужно там быть без пяти двенадцать. Встречаемся с Маклом Крейгом Руппертом, человеком, которого ты порекомендовал. Он как раз в ноябре уволился из полиции и согласился встретиться с нами, при условии, что мы оплатим его перелет в Гамбург. Билеты он получил, прилетел и поселился в забронированном нашими людьми номере отеля.

Отлично! Именно это я и хотел услышать. Майкл Крейг Рупперт — человек, которого смог «увидеть» благодаря своему Дару. Родился в 1951 году. По иронии судьбы — его родители всю жизнь сотрудничали с американскими спецслужбами и армией. Отец во время Второй Мировой был пилотом ВВС США, затем работал в «Мартин Мариэтта Корпорейшн» — компании разрабатывающей тактические и баллистические ракеты, являясь связующим звеном между руководством компании, ЦРУ и армией. Мать была сотрудником АНБ. Она занималась взломом советских паролей и шифров, чтобы получить доступ к секретным работам физиков-ядерщиков. Когда Рупперт завершал обучение в Калифорнийском университете, он подал заявление на работу в ЦРУ, успешно прошел собеседование, но предпочел должность в одном из полицейских управлений Лос-Анджелеса.

В 1976 году, работая в полиции, Майкл наткнулся на факты сотрудничества военных и ЦРУ с наркоторговцами. Проведенное расследование потрясло его. Оказывается, сотрудники спецслужбы и армейские чины не только помогали некоторым наркоторговцам, а плотно «сидели» на денежных потоках от продаж кокаина и героина. И негласно прикрывались с верхов властной пирамиды. Два месяца назад, в 1978 году Рупперт подал в отставку. В той жизни он организовал журналистское агентство, занимающееся расследованием торговли наркотиками в ЦРУ и армии, а также коррупции в правительстве. Его репортажи, опубликованные документы и свидетельства, снятые документальные фильмы, попортили немало крови политикам, генералам и американским спецслужбам. В первой реальности Рупперт погиб в 2014-ом году, в своем поместье в округе Напа от огнестрельного ранения в голову. Официальная версия — самоубийство. И с этим легендарным человеком мне предстоит поговорить.

— Отлично, — улыбнулся я. — Какие планы дальше?

— Следующая встреча тоже с твоим человеком. Научным сотрудником Австралийского национального университета Альфредом Уильямом Маккoем. Мы его повезем в один небольшой домик на окраине Гамбурга. Там спокойно переговорим.

— А потом на нас выйти не смогут? Всё-таки это след.

— Не думаю. Домик снят на сутки совершенно посторонними людьми. Даже если начнут копать, на нас выйти не смогут. Во всяком случае, в ближайшие несколько дней. А потом мы уже будем далеко отсюда.

— Как вы сумели его уговорить? — поинтересовался я.

— Нашли подход, — усмехнулся Сергей Иванович. — Достаточно было намекнуть, что он получит новые факты по своему докладу. Господин учёный так воодушевился, что сразу пообещал прибыть. Даже отпуск на работе взял. И сразу предвосхищая твой вопрос, отвечаю, Маккой был предупрежден о сохранении полной конфиденциальности. За ним в Австралии присматривали и в самолете наблюдали. Ничего подозрительного не обнаружено.

Замечательно! Этот человек точно молчать не будет и сделает всё, как нужно. Ученый и

спортсмен 1945 года рождения, бакалавр истории и магистр философии, ненавидящий американские власти и ЦРУ за распространение наркоты. В 1972 году в Конгрессе, выступая перед комиссией сената, он обвинил ряд американских политиков и высокопоставленных дипломатов в сокрытии данных о незаконном обороте наркотиков. В том же году вышла книга Маккоя «Распространение героина в Юго-Восточной Азии». В ней Маккой прямо заявил, что ЦРУ участвовало в деятельности «Золотого Треугольника», помогая перевозить и реализовывать героин. В прошедшем году Альфред уехал в Австралию, видимо, опасаясь слишком пристального внимания со стороны американских спецслужб.

Капитан немного подождал, давая мне собраться с мыслями, и продолжил:

— И ещё один момент. На встречах, мы с тобой говорим, что представляем собой «Лигу патриотов Америки», военных, гражданских и правозащитников, которые возмущены сложившимся положением дел и намерены опубликовать имеющуюся информацию, о том, что ЦРУ травят американцев героином и кокаином. Организация вымышленная и в реальности не существующая. Если информация дойдет до ушей ЦРУ, пусть ищут. Поверят ли нам, люди, которые приедут на встречи, или что-то заподозрят, не так важно. Главное, что подлинность всех документов в папках легко проверяется. Рупперту передадим сведения о торговле в Нью-Йорке и других городах США, а также о сотрудничестве Лучано с военными и ЦРУ, плюс статистические данные о возросшем количестве наркоманов.

Маккою — в основном информацию о работе американцев в «Золотом Треугольнике». Папки уже подготовлены. Данные будут частично пересекаться, но это не страшно. Наоборот, придадут весу друг другу. Остальные документы мы распространим по европейским и американским газетам уже без тебя. Есть ещё пара интересных задумок, пока говорить не буду. После выступлений Маккоя и Рупперта, постараемся поднять и поддерживать в американском обществе максимальный градус истерии против военных и парней из Лэнгли. Вот такой план. Есть уточнения или возражения?

— Никаких.

— Отлично тогда, я зову Аллу. Пусть начинает тебя гримировать.

7 января 1979 года

Гамбург (Продолжение)

Чемоданчик с гримом был приготовлен заранее и спрятан в шкафчике для одежды. Сергей Иванович зашел на кухню, достал его и вручил оперативнице. Алла включила свет, подвинула настольную лампу, чтобы лучше видеть результат и начала колдовать надо мною. Оперативница орудовала кисточками и салфетками, брала разные тюбики с кремами и клеем. Через полчаса я преобразился в загорелого 25-летнего парня. Алла чуть изменила овал лица искусным гримом и нанесла на щеку устрашающий зигзагообразный шрам, склеив кожу специальным составом, а потом обработав бесцветной краской. Затем меня сменил Сергей Иванович. Оперативница смазала ему виски какой-то жидкостью, пару минут подождала, а потом отодрала бакенбарды. Аккуратно наклеила бороду с проседью, добавила морщин, увеличив возраст до 60 лет и превратив «папашу» в благообразного состарившегося мужчину.

Отдельно оперативница занималась нашими руками, выглядывающими из-под рукавов, чтобы они случайно не выдали настоящий возраст. Затем меня заставили переодеться в классический костюм с галстуком и длинное полосатое пальто, а капитана — в темный кожаный плащ на меховой подкладке. Даже Василию и Алле нашлась одежда.

Мой «старший братик» и оперативница должны были ехать отдельно. Ещё вчера, на обратном пути, капитан посоветовался с Гельмутом и решил, они будут сопровождать нас на другой машине. Незачем нам светиться такой большой компанией. Это может насторожить людей, с которыми мы планируем встретиться. Пусть лучше аккуратно подстраховывают, держась в отдалении. Немец взялся решить эту проблему. Он привлек своего двоюродного племянника. Вилли, по словам Гельмута, являлся идейным коммунистом, обожал дядьку и всецело ему доверял. У него был серый «фольксваген» 50-го года. Машина досталась от деда и постоянно стояла в гараже. Периодически она использовалась для эвакуации бойцов РАФ и перевозки подпольной литературы немецких коммунистов. Для этого в специальном тайнике, оборудованном в подвале гаража, хранились поддельные автомобильные номера.

Вещи, в которых мы приехали, упаковали в одежные чехлы. Они остались в квартире. Гельмут заверил, что с одеждой ничего не произойдет, а в случае непредвиденных обстоятельств, её быстро заберет Вилли. А вот чемоданчик с гримом Алла и Вася с собой захватят, на всякий случай. Пока оперативница возилась с нами, Гельмут зарядил рации. Одну оставил себе, другую вручил Васе.

Мы погрузились в мерседес. На одной из улиц города нас ждал серый «фольксваген» с веснушчатым лопухим парнем — Вилли. После коротких приветствий Алла и Василий пересели туда и поехали за нами, держась на почтительном расстоянии.

Первая встреча прошла, как и планировалась. Мы припарковались на стоянке недалеко от места встречи. Вторая машина с оперативниками стала метрах в двадцати от нас, так чтобы держать под присмотром не только «мерседес», но и вход в заведение. «Ил Бонгустайо» оказался небольшим уютным ресторанчиком итальянской кухни. Смуглая официантка, игриво стреляющая глазками в мою сторону, проводила нас в отдельный зал. Небольшое помещение было залито теплым желтым светом. На огромной люстре, захватившей центр потолка, сверкали золотистыми искорками хрустальные подвески. По стенам развешаны живописные картины — тропическое побережье, закат в горах, красочные

виды Гамбурга. Напротив стола — огромный камин в викторианском стиле. Стулья с мягкими спинками и резными деревянными ножками органично вписались в общий интерьер.

Пока я разглядывал зал, пришел Рупперт. Бывший американский полицейский мне понравился сразу. Прямой взгляд, пронизательные голубые глаза, располагающее лицо. Мужчина держался с достоинством, и сразу же предложил перейти к делу. Мы с капитаном представились, соответственно, «Джоном» и «Томом». Пояснили, что представляем группу армейских отставников и бывших работников спецслужб, объединившихся в движение «Лига патриотов Америки». «Джон» добавил, что мы возмущены преступной деятельностью ЦРУ и военных, покрывающих и принимающих активное участие в торговле наркотиками на территории США. После этого я вручил Майку папку с документами.

Когда бывший полицейский ознакомился с бумагами, он потрясенно молчал, а потом вздохнул:

— Это для меня не новость. Раз вы меня пригласили, то знаете мою историю. Я служил в полиции Лос-Анджелеса. Там впервые столкнулся с торговлей наркотиками. В Скид Роу, Комптоне, Инглвуде, Вермонте Висте, Мид Сити, ниггеры и латиносы из банд «Блудс», «Крипс» и многих других, открыто торговали наркотой почти на каждом перекрестке. Город завалили недорогим кокаином и героином. Наркоманы дошли в ночлежках, дворах, валялись на улицах трущоб и в темных переулках рядом с кучами мусора, пуская слюни от «прихода». Обдолбанные наркотой или в попытках найти деньги на очередную дозу они творили страшные вещи. Я видел изнасилованную семилетнюю девочку, которой эти подонки выкололи глаза и отрубили руки, покромсанную на куски супружескую пару. Их рубили тесаками только потому, что двум черножопым ублюдкам не хватало денег на дозу. Они думали, что старики где-то прячут крупную сумму в долларах. Я видел матерей, продававших дочерей-подростков за дозу дешевого, разбавленного всякой дрянью героина.

Рупперт прервался, мысленно снова переживая эти события.

Неожиданно его профиль на мгновение стал нечетким и размытым, как будто я смотрел на бывшего полицейского через заливаемое дождём мутное стекло. А когда картинка прояснилась, в моем мозгу чередой ярких снимков пронеслись описанные Майком преступления. Лежащая семилетняя девочка с кровавыми сгустками вместо глаз и костями, торчащими из обрубков рук, истерзанные и изрезанные ножами старики, лежащие в засохших лужах крови рядом. Желудок отозвался рвотным спазмом. Я гигантским усилием сдержал подошедшую к горлу волну. Вот же уроды... И те, кто принимает наркоту, и те, кто доставляет и продаёт...

— Что-то не так? — бывший полицейский моментально отметил моё состояние.

— Том, ты в порядке? — встревожено спросил Сергей Иванович.

— Да, — я схватил стоящую на столе бутылку с уже открытой крышкой. Набулькал в стакан стреляющую пузырьками минералку и залпом выпил:

— Продолжайте, пожалуйста, Майкл. Мы с Джоном вас внимательно слушаем.

— Гуд, — кивнул американец. — Тогда я решил провести самостоятельное расследование, чтобы узнать, кто стоит за этими говнюками из уличных банд. Подключил стукачей, надавил на парочку наркотов, прижал одного придурка из торгашей и узнал, что это дерьмо шло потоком с морского порта и базы ВМС «Лейкхест». Думал, это частная инициатива некоторых военных и написал рапорт на имя начальника участка. Он переговорил с кем-то из военных и руководством города. А на следующий день к старине

Билли приехали два лощенных типа в черных костюмах. Представились федералами. Закрылись с ним в кабинете и о чём-то разговаривали. Когда они уехали, начальник участка вызвал меня. Он сидел красный, руки дергались как у припадочного. Билли порвал рапорт, наорал на меня, приказал всё забыть и уничтожить доказательства. Наш начальник участка не из робких. Мог и мэра послать, защищая ребят и с прокурором поругаться, если верил в свою правоту. А тут сидел и трясся. Мне сказал, чтобы я не играл с огнём — парни оказались из Лэнгли. Они заявили, что мы влезли в их работу и можем испортить секретную оперативную комбинацию. Я этому не поверил. За долгие годы никаких серьезных проблем у наркодельцов не было. Стоило нашим парням или коллегам из других участков действительно напасть на что-то крупное, их или тормозили, или партия наркоты бесследно исчезала. Всё это заставляло серьезно задуматься об уровне и должностях тех, кто покрывает грязный бизнес. А после наезда на Билли, лично для меня всё стало понятно. Я думаю, его запугали чем-то, действительно серьёзным. Иначе бы начальник не трясся и не сидел с таким видом, будто его трахнули в задницу. Документы уничтожать не стал. Пообещал, но сохранил до лучших времен. Сказал, что всё понял, и подал в отставку.

Рупперт замолчал, тоже налил минералки в свой стакан, отхлебнул и продолжил:

— Ненавижу наркодельцов. Даже не представлял, что дело организовано с таким размахом. Я молчал, потому что не представлял реальной полной картины. Теперь, вроде, всё становится на свои места. Не знаю, кто вы, ребята, на самом деле, и, честно говоря, меня это не особо волнует. Главное, чтобы информация оказалась правдивой. Проверю всё по своим каналам. Если сведения подтвердятся, обязательно доведу их до наших граждан. Каждый житель Америки узнает, кто ввозит наркотики в страну и травит ими людей. Молчать в этом случае — преступление против общества.

На этом и договорились. Майкл выпил с нами кофе, бросил папку в свой портфель, и вежливо распрощался.

— Что скажешь? — спросил капитан, после ухода бывшего полицейского.

— Он искренен. Я это чувствовал. Подвести и подставить не должен. Во всяком случае, специально. Наоборот, настроен сделать всё, что в его силах для борьбы с наркоторговцами, — успокоил я.

— Это тебе твой дар подсказал? — уточнил Сергей Иванович.

— И он тоже, — улыбнулся я.

Вторая встреча преподнесла сюрпризы. Альфред Маккой ожидал нас на площади Ратхаусмаркт, как и было условлено, под фонарем напротив здания ратуши. Крепкий плечистый мужик с квадратной чуть выпяченной вперед челюстью и щегольской щеточкой аккуратно подстриженных усов был похож на американского гангстера. Шляпа с широкими полями, длинное пальто с поднятым воротом вместе с мощной борцовской шеей только усиливала это впечатление. Прищуренные голубые глаза смотрели на нас холодно и настороженно. Руки Альфред держал в карманах. Только высокий лоб интеллектуала и роговые очки с выпуклыми толстыми стеклами немного смягчали бандитский образ, контрастирующий с должностью научного сотрудника Австралийского университета.

— Мистер Маккой, добрый день, — приветливо сказал капитан и протянул ладонь.

— Добрый, — ответил американец, немного помедлил, но всё же поздоровался с Сергеем Ивановичем и мной за руку.

— Меня зовут Джон, — представился капитан и кивнул на меня, — это Том. Мы договаривались с вами здесь встретиться и обсудить тему, которая вас заинтересовала.

Предлагаю проехаться и поговорить в более спокойной обстановке.

— Где? — уточнил Маккой, снова засунув руки в карманы пальто.

— В одном доме, здесь недалеко.

— Вы предлагаете мне сесть в вашу машину и поехать с вами?

— Да.

— Нет, так не пойдет, — нахмурился Альфред. — Я не сажусь в машины с незнакомыми людьми. И тем более не еду с ними черт знает куда.

— Хорошо, — покладисто согласился капитан. — Что вы предлагаете?

— Документы у вас с собой?

— Да, в автомобиле.

— Тогда вместе выходим из площади. Я арендовал машину, она припаркована здесь, недалеко. Я буду ждать вас в ней. Подъезжаете, и мы вместе выезжаем из города. Я первый — вы за мной. Я присмотрел за городом одно укромное местечко. Остановимся там. Потом кто-то один из вас с документами пересаживается ко мне в автомобиль, остальные остаются на месте. Я смотрю бумаги. Если они заслуживают доверия, продолжаем разговор. Если нет, возвращаю вам документы и уезжаю. Возможен только такой вариант общения. Другого не будет. Отказываетесь, я разворачиваюсь, и ухожу.

— Договорились, — быстро ответил капитан. — Сделаем так, как вы сказали, мистер Маккой. Единственное условие: место действительно должно быть таким, чтобы не привлекать внимание посторонних.

— Об этом не беспокойтесь, — усмехнулся Альфред. — Я всё понимаю.

— Тогда идем к вашей машине.

Автомобиль Маккоя — зеленый «опель кадет», оказался припаркован недалеко от площади, на одной из прилегающих улочек. Альфред залез в машину, а мы пошли к мерседесу.

— Ну как тебе, историк? — спросил капитан.

— Вроде всё в порядке, нормальный человек. Ничего подозрительного я не заметил. Волнуется немного, нам не доверяет, насторожен, но это понятно. Я бы на его месте точно так же держался.

Через пять минут мы подъехали к машине, стали сзади и мигнули фарами. «Опель» Маккоя тронулся с места. Мы — за ним. Минут двадцать ехали молча, наблюдая за маячившим впереди «кадетом». Затем Гельмут, управлявший машиной, кинул очередной взгляд на зеркало и встревожено заявил:

— Кажется, Маккоя пасут. Черный «форд гранادا».

Пристроился, когда выезжали из площади. Держался пару минут впереди, сейчас спрятался за потоком машин.

— Чёрт, — выругался капитан.

Он подхватил рацию, лежавшую между сидений, нажал на кнопку вызова:

— Балу вызывает Багиру. Как слышно?

— Багира на связи. Слышно хорошо, — раздался в динамике голос Аллы.

— Похоже, за нами хвост. «Чёрный форд». Проследите за ним, но ничего не предпринимайте. Без согласования разрешаю действовать только в чрезвычайной ситуации. В остальных случаях — по моей команде. Как приняли? Вопросы есть?

— Вопросов нет. Мы тоже заметили, но не были уверены. Пока наблюдали. Роджер^[10].

Ещё через пару минут «чёрный форд» пропал из виду.

Запищала рация.

Сергей Иванович снова подхватил её:

— Балу на связи. Что там, Багира?

— «Форд» повернул на заправку. Возможно, это не хвост.

— Дай бог, — облегченно выдохнул капитан. — Принял. Догоняйте нас. Конец связи.

— По-английски общаетесь, чтобы сбить с толку, если начнут прослушивать? — улыбнулся я.

— Так точно, — весело ответил Сергей Иванович. Настроение у него явно улучшилось.

Тем временем зеленый «опель кадет» повернул на небольшую заснеженную дорожку, уходящую от основной оживленной трассы. Наша машина последовала за ним. В заднем стекле мелькнул ярко-красный силуэт новенькой «альфа-ромео», пролетевшей мимо.

«Красивая тачка», — оценил я.

Капитан опять схватился за рацию.

— Багира, как слышно? Прием.

Рация захрипела:

— Слышу вас хорошо, Балу.

— Похоже, мы почти приехали. Видите, небольшое кафе у перекрестка? Станьте на стоянке около него, чтобы не привлекать внимание и контролируйте ситуацию. Если что-то увидите, немедленно докладывайте.

— Хорошо, Роджер, — подтвердила рация голосом Аллы.

— А почему вы решили, что мы уже приехали? — поинтересовался я.

— Дорога, видишь, какая? — вместо Сергея Ивановича ответил Гельмут. — Далеко по ней не проехать. А если снега навалит, можно и не выехать. «Опель» — не «Шевроле Блейзер» или «Биг Фут» какой-нибудь. Застрянет в сугробах, придется тягач вызывать, чтобы вытащить. Тут он где-то остановится, далеко не поедет.

Немец оказался прав. Мы проехали пару минут, ещё раз завернули на тропинку в заснеженном лесу. Затем «опель кадет» остановился и дважды мигнул задними фарами, приглашая подойти.

Сергей Иванович передал мне рацию, подхватил дипломат, открыл дверцу автомобиля, и повернулся ко мне.

— Держи рацию рядом. Если что-то срочное, сразу же подходи.

— Понял.

Капитан вылез из машины. Снег скрипнул под его ботинками. Дверь резко захлопнулась, а Сергей Иванович бодро зашагал к стоящему метрах в пяти «опелю». Сел на переднее сиденье рядом с Макксом, открыл дипломат и протянул ему папку. Американец подхватил её и начал читать, периодически перелистывая и обмениваясь с капитаном короткими фразами. Медленно потекли минуты. Гельмут сидел, сосредоточенно поглядывая по сторонам. И на меня вдруг нахлынула ностальгия. Пока американец читал документы, вспомнил родителей, Аню, Машу и друзей и только сейчас осознал, как же я по ним соскучился. Как там мамуля? Она, наверно, с ума от беспокойства сходит. Отцу должны были намекнуть, что со мною всё в порядке, но мать есть мать, в такой ситуации она все равно будет места себе не находить...

Я тряхнул головой, отгоняя грустные мысли. Не то время и место, чтобы об этом думать.

Неожиданно заголосила рация:

— Балу, Багира на связи, как слышно?

— Багира, на связи Маугли, Баллу отошёл. Слышу вас хорошо.

— Мы одну машину проворонили. Их две было. Минуту назад сюда подъехал «форд гранادا», а с другой стороны, красная «альфа ромео джульетта». Она тоже шла сзади за вами, но недолго, минуты четыре. Когда поворачивали, проехала дальше, а сейчас вернулась. Из машин вышли пятеро мужчин, ещё трое сидят. По виду крепкие ребята, пальто и куртки расстегнуты, думаю, чтобы было удобно стволы вытаскивать. О чём-то разговаривают.

Внутри похолодело.

«У нас проблемы. И, похоже, серьезные»...

7 января 1979 года

Гамбург (Окончание)

Я обреченно вздохнул и ответил:

— Багира, вас понял. Сейчас предупрежу Балю, а вы пока будьте на связи и продолжайте наблюдение.

— Хорошо. Роджер.

Рация замолкла. Гельмут, лежавший на сиденье, открыл глаза и спокойно спросил:

— Я всё слышал. Кажется, нас накрыли. Что будем делать?

— Сейчас к капитану схожу, узнаю. Он руководит операцией, ему и решение принимать, — ответил я, открывая дверцу. Выбрался из машины и уверенно зашагал к зелёному опелю. Маккой заметил моё движение в зеркало, оглянулся, что-то спросил у Сергея Ивановича. Тот ответил, успокаивающе подняв ладонь. Я, подошел к правому борту машины, где сидел капитан, пригнулся и требовательно постучал по стеклу. Оно моментально опустилось.

— Что-то произошло? — лицо капитана оставалось бесстрастным, но в глазах на миг промелькнула тревога.

— Да. Похоже, за мистером Маккоем был хвост. Теперь на развилке, у поворота стоят две машины красная «альфа ромео» и черный «форд гранада». На них приехало восемь человек. Скорее всего, они вооружены. Ждут нас.

— Подробности, — жестко потребовал капитан.

Я рассказал разговор с оперативницей.

— Понятно, — задумчиво протянул Сергей Иванович и повернулся к Альфреду.

— Мистер Маккой, вы слышали разговор?

— Да, — кивнул американец. — Я подозревал, что за мной могла быть слежка. Проверялся на всем пути, и ничего не обнаружил. Но я не профессионал.

— Скажите, если у нас получится уйти отсюда, вы сможете покинуть страну и вывезти с собой документы так, чтобы не засветиться?

— Да, — после короткого раздумья кивнул научный сотрудник. — Здесь у меня есть друзья. Я уже продумывал подобные пути отхода.

— Отлично, — улыбнулся капитан. — Тогда подождите минутку, она все равно ничего не решает. Я уточню обстановку и определюсь, что делать.

— Мы можем уйти отсюда другим путём, — заявил американец. — Я не зря вас потащил в это место. Надо метров сто-сто двадцать проехать. Видите, небольшую тропку, сворачивающую к лесу? Вот по ней. Снега пока много не намело, должно получиться. Там за деревьями, склон, а за ним ещё одна дорога. На ней разъедемся, мне в другой город. А вы можете сделать круг и вернуться в Гамбург.

— Идёт, — согласился Сергей Иванович. — Так и поступим. Надеюсь, вам удастся сохранить и обнародовать документы. Подождите несколько секунд, я переговорю, потом мигну фарами, если всё нормально, можно двигаться.

— Окей, — с серьезным лицом кивнул Альфред. — За документы не волнуйтесь. Всё будет нормально. Я их вывезу и обязательно предам гласности. Жду сигнала и трогаемся.

Оказавшись в машине, капитан первым делом схватился за рацию.

— Балю вызывает Багиру. Прием.

— Багира на связи, — раздался голос оперативницы.

— Доложите обстановку.

— Наши «друзья» расселись по машинам. Сейчас вышли двое. У одного на шее висит небольшой кожаный футляр. Предположительно бинокль. Направляются в вашу сторону, но не по дороге, а уходят немного левее в лес. Скорее всего, планируют осмотреть окрестности, найти ваше месторасположение и организовать наблюдение. Автомобили стоят на прежнем месте.

— Вас понял Багира. Мы уходим другой дорогой. Будьте на связи. Если не получится, уходите через несколько минут так, чтобы это было естественно. Встречаемся на объекте «А». В чрезвычайной ситуации разрешаю действовать по обстановке.

— Вас поняла. Роджер.

Капитан повернулся к Гельмуту.

— Мигни фарами. Будем отсюда выезжать по другому пути. Американец покажет как.

Немец невозмутимо кивнул, и протянул руку к рулевой колонке. Несмотря на его типичную внешность интеллигентного обывателя у меня сложилось впечатление, что под этой маской прячется очень хладнокровный, умелый и идейный боевик, никогда не теряющий голову, и умеющий грамотно действовать в самых экстремальных ситуациях.

Фары зажглись, выстрелив желтыми лучами в капот «кадета» и сразу же погасли. Машина Маккоя взревела мотором, неторопливо развернулась, и заехала на небольшую тропинку, ведущую в лес. Мы тронулись следом, держа дистанцию.

Хлопья снега летели из-под колёс. Наша машина неторопливо разрезала белую гладь лесной поляны, двигаясь за маячащим впереди зелёным «опелем». За чередой деревьев обнаружился небольшой склон с крутым спуском. Внизу виднелась пустая полоса дороги, выходящей на оживленную трассу.

«Опель» рванулся вперед, вспахав носом снежный пласт, и покатился со склона, набирая ход. Через несколько секунд он залетел на дорогу, развернулся, прощально мигнул фарами, и помчался к трассе. Ненадолго остановился, пропуская летящую машину, повернул и влился в поток транспорта.

— Надеюсь, у него всё получится, — вздохнул капитан, наблюдая за уезжающей машиной. — Давай, Гельмут, спускаемся.

Немец привычно кивнул, и аккуратно выжал педаль сцепления. Машина рванулась вперед и покатила по склону. Нас мотало в разные стороны. Капитан уперся руками в бардачок, Я, находясь, сзади, вцепился в спинки сидений, Гельмут с сосредоточенным лицом склонился над рулём, поворачивая его, то в одну, то в другую сторону. Управлял он машиной отлично, виртуозно уворачиваясь от маячащих впереди деревьев и больших кустов. Нашу машину тряхнуло. Мы, наконец, выехали на пустую дорогу. Немец бросил быстрый взгляд на зеркало заднего вида, развернулся и поехал к трассе. Пропустил грузовик «Ман», юркий «Фольксваген Жук» и тоже повернул влево, подальше от поворота с машинами преследователей.

Капитан снова схватился за рацию.

— Багира, прием. Балу на связи.

— Слушаю вас, Балу, — отозвалась рация.

— Мы ушли. Уезжаем дальше по трассе. Ориентиры, — Сергей Иванович глянул в окно, увидел табличку «München 700 km» и продолжил, — Направление — Мюнхен. Тут ещё табличка на дороге висит, что до него 700 километров. Сейчас аккуратно уезжайте, чтобы не

привлечь внимание наших друзей, едите по этой трассе, никуда не сворачивая. На связь выходите в крайнем случае, чтобы не разряжать рации. Мы будем вас ждать на ближайшей заправке или кафе. Найдёте нас по машине. Вопросы есть?

— Нет.

— Как обстановка?

— Пока всё спокойно, сидят в машинах.

— Отлично, тогда ждем вас. Конец связи.

— Выезжаем. Роджер.

— Гельмут, тебя по этой машине вычислить могут? — спросил капитан, откладывая рацию в сторону.

— Наверяд ли, — усмехнулся немец. — Я её по подложным документам брал. Ещё парик одел и очки с простыми стеклами. И менеджеру отличные чаевые кинул, чтобы сильно не придирался. Он думает, что я машину взял, чтобы тайно с любовницей уикенд провести. Так что быстро не найдут.

— Это хорошо, — кивнул Сергей Иванович. — Если что, уходи со всеми своими в ГДР. Мы поможем. Способы связи знаешь, а ребят я предупрежу, чтобы посодествовали. А там тебя тоже одного не оставят. Я с Петром Ивановичем поговорю, а он с Вольфом, чтобы прикрыли, помогли тебе и твоим близким обустроиться.

— Спасибо, Сергей — Гельмут на секунду оторвался от дороги, глянул на сидящего рядом капитана. В глазах обычно невозмутимого коммуниста мелькнул огонёк благодарности.

— Буду иметь в виду. Если станет совсем горячо, обязательно воспользуюсь твоим предложением.

— Договорились, — улыбнулся капитан.

Машина летела вперед, жадно пожирая километры. Через сорок минут вдали показалась заправка. На её территории раскинулся небольшой магазинчик, вместе с кафе для водителей, решивших немного передохнуть, выпить чашку кофе и перекусить.

— Здесь остановимся, подождём ребят, — решил Сергей Иванович.

Кафе встретило нас пустыми столиками. Дородная барменша в белом переднике, напоминавшая буфетчицу с советских плакатов, приветливо улыбнулась.

Сергей Иванович перекинулся с нею несколькими фразами и вручил несколько купюр. Затем мы сели за столик, выбрав место рядом с прозрачным окном-витриной, чтобы наблюдать за окружающей территорией.

Барменша принесла на подносе чашечки с дымящимся кофе, сахарницу, тарелку, полную сэндвичей с зеленью и ветчиной, небольшой горшочек с бульоном, в котором плавали толстенькие баварские колбаски, распространяющие одуряющий мясной запах. К этому всему прилагались, небольшие щипцы, чтобы их было удобно вытаскивать, три миниатюрных ножика и пиала с горчицей.

Еда оказалась выше всех похвал. Сэндвичи — свежие и мягкие. Тонко порезанная ветчина таяла во рту. Горячие колбаски в сочетании с острой горчицей оказались шедевром германского кулинарного искусства. Когда мы с Сергеем Ивановичем придвинули к себе чашки кофе, Гельмут неожиданно поднялся.

— Сигареты в машине оставил, пойду, покурю, — улыбнулся он, заметив наши недоуменные взгляды.

— А ты что, куришь? — удивился я. За всё время, пока мы ездили, я ни разу не видел,

чтобы он доставал сигареты.

— Немного. Иногда после сытного обеда или ужина тянет, — признался немец. — Вы пока кофе пейте, а я подымлю на улице.

— Хорошо. Мы тоже минут через пять-десять выйдем, — ответил капитан. — Будешь брать сигареты, Попробуй с ребятами связаться. Может, они уже на подходе.

— Свяжусь.

Через минуту Гельмут был уже в машине. Дернул рукой, открывая бардачок и доставая спрятанную там рацию. Затем пригнулся вперед, пряча её от посторонних глаз.

— Разговаривает, — довольно заметил капитан, отпивая кофе. — Видишь, губы шевелятся. Значит, вышел на связь с ребятами.

Немец что-то ответил, выслушал невидимых собеседников, затем уложил рацию обратно в бардачок. Повернул ключ, заводя машину, и два раза махнул нам рукой, предлагая быстрее выходить.

— Что-то случилось, — озабоченно произнёс Сергей Иванович. — Идём.

Капитан встал, улыбнулся, и прощально взмахнул рукой, что-то приветливо ответившей на немецком буфетнице и быстрым шагом пошел к двери. Я зашагал следом. Мы уже подходили к машине, как на дороге показались знакомые очертания красной «джульетты». Машина мчалась, по трассе, но увидев нас, вильнула на обочину и резко остановилась на другом конце дороги. «Форд» идущий сзади, чуть не врезался в неё и вылетел на встречную, чудом избежав столкновения. Автомобиль притормозил, из него выпрыгнул истошно орущий пузатый дядька. Толстяк был настроен решительно, несся вперед к «альфа-ромео», держа в руках длинную деревянную дубину. Из «джульетты» выбралось четверо высоких крепких парней. Один из них махнул рукой с зажатой в ладони «корочкой» документа и коротко пролаял фразу на немецком. Пузан злобно сплюнул, что-то крикнул в ответ, развернулся и гордо зашагал к своей машине.

— Они представились сотрудниками ВКА, аналога ФБР в Америке, — тих проинформировал Сергей Иванович, замерший возле «мерседеса», — Пока бежать не будем. Стрелять тоже. Сначала узнаем, что им нужно. Наши ребята, судя по разговору Гельмута, где-то недалеко и находятся на связи. Если что, вырубаем их и уходим. Ты стой и молчи, пока я разговариваю. Когда скажу «йя» берешь на себя ближайшего.

— Сделаю, — пообещал я.

Остальные трое быстрым шагом приближались к нам. Четвертый, отвлекшийся на разборку с водителем «форда», захлопнул дверь и присоединился к ним.

Шедший впереди мужчина лет 40-ка с породистым, чуть вытянутым лицом вскинул руку с зажатым документом. Я только успел увидеть «Bundeskriminalamt», фотокарточку этого типа и имя «Rudolf Meier» под надписью «полизей».

Мужик закатил небольшой монолог на немецком. Слух уловил только «Альфред Маккой». Сергей Иванович, улыбаясь, ответил. Полицейский нахмурился и взял его под руку, что-то коротко рявкнув. Его спутники приблизились и напряглись. Один из них, подхватил меня за локоть. Краем глаза увидел, что четвертый, постучал в окно к Гельмуту и жестом пригласил его выйти из машины.

Ещё заметил, что на дороге показался знакомый серый силуэт. Фольксваген притормозил метрах в пятидесяти от нас, не доезжая до заправки. Полицейские стояли спинами к нему, были заняты нами, и машину не заметили. Крепкий круглолицый полицейский, выше на полголовы, что-то злобно прорычал, дернув меня за локоть.

Я напрягся.

«Сейчас начнётся».

— Йя, — широко улыбнулся Сергей Иванович, в ответ на короткую команду собеседника и подталкивание к машине.

Я покорно двинулся вперед, сделал вид, что споткнулся, и начал падать на круглолицего. Полицай инстинктивно схватился за меня, помогая удерживать равновесие. Мои руки обхватили воротник плаща сотрудника БКА, резко рванули его на себя. Одновременно резко вплепил лбом навстречу приближающему лицу, сминая переносицу. Хрустнула кость, голова полицаия мотнулась назад, глаза закатились, он опрокинулся назад, встречаясь затылком с асфальтом. Я чуть попридержал падающее тело, добавил ему прямым в подбородок и аккуратно уложил на землю. Полицай лежал в глубоком ауте, закатив глаза, переносица улетела вбок, из ноздрей тонкими струйками сочились ручейки крови.

Сергей Иванович тоже сработал отлично. Первый получил, локтем в солнечное сплетение, и был резко брошен в объятия второго. Полицейские повалились на землю, капитан всадил ботинком в голову «вратаря», и припал на одно колено, точно пробив костяшками за ухом, свернувшегося калачиком и задыхающегося первому полицая.

Гельмут до сих пор дрался со своим противником. Выйти он смог без труда, резко всадив дверью по голеним визави. Но тот стоял слишком близко, и сильного удара не получилось, его просто чуть отнесло в сторону. Полицейский попробовал отбежать, его рука нырнула за пазуху. Но Гельмут не дал ему достать ствол, рыбка прыгнув на соперника. Теперь они, яростно рыча и ругаясь, катались по снегу. Немцу приходилось несладко. Он оказался внизу, и разозлённый блондинистый полицай яростно дубасил, вцепившегося в него и не дающего достать оружие, коммуниста. Я прыгнул к нему и пробил ногой сбоку в голову раздухарившегося полицейского. Башка блондина резко дернулась, и он безжизненным кулом повалился на Гельмута. Коммунист, ругаясь, отбросил его в сторону и, шатаясь, поднялся, оперевшись на мою руку. Выглядел немец хреново. Под глазом расплывался большой фингал. Пока он был красным, но скоро должен был налиться синевой. Из губ и носа ручейками текла кровь, пятная куртку.

— Валим отсюда, — ко мне подскочил Сергей Иванович, и подхватил Гельмута под другую руку.

— Шмонать их не будем? — показал я взглядом на лежащие фигуры.

— Некогда, — бросил капитан. — Я своего обыскал, документы забрал, а с остальными нет времени возиться. Это же Германия, оживленная трасса. Буфетчица или кто-то из магазина уже побежал звонить в полицию. Уходить срочно надо.

Вдвоём погрузили немца на заднее сиденье, капитан вручил ему пачку салфеток, прыгнул за руль, повернул, уже вставленный в замок зажигания ключ, я уселся рядом, и машина, взвывая мотором, тронулась с места. Серый «Фольксваген», чуть помедлив, двинулся за нами. Через пять минут, мы свернули с основной трассы на небольшую дорожку, уходящую к частному заповеднику, о чем было написано на установленном у дороги табличке с плакатом. Быстро перегрузились в горбатый «фолькс» где нас радостно встретили Алла и Вася. Капитан щедро окропил бензином из канистры «мерс», проделал от него длинную прозрачную дорожку, кинул туда спичку, и прыгнул в подъехавшую машину. В заднем стекле полыхнуло огнём, осветив поляну с горящей машиной. Уже через минуту, когда мы уже неслись по трассе, до нас донёсся глухой хлопок взрыва.

— Вилли, давай к Герхарду, он здесь недалеко живёт, — прогундосил Гельмут,

высмаркивая в салфетку остатки кровавых сгустков.

— Хорошо, дядя, — кивнул парень, всматриваясь в трассу. — Главное, поворот не пропустить.

— Кто это такой, Герхард? — поинтересовался капитан.

— Надежный человек, — ответил немец. — Он уже старый, сейчас работает лесником. Живёт в отдалённом доме, километрах в пятнадцати отсюда. Лично знал Тельмана, являлся членом коммунистической партии Германии. Дрался с коричневорубашечниками, ненавидел нацистов. В конце 30-ых годов был вынужден бежать из страны. Воевал в Италии, в составе партизанских бригад. После окончания войны вернулся на родину. Коммунистические взгляды сохранил, но от активной деятельности отказался. Нам периодически помогал, прятал людей у себя. Ни разу не подвел. Мы там чуть посидим, приведем себя в порядок, возьмём машину Герхарда, у него американский джип, отвезем вас в отель.

— Так и сделаем, — одобрил капитан. — Сегодня же закажем билеты, а завтра улетим из Гамбурга. У нас ещё куча других дел.

— Сергей Иванович, думаете, это настоящие полицейские были? — спросил я.

— Не думаю, а знаю, — улыбнулся ГРУшник. — Не настоящие.

— Почему?

— Вот поэтому, — капитан достал из кармана толстое портмоне, и парочку тоненьких кожаных книжечек. — Смотри.

Развернул первую книжечку. На одной стороне большой позолоченный жетон, на другой надпись крупными чёрными буквами «ФБР». Над ней «Отдел национальной безопасности». Ещё что-то небольшими буквами, а под ними, «Джон Гриффин» и в самом низу «специальный агент».

— Вопросы есть? — ухмыльнулся капитан.

— Интересно, что американским федералам понадобилось в Германии? Они же не могут вести деятельность за пределами Америки?

— Правильно, — довольно кивнул Сергей Иванович. — Не могут. И корочки эти для прикрытия, скорее всего, постоянно с собой таскали и в Германию захватили. Это ЦРУ. Гляди.

Капитан повернул другой стороной вторую «корочку». На обложке золотой орлан распростер крылья. На щите под ним синяя эмалированная полоска с надписью «ЦРУ». Развернул книжечку. И тут ещё один герб поменьше и не такой выпуклый, и само удостоверение. Тот же «агент Джон Гриффин», но уже не «специальный», а «полевой».

— Думаю, после свидетельских показаний Альфреда в Конгрессе об участии военных и ЦРУ в наркотрафике, они неформально следили за ним, даже в Австралии, — продолжил капитан — А тут Маккой неожиданно срывается в Германию. Естественно, в ЦРУ переполошились, но при этом особенной опасности не чувствовали. Какую угрозу может представлять обычный учёный и его собеседники? Это же не обдолбанные крэком черные гангстеры из Гарлема, правда? Поэтому и подошли к нам без обнаженных стволов. Майер, который на самом деле Гринффин, попросил проехать с ними и дать свидетельские показания. Мол, тот человек, с которым мы беседовали, опасный преступник и террорист. Нас пока ни в чём особом не подозревают, просто просят рассказать, о чем разговаривали. Как я понимаю, после того как мы бы дали показания и ответили на вопросы, нас могли попытаться завербовать, чтобы «стучали» на этого Маккоя или сделали какую-то

провокацию против него. Я решил проверить степень их решимости, и вежливо отказался проехать с ними, сказал, что очень спешу, и предложил заняться этим позже. Ну а дальше, ты всё видел. Одно скажу, эти ребята просто не ожидали от таких действий от знакомых Маккоя. Расслабились за годы слежки за такими как Маккой. Поэтому мы с ними так легко и справились. Если бы были наготове, запросто могли бы положить кого-то из нас.

8-11 января 1979 года

Гамбург-Канны

События ночи 8 января запечатлелись в моей памяти калейдоскопом ярких картинок. Встреча с Маккеем, уход от преследования, драка с сотрудниками ЦРУ, сожжение машины, поездка по заснеженной трассе к дому лесника, конспиративная квартира и приезд в отель, сегодня, по происшествии двух дней, уже казалось чем-то далеким и нереальным.

Карл оказался колоритным дядькой. Высокий, худой, жилистый, с хмурым породистым лицом и руками-лопатами он произвел на меня впечатление. А молчаливостью, невозмутимостью и основательностью вызвал симпатию. Даже когда нашу машину увидел и нас встретил, ни один мускул на лице старика не дрогнул. Как будто это абсолютно нормально, что вечером к нему в дом приезжает машина, переполненная незнакомыми людьми. Дед спокойно напоил нас чаем, выслушал просьбу, кивнул и пошел заводить свой джип. Алла поколдовала над Гельмутом, приводя его физиономию в более-менее пристойный вид. Немцы погрузились в фольксваген и поехали впереди, контролируя обстановку. Мы на джипе Карла — за ними. В случае какой-то нездоровой суеты полиции или усиленных постов на дороге, Гельмут должен был предупредить по рации. Возвращались мы другим путем, объезжая место драки с полицией, но все равно были настороже. К счастью, ничего подозрительного не заметили, и спокойно въехали в город. На конспиративной квартире, снова переоделись в уже привычную одежду, а Алла поработала над гримом, возвращая нам респектабельный образ состоятельных англичан. Затем Карл повез нас к отелю и предусмотрительно высадил в паре кварталов от него. Стволы тащить в отель мы не собирались, поэтому всё оружие осталось у Гельмута, Вилли и в джипе Карла.

Ранним утром капитан ушёл на встречу с агентом. Вернувшись, сообщил, что Лео Блаватский в Лондон не прилетит. У него возникли срочные дела в США. Шалманович сегодня вечером уже будет в Каннах. Поэтому командир заказал через службу отеля билеты до Парижа.

Весь перелет я продремал. После приключений в Гамбурге, накопилась моральная усталость, и просто хотелось полежать в кресле с закрытыми глазами и ни о чём не думать. Затем мы сели на поезд, и за десяток часов добрались до Ниццы. Там взяли такси и поехали заселяться в отель. Ушлый таксист подсказал, что имеются апартаменты в отеле «ИнтерКонтинентал Карлтон». И если у месье есть деньги, лучше заселиться туда. Гостиница действительно оказалась великолепной. Даже внешне поражала своей роскошью, напоминая сказочный дворец Гаруна-аль-Рашида из «Тысячи и одной ночи» или помпезный замок европейского монарха.

В разгар курортного сезона или Каннского фестиваля, номера бронировались заранее бизнесменами, звездами кино, эстрады и другими представителями международной элиты, и снять здесь апартаменты было невозможно. Зимой всё было наоборот, и у нас никаких сложностей не возникло. Мы сразу заселились в огромный номер с большой верандой и просторными комнатами с видом на море. Мне даже досталась отдельная спальня с громадной кроватью, раскинувшейся на всю середину помещения.

Утром капитан с Аллой отправились на встречу с местными агентами, пообещавшими задействовать в операции людей из «Красных бригад». А мы с Василием почти весь день провели в номере, смотря местные программы по большому телевизору и только вечером

немного прогулялись по набережной.

Сергей Иванович с оперативницей вернулись поздно. И сразу предложили нам пройтись пешком по городу. Благо снега на юге Франции не наблюдалось, и погода радовала комфортной температурой.

Мы спустились на пустынный пляж. Народа почти не было, только в отдалении прогуливалась пожилая парочка. Там и поговорили, наблюдая за беспокойным Средиземным морем. Капитан изложил план действий. Мне он понравился, но смутил только один вопрос.

— Сергей Иванович, а вы не подумали, что привлекая даже несколько человек из своей агентуры и «Красных бригад» увеличиваете вероятность провала?

— Подумал, — коротко ответил капитан. — Но здесь придется рискнуть. Без местных не получится всё организовать. Тем более что с ними связались заранее, обрисовали варианты, и всю подготовительную работу они уже провели. В операцию частично посвящены два человека. Я их хорошо знаю, работали раньше. Люди проверенные, я им доверяю. Не на сто процентов, конечно, но на девяносто, точно. Каждый владеет информацией, касательно той части плана, в которой будет задействован, без ненужных подробностей. Остальные исполнители до последнего момента ничего знать не будут. Перед заданием получают общие инструкции и будут выполнять указания. За ними будут присматривать, чтобы никуда не отлучались и всё время находились на виду. Таким образом, риск проблем сведен к минимуму. Только эти ребята могут нам помочь сделать всё так, как нужно.

— Понял, — кивнул я. — Вы хорошо всё продумали. Если нас американцам или местным не сольют, должно сработать.

— Тоже так считаю, — кивнул капитан.

— Все должно быть нормально, — поддержала его Алла. — Я внимательно наблюдала за товарищами со стороны, ничего подозрительного не заметила. И люди такие, с биографией. Сдать не должны, во-первых, идейные. Во-вторых, у нас на них убойный компромат....

— Алексей, хватит витать в облаках, — раздался тихий голос рядом. — Шалманович уже прибыл в казино. Вон садится за стол со своей спутницей. Кстати, обрати внимание. За его спиной, возле колонн, двух крепких мужиков в двубортных костюмах видишь? Это его телохранители.

Я оторвался от воспоминаний и проследил за указывающим взглядом Сергея Ивановича. Генрих Шалманович впечатлил своим экзотичным видом. Вылитый вождь краснокожих, этакий, Чингачгук Большой Змей. Курчавые черные волосы по бокам зачесаны назад, рассыпались волной по плечам. Но при этом видно — уложены хорошим парикмахером, мастером своего дела. Гордый орлиный нос, волевой подбородок, легкая брутальная небритость, резко контрастировали с опущенными в уголках печальными и выразительными карими глазами, смотрящими на мир со всей многовековой скорбью богоизбранного народа. Диссонанс был столь разительным, что я нечеловеческим усилием воли сдержался, чтобы не заржать во весь голос.

Внезапно его лицо расплылось, стало нечетким, как люди рядом и всё окружающее пространство. Очередное откровение выстрелило в мозг пулеметной очередью сведений, цифр, фактов и образов из жизни фигуранта. И теперь я украдкой рассматривал Шалмановича, сидевшего в другом конце зала за спиной капитана, с гораздо большим

интересом.

Генрих оказался действительно уникальной личностью. Необычной, загадочной и неординарной. В моей первой жизни он был расстрелян через 16 лет после штурма Белого Дома, ставшего для меня роковым. Мерседес бизнесмена обстреляли в Москве из двух автоматов. В Шалмановича попало 18 пуль, и он ожидаемо скончался. Большинство своих тайн бизнесмен и бывший кассир КГБ унёс с собой в могилу. Его убийство так и не раскрыли.

Это о нём знаменитый главарь мафии Брайтон-Бич Марат Балагула говорил:

«Очень умный, грамотный и способный человек, но от таких людей надо держаться подальше».

Не менее известный Слава Япончик считал Шалмановича своим другом и компаньоном, несмотря на биографию, достойную агента её Величества Джеймса Бонда. Генрих родился в маленьком городке Литовской ССР. Дед, ещё до революции, был владельцем продовольственного магазина, а также руководил местной еврейской общиной. Мать — главный бухгалтер мясокомбината, отец — заместитель директора завода резинотехнических изделий. Естественно, при таких «золотых» предках молодой талант без проблем закончил Политехнический институт в Каунасе. А потом год отслужил в Советской армии, и был принят в разведшколу КГБ. После этого кураторы с удовольствием отпустили молодого сотрудника вместе с родителями на историческую родину. В 1971 году Шалманович обустроивается в Израиле. Спустя небольшое время становится талантливым и удачливым бизнесменом, разрабатывающим месторождения драгоценных камней и других полезных ископаемых в Ботсване, Сьерра-Леоне и других африканских странах, одновременно занимаясь строительством. Он был настолько удачливым, что за короткое время стал при поддержке своих кураторов из КГБ мультимиллионером. Шалмановича активно использовали для отмывания денег на Западе, а также в других схемах КГБ и Международного отдела ЦК КПСС. Он стал самым крупным «кассиром» советских офшоров в Европе, Азии и Африке. Немалую роль в его возвышении сыграли талант бизнесмена, умение стратегически мыслить и выстраивать долгосрочные комбинации, приносящие немалую прибыль. Кроме того, Генрих, прошедший подготовку у лучших преподавателей КГБ, являлся коммуникабельным человеком, и мог, используя своё природное обаяние и умение находить общий язык с любым человеком, завязывать нужные контакты среди европейской элиты. В моей первой жизни западные спецслужбы разоблачили его как советского шпиона. В 1988 году израильский суд приговорил Шалмановича к 9 годам тюремного заключения за шпионаж в пользу СССР, но через пять лет под давлением общественности, советских, а потом и российских видных политиков, его помиловали...

— Что скажешь, о нём? — тихо спросил капитан.

— Шалманович расколется, — так же негромко ответил я. — Такой тип человека. Да он волевой, но абсолютно беспринципный. Больше всего на свете ценит себя любимого. Если поверит, что сделают инвалидом или убьют, расскажет всё. Главное, чтобы это было достаточно убедительно. Прежде всего, для самого Шалмановича. Если ему не оставить выбора, и при этом предоставить шанс оправдаться перед своими кураторами, Генрих заговорит.

— Отлично, тогда работаем, — капитан развернулся, улыбнулся и отсалютовал бокалом шампанского оперативнице, о чем-то беседующей с Василием. Алла призывно улыбнулась и эротично изогнулась, давая возможность оценить приятные выпуклости под облегающим

вечерним платьем.

А за столом Шалмановича продолжалась игра. Генрих регулярно «заряжался» шампанским, которое ему подносила спутница — эффектная шатенка в синем брючном костюме. Она снимала бокалы с подносов официантов, благо шампанское для игроков было бесплатным, один выпивала сама, вторым угощала своего ухажера. Периодически девушка повелительно показывала пальчиком, куда делать очередную ставку, стоя за спиной Генриха, и он послушно сдвигал лопаткой горку фишек в нужное место. Когда все ставки были сделаны, крупье бросал шарик, и игроки напряженно наблюдали, как он, весело стуча, прыгал по вертящимся красно-черным полям рулетки.

— Он скоро в туалет пойдет, видишь, сколько шампанского глушит. А там Вася его оприходует, — очень тихо сказал капитан, улыбаясь.

— А если не получится? — поинтересовался я.

— А если не получится, тогда очередь Аллы настанет. Помнишь, что делать должен?

— Страховать.

— Правильно. Выдвигайся на позицию.

Я кивнул, рассмеялся, по-приятельски хлопнул капитана по плечу, обошел пару столов, подхватил у официанта бокал с вином. Замер, облокотившись на колонну, изображая игрока, ожидающего, пока очередное место возле рулетки освободится. Выбрал такую позицию, чтобы всё необходимое пространство прекрасно просматривались.

Через пять минут Шалманович, сидящий ко мне спиной, решительно встал, наблюдая за последними скачками шарика по останавливающейся рулетке. Краем глаза отметил, что Вася неторопливо выдвинулся поближе к дверке с табличкой WC и нарисованным мужским силуэтом над ней. Генрих дождался неутешительного результата, что-то сказал спутнице и направился в туалет. Вася, стоявший совсем недалеко от ватерклозета, решительно взялся за ручку, вежливо посторонился, пропуская выходящего седовласого джентльмена, и растворился в пространстве комнаты.

Шалманович тем временем схватил за руку своего охранника, пожелавшего зайти в туалет перед своим шефом, и что-то раздраженно выговаривал ему.

Похоже, запретил проверять кабинки и пространство. Это неправильно, но объяснимо. Генрих, как умный человек, понимает, что люди в казино достаточно непростые и с солидными деньгами. Нищebroды сюда не ходят. Посетители хорошо «разогреты» бесплатным спиртным. Некоторые из них, особенно из «золотой молодежи», могут и кокаином «заправиться» в туалете для «усиления ощущений». Какую реакцию вызовет телохранитель, проверяющий кабинки и стоящий недалеко от своего шефа, пока он справляет малую нужду? В лучшем случае искренний смех и похабные шутки. В худшем, могут скандал устроить, в драку полезть или службу безопасности казино вызвать, а то и своих охранников и друзей к разборке подключить. Вот Шалманович и пытается исключить подобное развитие событий. На это мы и рассчитывали.

«Кассир» закончил выговаривать упрямо набычившемуся телохранителю, решительно отстранил его, и вошёл в туалет.

* * *

Туалетная комната сверкала отдраенной до блеска плиткой и зеркалами. Генрих пристроился возле писсуара и приспустил штаны. Бизнесмен не заметил, что за ним наблюдают через приоткрытую щель кабинки.

Спустя десяток секунд он натянул брюки и завозился с застёжкой. Сзади зашумела

спускаемая вода. Из кабинки вышел брюнет лет 25-ти в черном смокинге. Он сделал шаг, споткнулся и навалился на Генриха всем телом, хватаясь за коммерсанта руками. Шалманович ощутил укол в запястье и похолодел. Дернул плечами и локтями, скидывая тело чужака, и развернулся.

— Извините, мистер, — приветливо улыбнулся парень и затараторил, — не хотел, перебрал немного с шампанским, вот ноги и заплетаются.

«Поговору вроде англичанин», — подумал Генрих, с некоторой брезгливостью рассматривая брюнета. — «На ГБшника вроде не похож».

Коммерсант бросил короткий взгляд на уколотое запястье. На поврежденном месте имелась крошечная царапинка.

— Это я вас случайно поцарапал, — смущенно признался парень, подняв руки ладонями вверх. На белоснежных манжетах сверкали, переливаясь искорками света, бриллиантовые запонки. Камни в них были настоящими, достаточно крупными и очень дорогими. Генрих, занимающийся добычей алмазов, сразу это увидел.

— Осторожнее надо быть, — буркнул Шалманович, окончательно успокоившись.

— Простите, я же говорю, случайно вышло, — сконфужено пробормотал брюнет.

«Кассир» проигнорировал его извинения, прошел мимо, умыл лицо, сполоснул руки и вышел из туалета.

Василий ухмыльнулся, залез левой рукой в рукав правой, аккуратно подхватил пальцами висящую на резинке ручку, вставил её во внутренний потайной карманчик. Затем подошел к раковине, побрызгал на лицо водой, встряхнулся и решительно открыл дверь.

* * *

Через минуты три Генрих вышел в коридор, что-то недовольно сказал телохранителю, и пошел к своему столу, на котором увлеченно двигала фишками шатенка. Бизнесмен тяжело плюхнулся на стул, дождался, пока шарик упадет в черную ячейку и сразу же включился в игру, отправив девушку за очередным шампанским.

Из туалета вышел Василий. Парень выглядел расслабленным и довольным жизнью, как большинство гостей казино.

«Получилось», — мысленно выдохнул я. — «Осталось подождать минут двадцать».

Я еще немного постоял, облокотившись на колонну, затем сыграл партию в «блекджек», усевшись за свободный столик, сделал вид, что раздосадован неудачей, и встал, резко отодвинув стул. Прошелся мимо столов и снова «случайно столкнулся» с капитаном. Мы подхватили шампанское с подноса, проходившего мимо официанта, и отошли в сторону.

— Всё, у Васи получилось. Они с Аллой уже в машине в полной боевой готовности. Через десять минут начнется самое интересное. Действуем по плану.

Я молча кивнул. Вскоре капитан пошел в гардероб, чтобы взять свой плащ и моё пальто. Я остался на месте, с бокалом шампанского. Делал вид, что слежу за игрой на столах, краем глаза наблюдая за Шалмановичем.

Ага, началось. Генрих побледнел, неожиданно встал, схватился рукой за горло, пытаясь сорвать галстук-бабочку, пошатнулся. К нему бросились телохранители, но опоздали. Шалманович нелепо взмахнул руками и рухнул на пол, чуть не сбив сидящую рядом пожилую даму.

— Человеку плохо, вызовите врача кто-нибудь, — истерично завизжала сорокалетняя молодая женщина в полупрозрачном золотистом платье. Я выбежал из зала и полетел вниз по ступенькам, к поджидающему меня у гардеробной стойки капитану.

— Эндрю, ты почему так долго? — поинтересовался он, держа в руках моё пальто.

— Там человек умирает, — проигнорировав вопрос, заорал я в лицо гардеробщику. —

Нужно вызвать «Скорую», срочно! Телефон сюда, живо!

Растерявшийся гардеробщик достал из-под стойки телефон.

— Номер ближайшей клиники, — не сбавлял напор я.

— Сейчас, — побледневший мужик достал телефонную книгу с несколькими закладками, раскрыл её на нужной странице, и подвинул ко мне.

— Черт, я французский не знаю, — растеряно пробормотал я. — Что им говорить?

— Дай сюда, — капитан вырвал у меня трубку, глянул в книгу, набрал номер, и затараторил по-французски. Выслушал ответ, сказал ещё несколько слов, пробормотал «ben j'attendrai» и повесил трубку. Затем повернулся ко мне.

— Сейчас приедут.

— Господа, вы уже вызвали «Скорую»? — раздался голос за спиной капитана. Сергей Иванович развернулся.

— Да, — кивнул капитан. — Они сказали, сейчас выезжают.

— Понятно, — невозмутимым голосом ответил мужчина в смокинге. — Я сам это хотел сделать. Но вы меня опередили. Похвально, месье, быстро среагировали.

— А как иначе? — пожал плечами Сергей Иванович — Все мы люди. И не должны оставаться равнодушными в таких ситуациях.

— Похвально, — повторил администратор, повернулся к гардеробщику и отчеканил фразу на французском.

Мужчина за стойкой кивнул и спрятал телефон обратно.

— Месье, а что там с тем джентльменом, которому стало плохо? — поинтересовался я. — Очухался?

— Нет, — невозмутимо ответил администратор. — Его уже осмотрели. Один из гостей оказался врачом. Похоже, ишемический инсульт или инфаркт. Будем ждать «Скорую».

Мы остались у гардероба, перекидываясь короткими фразами между собой. Даже оделись и вышли на улицу, чтобы встретить медиков.

Через пять минут подъезжающий фургон «Скорой» мигнул фарами, и остановился, не доезжая до входа в казино. Очень удачно стал, загородив «астон-мартин», на котором мы приехали.

Открылась задняя дверка и на асфальт спрыгнули два санитар с переносными носилками. Спереди выбрался невысокий полноватый человечек с чемоданчиком. Санитары быстрым шагом рванули ко входу, толстячок семенил за ними.

Врач обменялся несколькими французскими фразами с капитаном. Затем Сергей Иванович повернулся ко мне.

— Эндрю, подожди меня здесь, я проведу врачей в зал.

— Хорошо, Стив, — кивнул я.

Ждать пришлось недолго.

Через три минуты показалась процессия с носилками. Санитары бодро тащили бледного Шалмановича. Бизнесмен был без сознания, только иногда судорожно подергивал рукой или ногой. Охранники шли следом, оживленно разговаривая с врачом.

— Эндрю, идём, поможешь уложить больного, может понадобится наша помощь, — подхватил меня под локоть подошедший капитан.

— Окей, Стив, — кивнул я.

Мы зашагали к «Скорой», рядом с продолжающими препираться врачом и телохранителем.

— Да, я хочу увидеть ваши документы, — мрачный как грозовая туча бдительный телохранитель, никак не хотел успокаиваться. — И желательно до того, как мы его погрузим в машину.

Мысленно я отдал должное его профессионализму, почуявшего что-то неладное. И туалет хотел осмотреть, и сейчас не растерялся. Действует правильно, несмотря на обстоятельства.

Второй секьюрити угрюмо кивнул.

— Правильно, Джек.

— Да в машине они, — недовольно пробурчал толстяк. — Я вам уже показал бейдж, что вам ещё надо? И учтите, тратить время на выяснение с вами отношений я не собираюсь. Каждая секунда промедления может стоить вашему боссу жизни. Поэтому стоять с носилками, пока вы рассматриваете документы, никто не будет. Можете проехать с нами и увидеть всё своими глазами.

— Хорошо, — секунду поколебавшись, кивнул Джек. — Дэн, заходи в машину вместе с санитарями, а я быстро гляну документы, и поеду следом.

— Гуд, — буркнул второй телохранитель.

Санитары открыли заднюю дверь. Капитан вместе с Дэном поддерживали носилки, помогая затащить Шалмановича в фургон.

Джек вместе с доктором повернули к передней двери. Теперь со стороны казино разглядеть, что творится за развернутой боком машиной, было невозможно.

— Показывайте ваши документы, док, — потребовал телохранитель. Он остановился, не подходя к автомобилю, расстегнул пиджак и, на всякий случай, наплечную кобур с виднеющейся в полумраке рукоятью пистолета. Но руки опустил. Подозреваю потому, что мог очень быстро выхватить ствол.

— Сейчас, — засуетился толстяк. Он стянул с сиденья портфель, открыл крышку и зашелестел бумагами. — Одну секунду.

А Джек тем временем повернулся ко мне, уловив движение.

— А тебе чего здесь надо? — процедил он. — Твоя помощь не понадобилась. Можешь идти обратно.

Задняя дверь с грохотом захлопнулась, на секунду отвлекая его внимание.

Воспользовавшись моментом, я пробил «кошачьей лапой» справа. И не попал. Чертовянки уклонился отработанным движением корпуса, и молниеносно влепил правой навстречу. Я хлопнулся на асфальт, на инстинктах скрутив корпус в последний момент, и с ужасом ощущая, как начинает гаснуть сознание...

11 января 1979 года

Франция. Канны — Средиземное море

Ощущение надвигающейся катастрофы яростной волной ударило по сознанию, не позволяя окончательно уйти в забытие. Голова раскалывалась, в глазах плавал туман, но я каким-то чудом сумел остаться в сознании. Два негромких хлопка заставили меня похолодеть. Зрение немного прояснилось, и я увидел, как на рубашке американца расплываются кровавые пятна. Джек пошатнулся, из его руки выпал, сверкнув в полутьме сталью, пистолет, и с металлическим лязгом стукнулся об асфальт. Телохранитель мягко осел на мостовую. Хлопнул третий контрольный выстрел, и голова американца брызнула кровью, вперемишку с серой кашицей мозга и кусочками костей. Толстяк обвел взглядом улицу, держа наизготовку пистолет с глушителем. Обернулся к машине, забросил портфель в кабину рядом с сиденьем водителя, и подскочил ко мне, протягивая руку.

— Товарищ, вставать, — пробормотал он на плохом русском. Я оперся на ладонь мужчины, и начал подниматься. Меня ещё пошатывало, но голова понемногу прояснялась. Кулак с пистолетом, нырнул подмышку, и он одним движением поставил меня на ноги, помог забраться в машину и сам залез следом, заставив меня пересесть на сиденье рядом.

— Джузеппе, поехали! — скомандовал капитан.

— Sì, compagno^[11], — отозвался толстяк и повернул ключ в замке зажигания. Зажужжал мотор, и машина двинулась с места.

— Леша, ты в порядке? — в глазах Сергея Ивановича светилась тревога.

— Относительно, — честно признался я. Голова ещё побаливала и немного кружилась, а в теле чувствовалась слабость. Покойный Джек обладал поставленным ударом и отличной боксерской техникой. Чуть-чуть не хватило, чтобы отправить меня в глухой нокаут.

— Сам ходить-бегать сможешь?

— Да, думаю, без проблем. Через пару минут окончательно приду в себя.

— Хорошо, — кивнул капитан.

В салоне Шалманович по-прежнему лежал без сознания. Но уже на кушетке. Рядом с ним на полу валялся в глубоком нокауте второй телохранитель. Руки мужчины предусмотрительно завели за спину и сковали наручниками, а в рот засунули кляп. Санитары спокойно сидели на скамейке, тихо переговариваясь по-итальянски.

Спереди ехал наш «астон мартин». Как только фургон с санитарями подкатил к казино, он переместился на соседнюю улицу. Алла и Вася вышли из машины и вели наблюдение, не привлекая внимание. Они должны были нас страховать, но вмешаться не успели. Слишком быстро всё произошло. Когда мы тронулись с места, они поехали спереди.

«Астон» свернул в темный переулок. За ним повернула «Скорая». Объехала остановившийся автомобиль и тормознула спереди.

— Товарищ, никого, — поглядев в стекло и зеркало, проинформировал толстяк.

Капитан глянул на часы:

— Минут через пятнадцать Шалманович очухается, — озабоченно сообщил он. — Двигаться и говорить толком не сможет ещё часик, но в сознание придёт.

Сергей Иванович указал взглядом на дверь.

— In questo momento, amico, — пробасил один из санитаров, крепкий долговязый мужик.

Его напарник отворил дверцу фургона, они подхватили ничего не соображающего Шалмановича под руки и потащили к «астон-мартину».

— Пошли, — скомандовал капитан. Мы вылезли из «Скорой», и двинулись за санитарями.

Бессознательный Генрих был посажен на заднее сиденье. Сергей Иванович согнал Василия с места водителя, сел за руль сам. Алла осталась на месте — рядом с ним. Мы с Васей расположились по бокам, поддерживая Шалмановича с двух сторон.

Второй санитар, невысокий крепкий брюнет с черными кудрями, выбивавшимися из-под медицинской шапочки, убедившись, что всё в порядке, вскинул сжатый кулак в прощальном жесте:

— Mordi e fuggi!^[12]

Затем наши помощники развернулись и быстро пошли к «Скорой». Джузеппе тем временем пересел в скромный «фольксваген жук», припаркованный немного дальше, на противоположной стороне дороги.

Первой из переулка выехала «Скорая». Чуть позже взревел мотором «жук», два раза призывно мигнул фарами и тронулся с места, обогнув «астон мартин». Сергей Иванович двинулся следом.

— Осталось доехать до порта. Он недалеко. Минут за десять, примерно, доедем. Пока не очутимся на яхте, не расслабляемся, оружие держим наготове, — предупредил он, сосредоточенно наблюдая за дорогой.

Наш автомобиль держался в метрах десяти позади «жука». Мы придерживали пытающуюся завалиться вперед тушку «кассира», плечами и руками, одновременно контролируя обстановку. Залитые желтым светом фонарей безлюдные улицы вместе с одинокими машинами проносились мимо. Периодически попадались фигурки куда-то идущих людей, парочка компаний молодежи в отдалении, но по большей части, улицы были пустынными.

Современные дома, сменились низенькими средневековыми зданиями, мелькнула даже крепостная стена из серого камня, с развевающимся на башне трёхцветным французским стягом.

— Замок Шато-де-ла-Кастр, — пояснил капитан, заметив в зеркале, что я провожаю крепость заинтересованным взглядом. — Построили монахи Леринского аббатства. Именно он дал название всему городу. Видишь, он возведен на холме, а вершина на наречии кельтов и лигурийцев называется «канн». Во время французской революции в нём была тюрьма и госпиталь, позднее керамическая фабрика. Около Старого порта, куда мы направляемся, хватает исторических зданий с интересным прошлым.

Мы катились вниз по извилистым узеньким улочкам, неровно вымощенным булыжником, лавируя между нависшими темными тенями домов, чуть ли не в притирку объезжая какие-то тележки, мусорные баки, подскакивая по неровной дороге, усеянной выступами, с неожиданными поворотами и примыкающими каменными лестницами для пешеходов.

Шалманович пару раз чуть с размаху не треснул лбом о спинку переднего сиденья, Вася успел среагировать. Приходилось крепко держать бессознательную тушку «кассира» и самим сохранять равновесие.

— Сергей Иванович, если бы я не доверял вашему опыту, решил бы, что нас привезли в засаду, — заметил я, обозревая окружающую местность. — В этих трущобах ночью убить

могут, никто даже не почешется. Перекрыть дорогу и пути отступления очень легко. Идеальное место для расправы или захвата.

— Перестань, — отмахнулся капитан. — Ле Сюке один из самых древних районов города. Он почти весь такой. Мы едем в Старый порт наиболее безопасной дорогой. По-другому, увы, никак не получится.

Наконец наша машина вынырнула из извилистых улочек квартала. От панорамы порта захватывало дух. Вся бухта была усеяна полосками пирсов, с сотнями пришвартованных судов: обычных лодок, больших и маленьких белоснежных яхт, катеров различных размеров.

— Заезжать с центрального входа мы не будем, — продолжал инструктировать капитан, управляя машиной. — Порт находится на виду. Здесь слишком много домов, охрана, многие матросы и капитаны ночуют на своих судах. Подъедем с другой стороны. Чуть дальше находится местный яхт-клуб, к нему ведет отдельная дорога. Нам — туда.

— Там же охрана или сторож обязан быть, — напомнил я. — Вы говорили, что каждый момент операции продуман, но все равно...

— Правильно мыслишь. Сторож есть, куда же без него, — усмехнулся Сергей Иванович. — Этот момент тоже учтен. Сегодня вечером им занялись. Нет, никто его не бил и не вязал, зачем? Просто вином со снотворным напоили. Должен сейчас дрыхнуть в своей каморке без задних ног. Шлагбаум закрыт на замок, но ключ обещали положить под большим камнем чуть в стороне. Я же говорю, всё продумано и организовано, спасибо нашим местным товарищам.

— А «Скорая» откуда? — поинтересовался я.

— Деньги и связи местных творят чудеса, — ответил капитан. — Один из «красных» медбрат. И как раз постоянно дежурит на «Скорой». Его машина официально на профилактическом ремонте. Мы ему деньги дали, он начальника гаража банально подкупил. Сказал, что к нему знакомые обратились. Попросили приболевшую бабу, которая не ходит, с родового поместья в город перевести. Якобы, чтобы здесь её лечить.

— Тогда сразу вопрос возникает, — вмешался в разговор Василий. — Чего они просто не заказали машину коммерческой клиники и не морочили себе голову? Если бы лично мне такое зарядили, я бы не поверил.

— И это учтено, — добавил Сергей Иванович. — Наш агент рассказал, что это из-за наследства. Мол, внучка её забирает к себе, потому что старую уморили своей заботой остальные родственники. Бабу, мол очень богатая и они ждут не дождутся, когда она на небеса отправится. А внучка её очень любит и хочет бабулю вытащить из этого змеиного клубка. Бабуля согласна, все бумаги подписала, но скандала опасаются. Поэтому все хотят тихо сделать.

— И что, начальник поверил? — уточнил Вася.

— А куда он денется? — капитан весело подмигнул внимательно слушавшей Алле. — Наш парень на хорошем счету. А деньги начальнику гаража очень нужны. У человека жена, две любовницы, четверо детей и всех кормить надо. Взял слово, что проблем из-за этой бабки не будет, и отдал машину на несколько часов. Зато начальник теперь по уши замазан. Из-за денег злоупотребил своим положением, и никому не признается, что давал машину.

— Похоже, русские и итальянцы родственные народы, — заржал молодой оперативник. — У них и у нас всё можно сделать и достать из-под полы. Только у них за деньги, а у нас — за бутылку.

— Перестань, — оборвала веселье Алла. — Не на курорте анекдоты травишь. Не

расслабляйся, теряешь концентрацию. И другим настрой сбиваешь. Сделаем дело, можешь хоть оборжаться.

Вася замолк.

— Думаете, начальник нас не сдаст, если на него выйдут? — осторожно уточнил я. — Что-то в это не верится. Тем более, что похищение и убийство — преступления серьезные. Все на дыбы станут.

— Сдаст, конечно, — со вздохом признал Сергей Иванович. — Куда он денется? Понятно, что, если возьмутся как следует, расколуют. Но чтобы машину найти и начальника допросить, время нужно. А нас уже через тридцать-сорок минут здесь не должно быть.

— А ребята-санитары, толстяк и другие кто с нами сотрудничал, мы их не подставили?

— С моими товарищами всё договорено, — посуровел командир. — В случае проблем, пути отхода показаны. И помощь необходимую окажем, вплоть до перевозки в ГДР или на Кубу. Мы своих людей не бросаем. Даже тех, кто были на подхвате, вывезем, если мои люди попросят. Нам такие бойцы и агенты всегда нужны. А с учетом будущих разборок с Западом — вдвойне. Работы в Европе, Африке и на других континентах всем хватит.

Объехав причалы, мы повернули за «жуком» на неприметную дорогу. Через пару минут подкатили к порту с другой стороны. Дорогу, как и говорил капитан, перегородил шлагбаум. Ехавший впереди Джузеппе выскочил из машины, секунду покрутился возле него, сделал пару шагов, ботинком перевернул крупный камень у дерева, удовлетворенно хмыкнул, нагнулся и подобрал ключ. Через минуту мы уже въехали на территорию порта.

— Оа, ыэ, — проблеял внезапно открывший глаза Шалманович. Из открытого рта бизнесмена свисала длинная капля вязкой пузырящейся слюны, которая через секунду размазалась жирным потоком на расстегнутой белоснежной рубашке.

— Очнулся уже? — капитан повернулся, оглядел «кассира» и брезгливо поморщился. — Мда.

— Вырубить его? — деловито спросил Вася. — А то, как бы чего не вышло.

— Не надо, — ответил Сергей Иванович. — Я же говорил, он ещё долго от воздействия препарата отходить будет. Ходить нормально и внятно говорить не сможет. Наоборот, легче будет его транспортировать.

— Как скажете, — пожал плечами парень. — Моё дело предложить.

«Жук» остановился, не доезжая до первого пирса. Толстяк выбрался из машины и быстрым шагом пошел к стоящей в отдалении яхте, на белоснежном боку которой было выведено английскими буквами «Анна-Мария».

— Вытягивайте его из машины, берите под белы ручки и тащите на корабль, — распорядился капитан.

Через минуту они с Аллой шагали по причалу. Мы с Васей шли следом, закинув руки Генриха на плечи. «Кассир» еле волочил ноги, бекал, окал и мекал, не отдавая себе отчёта, где он находится.

Джузеппе уже подошёл к яхте и что-то крикнул. Ему сразу же ответили. На борту появился седой загорелый бородач в синей куртке. Он нагнулся, подхватил широкую деревянную доску-сходни и выставил её мостиком между яхтой и землей. Капитан передал толстяку ключи от «астон-мартина» и первым взбежал по планкам-ступенькам. Вторым пошёл Василий, подхвативший Шалмановича под колени и забросивший себе на плечо.

«Силён», — отметил я, наблюдая за оперативником, шустро поднимающимся на яхту с тяжелым грузом. Затем я галантно пропустил Аллу вперед, сделав приглашающий жест

ладонью, но оперативница подхватила меня за локоть и подтолкнула к сходням.

— Не выпендривайся. Я — последняя.

Пришлось подчиниться. Алла появилась на палубе через десяток секунд после меня. Бородач поднял сходни на яхту. Шалманович сидел возле Сергея Ивановича и Василия, уставившись в пол бессмысленным взглядом.

Толстяк завозился со швартовочным канатом, распутал его и бросил концы в море. «Анна-Мария» начала медленно отплывать от берега. Куда-то исчезнувший бородач, появился на лестнице, ведущей в технические помещения, и стал за штурвал. Заработал мотор, и яхта прибавила ходу.

— Buona fortuna! Arrivederci!^[13] — крикнул нам вслед Джузеппе, помахав ладонью!

— Addio amico mio!^[14] — откликнулся капитан.

— Бай! — я вскинул ладонь в ответном жесте.

А Вася просто помахал толстяку.

— Василий, берем его, — капитан подхватил Шалмановича подмышку, старлей взялся с другой стороны и они потащили его вниз, в сторону жилых помещений. Мы с Аллой остались на палубе.

Яхта лавировала, обходя пришвартованные суда и пирс. Темная фигурка Джузеппе, стоящего на причале, стала еле видна, а потом исчезла совсем, слившись с темным маревом ночи. Огни порта ещё светились маленькими тусклыми огоньками. Через минуту пропали и они. Мы вышли в открытое море.

* * *

Когда мы зашли в небольшую каюту для экипажа, куда поместили пленника, Шалманович явно пришёл в себя. Он сидел на топчане, сторбившись, и думал о чём-то своем. Поднятая правая рука прикована к железному стержню, торчащему из стены и поддерживающему верхнюю полку.

В мятом смокинге, красными глазами с полопавшимися капиллярами, растерянный и поникший, Генрих уже не напоминал того холеного и самоуверенного бизнесмена в казино. Даже не сразу поднял голову, когда клацнул замок и в комнате появились мы.

— Кто вы такие, и что вам от меня надо? — глухо спросил он, глянув на нас и сразу отведя взгляд. — Денег?

— Не совсем, — улыбнулся капитан. — Хотя и от денег не откажемся. Нам нужны показания.

В глазах Генриха зажегся огонёк беспокойства.

— Ничего не понимаю, — буркнул он. — Какие показания? О чём?

— О планируемом государственном перевороте в Союзе и смене конституционного строя, — любезно подсказал капитан. — Вы один из самых крупных агентов Комитета, управляющих денежными потоками, полученными от продажи нефти и других экспортных товаров Советского Союза, контактируете с заговорщиками и в курсе их дел.

— Вы меня с кем-то путаете, — пробормотал Шалманович. — Учтите, я гражданин Израиля. Моё похищение вам с рук не сойдёт.

— Во-первых, то, что ваше похищение организовано именно нами надо ещё доказать, — презрительно ухмыльнулся Сергей Иванович. — Во-вторых, на кону стоит судьба моей Родины. Поэтому на возможные скандалы и последствия, мне, и тем, кто стоит за мной, абсолютно наплевать. Повопят на Западе и утрутся. Переживем, не в первый раз. А если Моссад будет возникать, так мы через западную прессу опубликуем кое-какие документы.

Например, выдержки из вашего личного дела, заведенного в разведшколе КГБ, которую вы закончили после института и ещё несколько любопытных документов. Они докажут, что в Израиле вы работали на КГБ. Это не очень хорошо и этично, согласен. Но вам и другим заговорщикам надо было думать о том, куда ввязываетесь, заранее. С такими как вы, все средства хороши.

— А у вас есть эти документы? — пробормотал побледневший Генрих.

— Конечно, есть, — улыбнулся капитан. — Приедем в Союз, я вам их лично предъявлю.

— Что вы от меня хотите?

— Показаний. Честных и правдивых. Как финансовые потоки перекачивались на Запад, вашу роль в перевороте и скупке советских активов, когда он пройдет. Кто задействован, как всё это будет осуществляться, с перечислением каждого этапа и самых мельчайших деталей.

— Кто вы такие? — прямо спросил Шалманович.

— Те, кто не позволит вам уничтожить страну, — туманно ответил Сергей Иванович. — Думаете, все решено, все предатели? Ошибаетесь, есть много людей, которые не позволят вам разрушить страну. В том числе на самом верху.

— Товарищ, — Генрих сделал ещё одну попытку. — Не знаю, о каких заговорщиках вы говорите, и кто вам вообще рассказал эту ересь. Да, я имею отношение к КГБ. Своими идиотскими действиями вы срываете важную операцию, инициированную лично председателем КГБ — товарищем Андроповым, и будете за это отвечать по всей строгости закона. Рассказывать подробности я не имею права. Свяжитесь с Евгением Питоврановым, заместителем Главы Торговой Палаты, или с Георгием Карловичем Циневым, надеюсь, знаете кто он такой. Он должен быть в курсе. Можете хоть до самого Юрия Владимировича подойти, чтобы вопросов не оставалось. Надеюсь, вы же не будете утверждать, что председатель КГБ участвует в этом, как вы говорите «заговоре». Вы вообще представляете последствия того, что сделали?

— Представляем, — хищно улыбнулся капитан. — И это нас абсолютно не пугает. Скажу больше, да, я считаю, что Андропов не только участвует в заговоре, он его возглавляет. Ещё вопросы будут?

— Вы меня убьете? — глаза у Шалмановича потускнели, лицо обессилено обмякло. — Такие вещи живым не говорят.

— Пока не собираемся. Все будет зависеть от вашего поведения, — пояснил капитан. — Если дадите показания, перебежать обратно уже не сможете.

— Что в лоб, что по лбу, — пробормотал Генрих. — Вы же понимаете, что, если даже вы не убьете, то после того, как я начну говорить, мне не жить?

— Наоборот. Только показания спасут вашу жизнь. Вы станете ценным свидетелем, которого мы будем оберегать. И вообще, у нас такое не практикуют, но у меня есть полномочия пообещать вам так называемую сделку с правосудием, как в Америке. Мы представим всё дело так, что вы изначально были нашим агентом и работали против заговорщиков. Или раскаялись, сами вышли на нас, чтобы предотвратить переворот. Возможны любые варианты. Если начнёте сотрудничать с нами, даже сидеть не будете.

— А если я откажусь?

— Мы все равно получим ваши показания. Вколем ударную дозу болтунчика. Знаете, что это такое? — усмехнулся капитан. — Можете остаться дураком на всю жизнь. Тогда нам придется вас ликвидировать. Но это будет вашим выбором.

— Не надо вкалывать болтунчик, — ответ дался Генриху с трудом. — Я буду говорить.

Всё расскажу. Но у меня есть два условия.

— Какие?

— Первое, обеспечите мне надежную охрану и гарантии безопасности. Я хочу жить. Второе, выпустите меня из Союза, когда дам показания и подтвержу их перед членами Политбюро, следователями или другими людьми. Подготовьте документы для легализации, поможете изменить внешность и отпустите. В СССР я жить не хочу. Может быть не сразу, а спустя некоторое время, но отпустите.

— Первое условие принимается сразу и безоговорочно. Охраной обеспечим, — кивнул капитан. — Даю слово. Другой гарантии у меня для вас нет. Что касается второго условия...

Капитан на секунду задумался и честно признался:

— Я не могу решать такой вопрос самостоятельно. Не мой уровень компетенции. Но обязательно поговорю с руководством и посодействую в этом вопросе. Это всё, что я могу обещать.

— Хорошо, — коммерсант вздохнул и отвел глаза. — Пусть будет так.

Я на мгновение отметил мелькнувшую на его лице тень удовлетворения. Похоже, Шалманович вторым условием, ещё и прощупывал почву. Если бы капитан сразу же согласился и начал уверять, что его без проблем отпустят, попутно суля золотые горы, Генрих бы понял, его используют, а потом, возможно, ликвидируют. Потенциальным мертвецам можно давать любые обещания, все равно их исполнять не придется.

«Продуманный и умный тип», — мысленно отметил я. Конечно, даже такой ответ Сергея Ивановича, не гарантия того, что всё так и будет, но шансы Шалмановича остаться живым и выбраться из этой передраги, немного повышает. Пора мне тоже вмешаться в диалог. Пусть не думает, что мы о нем мало знаем.

— У нас, в свою очередь есть ещё одно дополнительное условие, — добавил я.

Капитан покосился на меня, но промолчал.

— Какое? — напрягся Генрих.

— Если у нас с капитаном получится договориться с руководством, чтобы вас отпустили на Запад, вы предварительно поделитесь с нами деньгами. В швейцарских банках Credit Suisse AG, Zürcher Kantonalbank, Wegelin & Co у вас открыты анонимные счета и арендованы ячейки. В них чемоданы с наличкой и мешочки с алмазами, золотом и платиной из Ботсваны и Сьерра-Леоне. Отдадите часть нам. Вернее не нам, а государству, и ступайте на все четыре стороны.

Брови коммерсанта изумленно взлетели, глаза чуть не вылезли из орбит, рот на секунду непроизвольно приоткрылся и сразу же захлопнулся.

— Откуда, ты... простите, вы знаете? — охрипшим голосом пробормотал он.

— Работаем, — довольно ухмыльнулся капитан, кинув на меня предостерегающий взгляд.

— У вас там на добрых пятнадцать-двадцать миллионов долларов добра припрятано. Пожертвуете половину стране, и езжайте себе куда хотите.

— Да вы меня за такие деньги завалите, — криво ухмыльнулся, немного пришедший в себя бизнесмен.

— И не собирались, но вас же, понимаю, просто слова не устроят? — уточнил я. — Можно обговорить гарантии. Например, отдаете часть денег нашему человеку. Он покидает с ними банк, а вы там остаетесь. Затем забираете остальное, просите, чтобы вам вызвали охрану, доезжаете до нужного места в сопровождении бойцов на бронированной машине, а

потом исчезаете. Это просто, как пример. Все нюансы можно обдумать и обговорить позднее.

— А если я прямо там, в банке на помощь позову? Вы об этом не думали? — с издевкой протянул Генрих.

— Умрётё первым. Вас можно убить за долю секунды голыми руками. Даже одним пальцем, если знать, как и куда бить, — спокойно ответил я.

— Тридцать процентов, — нехотя буркнул «кассир». — Больше отдать никак не могу. Мне же ещё на новом месте обустроиваться надо, бизнес открывать, жить на что-то.

— Сорок пять и по рукам, — улыбнулся я.

— Так, насколько я понимаю, принципиальное согласие поделиться получено? — капитан вопросительно глянул на коммерсанта. Тот вздохнул и кивнул.

— Тогда обсуждать проценты будем позже, давайте перейдем к делу.

— У меня ещё один вопрос. Можно задать? — неожиданно спросил коммерсант.

— Конечно.

— Сейчас мы находимся на яхте. Владелец, явно, человек не бедный. Такие люди обычно в авантюрах не участвуют и на такие преступления не идут. Подозреваю, что вы просто угнали яхту ради моего похищения. Не бойтесь, что она уже объявлена в розыск, и через час-полтора на палубе появятся бойцы НОКС^[15]?

— Не боюсь, — усмехнулся капитан. — Яхта не угнана. Хозяин — иностранец. Он прилетает в Канны только летом, чтобы поучаствовать в регате и покатать девочек. Все остальное время корабль находится в распоряжении Луиджи. Хозяин разрешает ему пользоваться яхтой, выводить её в море, даже периодически катать на ней богатеньких клиентов. У них свои договорённости. Так что, никто её не хватится. Мы смогли спокойно подготовиться к акции и перевезти сюда всё необходимое. Так что, погони с выстрелами и своего освобождения из плена можете не ожидать. Его не будет. Я ответил на ваш вопрос?

— Да.

— Тогда давайте начинать. Через четыре часа мы должны подняться на борт «Бывалого». До этого времени вы обязаны дать показания. Времени в обрез.

— Хорошо, — вздохнул Шалманович. — Давайте, начнём.

Капитан повернулся к Алле и Василию.

— Несите камеру, диктофон и ручку с бумагой, быстро. Одна нога здесь, другая там.

* * *

Ночная хмарь уже сменилась серым полумраком рассвета. Неважно чувствующий себя после препарата и длительного допроса продолжавшегося три с лишним часа Шалманович отдыхал в своей каморке. Василий и Алла сидели в каюте с рацией. Бородатый Луиджи по-прежнему стоял за штурвалом. Когда капитан предложил его подменить, итальянец объяснил, что он прекрасно выспался днём и сейчас полон сил и энергии. Я стоял рядом с Сергеем Ивановичем. Капитан напряженно всматривался в бинокль, обозревая раскинувшуюся перед нами водную гладь.

— Ну где этот «Бывалый»? Должен же уже появиться, по координатам, мы уже на месте, — бурчал капитан, продолжая водить окулярами по сторонам.

— Сергей Иванович, вы же с нашими полчаса назад по рации связывались, — напомнил я. — Вы же всё время были невозмутимы, а сейчас нервничаете.

— Потому что, самый ответственный момент, — пробурчал ГРУшник, оторвавшись от бинокля. — От него полностью зависит успех операции.

— Меня тоже сейчас немного мандраж бьет, — признался я. — Может ещё и погода влияет, и отходняк после операции.

Вдруг я увидел на горизонте еле заметную черную точку.

— Сергей Иванович, глядите, по-моему, там что-то появилось. По правому борту смотрите.

Капитан быстро приложил бинокль к глазам.

— Точно. Это «Бывалый». Дождались, — голос Сергея Ивановича чуть дрогнул.

Капитан повернулся ко мне.

— Зови наших. Пусть выходят, выводят Шалмановича, и рацию с собой захватить не забудут.

— Слушаюсь, — я, светясь от распирающей радости как новогодняя гирлянда, отдал честь и рванул со всех ног к лестнице, ведущей в каюту.

Василий и Алла уже выходили из каюты с двумя маленькими и одной большой сумкой, в которую была уложена рация.

— А мы уже к вам поднимались. — улыбнулась оперативница. — Только что наши на связь вышли, ещё раз широту и долготу уточнили, сказали что подплывают, чтобы все были наготове.

— Надо ещё Шалмановича вывести, — озабоченно сказал я.

— Алла, ты тогда поднимайся к товарищу капитану наверх, а мы этим займемся, — предложил Василий.

— Ладно, — кивнула женщина.

Коммерсант встал моментально, заспанный и измученный. Видно не отошёл ещё от воздействия парализующего препарата. Но сразу же дисциплинированно пошел с нами.

Так и вывели его на палубу. Первым поднялся я, затем Шалманович, замыкал нашу троицу старлей. Корабль уже подошел совсем близко, сбавил ход, а потом вообще замер, качаясь на воде. Бородач, управляя штурвалом, подошел к носу эсминца вплотную и остановился возле левого борта чуть ли не в притирку. Сверху с корабля сбросили трос. Его сразу поймал Вася. Затем прилетела веревочная лестница, подхваченная Аллой.

— Давай, Генрих, твоя очередь, — капитан заткнул рот Шалмановича кляпом, натянул на голову мешок, вытасенный из сумки. — Гордись, поедешь наверх, как король с комфортом.

— Зачем? Мы же договорились, — просипел «кассир».

— Договорились, — подтвердил капитан, заводя ему руку за спину и защелкивая на запястьях наручники. — Всё в силе. Моя задача, довезти тебя в целостности и сохранности. Вот и боюсь от неожиданностей. Вдруг ты решишь прыгнуть в воду и утонуть, кто тебя знает. Или драку на борту устроишь, разбудишь товарища особиста, который сейчас спит крепким сном, или морячков. Нам этого не надо.

Шалмановича обвязали веревкой на спине и подмышками, два раза дернули за трос и «кассира» начали быстро поднимать. Когда он поднялся почти к самому верху, двое дюжих матросов схватили его и затащили на палубу.

— Всего доброго, друзья, — пожелал нам на чистом английском бородач, неслышно подошедший сзади.

— Прощай, Луиджи, попутного ветра тебе, — вздохнул капитан, и пожал руку итальянцу.

Алла крепко обняла и поцеловала в щеку забавно покрасневшего морского волка.

Мы с Василием тоже пожали итальянцу руку.

— Первой идёт Алла, за ней Алексей, потом Василий, последним я. Лезем по очереди Строго по одному. Пока первый не окажется на корабле, второй не начинает, — распорядился капитан.

Алла схватилась за веревку и бодро полезла вверх, шустро перебирая ногами по веревочным ступенькам, как настоящий моряк. Ветер теребил куртку, дергал аккуратно завязанные резинкой волосы, оперативница продолжала двигаться наверх, не обращая на это внимание. Когда она стала на палубу, карабкаться по веревке начал я.

Никаких проблем не возникло, и я быстро долез до борта, там меня подхватили крепкие руки улыбающихся парней в бескозырках. Через секунду я оказался на корабле, среди приветливых родных лиц.

«Наши, наконец-то. Как же здорово снова оказаться дома».

Хотелось что-то восторженно заорать, обнять моряков, схватить улыбающуюся Аллу в охапку и закружиться по палубе от переполняющих душу эмоций. Удар Джека до сих пор давал о себе знать, но мне было наплевать на ноющую тупую боль. Все тревоги, погони, драки, постоянное нервное напряжение остались позади, в туманных Каннах и заснеженном Гамбурге. Скоро снова придется рисковать и сражаться с заговорщиками. Но сегодня мы справились, победили, выполнили задание, и что самое главное, вернулись домой. Еще одна важная часть работы по спасению страны сделана. У нас всё получилось!

11 января 1979 года

Турин. Пьяцца Сан-Карло. Кафе «Torino»

Печчеи любил центральную площадь Турина. Для Аурелио Сан-Карло была олицетворением древней истории, красоты и величия родного города.

В 15 веке сюда перенесли столицу герцогства Савойя, и город обрел вторую жизнь. В семнадцатом столетии начались работы по созданию площади и возле неё стали появляться роскошные дворцы и особняки в модном тогда стиле «барокко». Здесь все дышало аристократичностью и величавой красотой поздней эпохи Ренессанса. Центр площади украшал монумент знаменитому Эммануэлю Филиберто — герцогу Савойи и графу Пьемонта, известного под прозвищем «Железная Голова». Полководец и реформатор восседал на коне в полном рыцарском доспехе, и вытаскивал из ножен меч. Скульптору удалось изобразить горделивую осанку Филиберто и поймать движение, идущего шагом жеребца.

Церкви-близнецы Сан-Карло и Сан-Кристина, отделенные друг от друга узкой улицей, были возведены по приказу Кристины де Бурбон — дочери Марии Медичи и Генриха «Четвертого» Наваррского. С фундаментальными колоннами, пышной лепниной и барельефами, фигурками святых и огромными овальными окнами, они завораживали взгляды не только многочисленных туристов, но и итальянцев, приехавших в город по своим делам.

Трехэтажные огромные дворцы Palazzo Solaro del Borgo и Palazzo Guido Villa построенные богатейшими аристократическими семьями Италии того времени, с портиками, галереями и старейшими кафе города, тоже создавали неповторимый исторический образ города. Печчеи обожал это место, оно наполняло его особой энергией, дарило вдохновение и хорошее настроение.

Поэтому, когда ему позвонил Гвишиани, Аурелио сразу же предложил встретиться в «Caffè Torino» на площади Сан-Карло.

Без пятнадцати два черный «Aston Martin Lagonda» бесшумно подкатил ко входу в кафе, привлекая внимание окружающих своими необычными угловатыми формами и длинным клиновидным кузовом. Мощный, похожий на медведя, водитель Витторио, являющийся одновременно телохранителем Печчеи, остановил машину, выпрыгнул из автомобиля и галантно открыл дверь шефу, привычно стрельнув глазами по сторонам. Ничего настораживающего он не заметил. Недалеко проходила парочка оживленно болтающих туристов, пожилой мужчина в длинном пальто до пят увлеченно снимал окружающие достопримечательности, щелкая кнопкой фотоаппарата. У входа в кафе, за одиноким столиком, вынесенным наружу, сидела седая леди, неторопливо смакующая кофе.

«И чего её в январе на улицу понесло?» — озадачился Витторио. — «Когда летом здесь сидят толпы туристов, это понятно. А зимой? Ещё и столик вынесли. Необычно».

Впрочем, старушка никакой опасности не представляла, спокойно сидела, облокотившись на спинку стульчика, пила кофе маленькими глотками, блаженно прикрывая глаза и выдыхая морозное облачко пара, и телохранитель сразу о ней забыл.

Аурелио уже шел ко входу в кафе, чуть замешкавшийся телохранитель двинулся следом, прикрывая шефа со спины и поглядывая по сторонам. Печчеи вошел в портик с колоннами, привычно переступил через символ города — бронзовое изображение быка, выбитого на

каменной плите, наступив ботинком на копыто животного. Среди коренных жителей Турина существовало поверье: если стать ногой на любую часть тела этого животного за исключением брюха, можно загадать любое желание и оно обязательно сбудется.

Печчеи не особо верил в подобные суеверия, но каждый раз приезжая пообедать или поужинать в любимое место, обязательно «задевал» часть тела быка. На всякий случай, чтобы привлечь удачу. Это уже стало обязательной традицией посещения «Caffè Torino».

Когда основатель Римского клуба и один из самых известных и богатых людей города зашел в кафе, стоящий у стойки мэтр, о чём-то беседующий с барменом, повернулся, увидел гостя, расплылся в широкой улыбке и поспешил навстречу.

— Сеньор Печчеи, счастлив вас видеть, — зашебетал он, всем своим видом демонстрируя дружелюбие и радость.

— Привет, Марко, — величественно кивнул миллионер. — Человек, с которым у меня назначена встреча, появился?

— Конечно, пять минут назад, — сразу же ответил метрдотель. — Как вы просили, мы сразу провели его на второй этаж, усадили за ваш любимый столик у окна. Предложили на выбор кофе с круассаном или вино «Бароло» с фруктовой нарезкой.

— Сказали, что за мой счёт? — уточнил Печчеи.

— А как же. В первую очередь.

— И что он выбрал?

— Вино с фруктами. Сидит тихонько потягивает напиток из бокала и ждёт вас.

— Понятно, спасибо, Марко.

— Вас проводить?

— Не нужно, — усмехнулся Аурелио. — Минут через пять пришли официанта, мы сделаем заказ.

— Хорошо, сеньор, — поклонился мэтр.

Печчеи с телохранителем поднялись по широкой винтовой лестнице. Гвишиани, смуглый мужчина с седыми волосами, зачёсанными назад, и щегольскими усиками, сидел у окна, с бокалом в руке, с задумчивым видом обзревая открывшуюся перед ним живописную панораму площади.

Когда Печчеи с водителем зашел на этаж, он повернулся и заметил новоприбывших.

— Mio amico!^[16] — радушно воскликнул коммерсант, раскинув руки. Ещё мгновение назад мерцавший в его глазах холодный, настороженный блеск исчез, сменившись теплотой и бурно выражаемой радостью. Только опытный психолог за блеском белоснежной улыбки и показным радушием мог уловить еле заметную фальшь.

— Привет! Рад тебя видеть, дружище, — ответил на английском Джермен. Он тоже излучал доброжелательность и счастье от встречи со старым товарищем. Такое же неискреннее, как и у Печчеи. Но два опытных интригана знали правила игры, и абсолютно не обманывались, оценивая эмоции друг друга.

Аурелио и Джермен сердечно обнялись и расцеловались в щеки, как принято между итальянцами при встрече с родственниками и друзьями. Телохранитель, по знаку босса, уселся за соседний столик.

— Как доехал, нормально? Без происшествий? — поинтересовался Печчеи.

— Отлично, — Гвишиани пригубил вино из бокала, и на секунду прикрыл глаза, наслаждаясь вкусовой палитрой напитка. — Всё, как всегда. Без происшествий и проблем. Ты же знаешь, благодаря Андропову, железного занавеса для меня не существует.

Пропускают как дипломата, сразу, даже багаж не досматривают.

— Это хорошо, — кивнул коммерсант. — Я слышал у Андропова возникли небольшие проблемы.

— Небольшие, — подчеркнул Джермен. — Пока всё идет, как задумывалось, за некоторым исключением.

— Как мне сказали, за последний месяц-полтора ГРУ провела большую чистку, — заметил основатель «Римского клуба». — Арестовали много американских и английских агентов в своих рядах. Даже Калугина взяли, а он нам был необходим, для реализации плана.

— Это, конечно, плохо, — поморщившись, признал Гвишиани, — но не критично. Главное, что Олег успел принять яд при задержании. И ГРУшникам уже ничего не расскажет. Ни о сотрудничестве с американцами, ни о работе с нами. Как вы знаете, он был не главной, а второстепенной фигурой. И вывод его из игры в глобальных раскладах ничего не изменит. Что же касается остального, вас проинформировали верно. И тут тоже такая же ситуация. Неприятно, но по большому счёту ни на что серьезно не повлияет. Слишком глубоко зашли все процессы. Нам требуется ещё несколько лет. Сначала, как вы знаете, Андропов должен прийти к власти. Потом планомерно, уничтожить систему управления Союза, окончательно доломать идеологическую машину и разогреть недовольство народа партией до критической точки.

— Правильно, — улыбнулся Печчеи. — Я всегда говорил, и повторю ещё раз. СССР и другие страны соцлагеря надо вскрывать аккуратно и последовательно, как консервы перочинным ножом. И делать это необходимо изнутри. Не забывайте, друг мой, на кону слишком большой куш — треть мировой экономики и ваше вхождение в круг сильных мира сего — международной элиты, стоящей над законами и всеми условностями. Вы можете занять достойное место среди нас — тех, кто управляет этим миром: королей, финансистов, промышленников, потомственных аристократов. В вашем распоряжении будет территория с богатейшими ресурсами на планете. Мешает всему этому СССР. Это камень преткновения, стоящий на нашем пути. И Карфаген должен быть разрушен.

Аурелио замолчал, заметив направляющего к ним официанта.

— Здравствуйте, сеньор Печчеи, — угодливо склонился над столом брюнет в черной безрукавке, безукоризненно отглаженных брюках, белоснежной рубашке, и галстук-бабочке. — Что будете заказывать?

Молодой человек держал ручку и блокнот, готовясь записывать.

— Привет, Бернардо, — кивнул миллионер. — Давай посмотрим.

Он открыл папку «меню» и задумчиво пробежался глазами по спискам блюд.

— Мой друг, позвольте мне сделать заказ за вас? — спросил Аурелио у Гвишиани.

— Конечно, я вам полностью доверяю, — откликнулся Джермен.

— Тогда две порции стейка с печеным картофелем, две брускетты «Капрезе», рекомендую, здесь их отлично готовят, — обратился коммерсант к русскому «другу».

Официант заскрипел ручкой по листу, сосредоточенно записывая заказ.

— Витторио кофе и пару бутербродов принеси. А нам ещё парочку салатов с курицей и авокадо, а также два капучино, когда мы будем заканчивать. Хватит, пожалуй, — решил Печчеи, захлопнув папку.

— Хорошо, сеньор, — кивнул официант, дописал последние строки заказа и развернулся, собираясь уходить.

— Я бы ещё от бокала «мартини» не отказался. Мне говорили, здесь подают отличный

«Россо», — добавил Джермен.

— Бернардо, — крикнул вслед уходящему брюнету глава «Римского клуба».

Официант притормозил и развернулся:

— Слушаю, сеньор.

— Принеси бокал мартини моему другу. «Россо».

— Хорошо, сеньор, — кивнул брюнет.

— Ну как тебе «Турино»? — добродушно спросил Аурелио, — нравится?

— Очень красиво, — признался Гвишиани, окидывая взглядом огромные хрустальные люстры, арку из красного дерева, лепнину на потолке. — Такое впечатление, что попадаешь в другую эпоху. Лет на сто-двести назад.

— Неудивительно, — тонко улыбнулся основатель «Римского клуба». — Это кафе открыто в начале двадцатого века. В нашем городе есть заведения постарше, насчитывающие несколько веков. Стены некоторых из них помнят даже Урбано Раттацци [\[17\]](#) и Фридриха Ницше. Но только здесь хозяева идеально воспроизвели символизм ушедшей эпохи королей и аристократов. Это кафе с особой атмосферой. Оно стало символом моего Турина — величественного и прекрасного, первой столицы объединенной Италии и «колыбели свободы».

Подошел официант, и Печчеи замолчал. Брюнет расставил бокалы: перед Гвишиани — с мартини, а рядом с Печчеи — пустой, наполнил его вином и тихо удалился.

— Ладно, друг мой, прости старика за это небольшое лирическое отступление, просто я люблю свой город, — добродушно сказал Печчеи. Он по-прежнему дружелюбно улыбался, но глаза, ставшие вдруг настороженными и внимательными, выдавали коммерсанта.

— Рассказывай, как там у тебя дела? Двигаются?

— Все нормально, Аурелио. Конечно, двигаются. Ты же знаешь, план, разработанный совместно с вами, принят к исполнению и активно реализуется. Партийные бонзы все больше сажают государство на нефтяную иглу. И уже боятся прогневать коллективный Запад своими недружественными шагами. Перестали поддерживать наиболее радикальные коммунистические движения в Латинской Америке и Европе, стараются быть «своими». А значит, играют по нашим правилам. Специалисты в МИПСА и ВНИИСИ активно готовятся. Бобков лично контролирует процесс подбора кадров, отдавая предпочтение молодым диссидентам, изначально критически настроенным к советскому строю. Разумеется, тем, у кого хватает ума не заявлять о своей оппозиционности открыто. Их взгляды выявляются путем специальных тестов, рацпредложений и откровенных разговоров, что «в стране нужно многое менять». В МИПСА эту публику, как сам знаешь, «доводят до ума». Уже практически выращено целое поколение специалистов: социологов, экономистов, ученых, идеологов, готовых провести необходимые нам преобразования.

Железный занавес треснул. В страну уже вошли представители частного капитала — твой «фиат» и «кока-кола». И это только первые ласточки будущей эпохи перемен. На данный момент у нас уже всё подготовлено к первому этапу — взятию власти. Юрию Владимировичу нужно ещё некоторое время, чтобы решить определенные дела, а потом убрать Брежнева. Он намеревался сделать это позже, но в связи с последними событиями, у нас имеется стойкое ощущение, что нужно поторапливаться. В Союзе обнаружили силы, которые могут нам эффективно противодействовать. Это, прежде всего, начальник ГРУ, генерал армии Петр Иванович Иващутин и его единомышленники. В последнее время он встречался с первым секретарем компартии БССР — Машеровым и членом Политбюро

Романовым. Есть подозрение, что они тоже могут начать действовать против нас.

— Так почему вы не уберете этого Иващутина? — нахмурился Печчеи. — Сами должны понимать. Чем дольше с этим тянете, тем больше проблем возникнет.

— К сожалению, не всё так просто, — вздохнул Гвишиани. — Пытались уже. Не получилось. Ликвидатора взяли. Дал ли он показания, что сейчас с ним, мы не знаем. Его из здания ГРУ куда-то перевезли, куда, неизвестно. Вторая попытка ликвидации Иващутина в этих условиях будет выстрелом себе в висок. Поэтому, мы решили, как можно скорее избавиться от Брежнева, предположительно в конце января, после новогодних праздников. А потом, когда у Юрия Владимировича будет вся полнота власти, можно уничтожить и Иващутина.

— Ладно, — буркнул основатель «Римского клуба», — надеюсь, у вас всё получится. Иначе все наши труды последних лет будут напрасными. А как здоровье сеньора Андропова? Насколько мне известно, оно далеко от идеального? Может нужно ускориться?

— Не буду вас обманывать, сеньор Аурелио, — вздохнул Джермен. — Здоровье Юрия Владимировича не идеально. Давние проблемы с почками, ещё кое-что, озвучивать не хочу. Самое плохое, что мы готовили ему в преемники относительно молодого, но очень перспективного Михаила Горбачева. В случае смерти Юрия Владимировича, он должен был продолжить необходимые реформы. Но нашим противникам удалось его дискредитировать и, естественно, заблокировать продвижение в секретари ЦК. Подозреваю, что с помощью людей давнего противника Андропова — министра МВД Николая Щелокова. Сейчас однозначного преемника Юрия Владимировича нет. Нами рассматривается кандидатура посла СССР в Канаде — Александра Николаевича Яковлева. После устранения Брежнева планируется перевести его в руководство Института Мировой Экономики и Международных Отношений. Предыдущего директора — Иноземцева с этой должности уберем. Юрий Владимирович хочет присмотреться к нему, и, если вопросов не возникнет, начнёт двигать Яковлева в ЦК, а потом и в Политбюро. Раньше ничего решить не получится, к сожалению. Остальные — ненадежны.

— Плохо, — Аурелио скривился, как будто проглотил лимон целиком. — Слишком много в этом слабых мест. В любой момент всё, что мы делали, может полететь в тартары.

— По-другому не получится, — развел руками Гвишиани. — Учтите, и сам наш план, который, кстати, вы прекрасно знаете и одобрили, как уже говорил, рассчитан на несколько лет планомерной и скрупулезной работы. Сразу уничтожить и развалить такую махину как Союз не получится. В Политбюро сидят Щербицкий, Пельше и Гришин. Не говоря уже о Романове. Да и Сулов, этот старый догматик, очень неоднозначная личность. В руководстве армии, если не считать занимающегося производством танков, ракет и самолетов Устинова, Огарков, Ахромеев и множество других советских военачальников, прошедших войну и являющихся патриотами СССР. Они будут сопротивляться. Этих людей надо убрать с постов. За один день такая задача не решается. И общественное мнение подготовить нужно. А делается это постепенно. Самая первая задача — взять власть. Затем «завинчиванием гаек», озлобляем население, настраиваем его против КПСС. Потом запускаем в продажу дешевую водку. На этом фоне «прогрессивные реформы», с открытием кооперативного движения, «гласностью» со шквальной критикой коммунистов, упадут на благодатную почву. Уберем старого идиота Лапина, посадим на телевидение, в главреды «Правды», «Огонька», «Московских Новостей» своих людей, кандидатуры уже есть, или договоримся со старыми, они в большинстве своем будут делать то, что им скажут, и начнём работать. Через

несколько лет информационного прессинга, антисоциалистической и антикоммунистической пропаганды большинство народа будет рукоплескать развалу Союза. Да что я вам рассказываю? Вы же сами это прекрасно знаете, неоднократно обсуждали.

— Для этого надо, чтобы у нас были эти несколько лет, — заметил Печчеи, и отхлебнул из бокала.

— Вот поэтому Юрий Владимирович решил ускорить события и убрать Брежнева в конце месяца, после новогодних праздников, — многозначительно ответил директор ВНИИСИ. — После того, как он станет генеральным секретарем, задача значительно упростится.

Заговорщики заметили подходящего к ним официанта с подносом и замолчали.

Официант быстро расставил перед ними тарелки и незаметно удалился.

— Давай ненадолго отвлечемся от наших проблем и отдадим должное стейку. — Печчеи глазами указал на исходящее паром жареное мясо. — И обязательно попробуй брускетту «Капрезе». Она — божественна...

Из ресторана Аурелио и Джермен вышли только спустя три часа. Сначала верный Витторио, пройдя вперед, распахнул дверь и посмотрел по сторонам. Затем на улице появились, продолжая беседу, Гвишиани и Печчеи.

Над Пьяцца Сан-Карло сгустились сумерки. Дул холодный пронизывающий ветер. Людей на площади заметно поубавилось. Рядом пробежала стайка веселой молодежи. Затем степенно и никуда не торопясь прошла пара средних лет. Метрах в двадцати, у голубого байка «хонда» стояли два мотоциклиста в кожаных куртках: рослый парень и белокурая девушка со спортивной сумкой. Они о чем-то разговаривали, оживленно жестикулируя.

Печчеи автоматически поправил ворот пальто и поежился. Почему-то ему стало не по себе.

— Я поручился за вас перед Дэвидом. Сказал, что у тебя и твоих друзей всё получится. Отрекомендовал, как отличного делового партнера в будущем. Не подведи меня.

— Ты имеешь в виду мистера Рокфеллера? — хрипло поинтересовался Гвишиани, у него сразу похолодело на сердце и пересохло в горле.

— Именно, — улыбнулся Печчеи. — Ты же встречался со стариной Дэвидом на нашем банкете. Сам должен понимать его статус.

Они дошли до машины, водитель открыл дверцу, прыгнул за руль и включил зажигание. «Астон-мартин» довольно заурчал мотором, разогреваясь.

— Тебя подвести? — спросил Аурелио. — Где ты остановился?

— В «Рома э Рокка Кавур», — улыбнулся Гвишиани. — Но подвозить никуда не надо. Я хочу прогуляться по городу. Давно в Турине не был.

— Как скажешь, — пожал плечами Печчеи. Неожиданно его взгляд снова зацепился за мотоциклистов. Парень и девушка закончили спор, натянули каски и прозрачные очки. Мужчина завел злобно зарывавшую «хонду», девушка пристроилась сзади, положив сумку перед собой и крепко обхватив спутника за талию.

Хонда взревела мотором, резко рванула с места, сделала крутой зигзаг, остановившись перед онемевшими Печчеи и Гвишиани. Всё понявший телохранитель распахнул дверь, и начал выпрыгивать из машины, одновременно в полете выхватывая вороненый кольт M1911A1. Но было поздно. В руках у блондинки, появился вытасненный из раскрытой сумки «узи». Её спутник выхватил из-за пояса «ремингтон».

Затрещал «узи», загремел «ремингтон». Горячие гильзы звонкой дробью застучали по

бульжникам мостовой. Изумленный Печчеи увидел, как голова Гвишиани взорвалась кровавым фонтаном, разбрызгивая серую кашу мозгов и кусочки костей. Рядом бесформенным кулем хлопнулся на каменную поверхность Витторио, выронив из руки кольт. И это была последняя картинка, запечатлевшаяся в мозгу Печчеи. Очередь из пистолета-пулемета перечеркнула его наискось, разрывая в клочья дорожную английскую шерсть пальто. Аурелио мягко осел назад, привалившись спиной к угловатой поверхности «астон-мартина».

«Не принёс бык удачу. Чёрт, я похоже умираю»... — мелькнула последняя мысль в угасающем сознании.

Мотоцикл ринулся вперед, остановившись рядом с тремя телами под расплывающимися лужами крови.

Мужчина направил пистолет в голову Аурелио и нажал на спусковой крючок. Голова коммерсанта мотнулась, на лбу появилось небольшое отверстие.

Мотоциклист сунул пистолет за пояс, его спутница кинула узи с дымящимся стволом в сумку. «Хонда» вновь заурчала мотором и полетела вперед, через пару секунд растаяв в одной из узких улочек, прилегающих к Пьяцца Сан-Карло.

11-16 января 1979 года

Средиземное море — Севастополь — Москва — Новоникольск

За мной по лестнице резво забрался Василий. Улыбнулся, заметив стоявшего чуть в стороне невысокого плечистого мужчину в шапке-ушанке с красной звездой и утепленной военной куртке с меховым воротником. Погон и петлиц, информирующих о роде войск и звании, не было.

— Здравия желаю, товарищ майор, рад вас видеть, — молодежато гаркнул парень.

— Перестань, — отмахнулся крепыш и протянул ладонь. — Добрались нормально?

— Так точно. Без происшествий, — подтвердил Василий, пожимая руку майора.

На борт корабля по лестнице уже карабкалась Алла. Моряки сразу же подхватили оперативницу под руки и поставили на палубу.

— Привет, — усмехнулся майор. — Ты по-прежнему, великолепно выглядишь.

А то, — свернула глазами женщина. — Только вот замуж никто не зовет. Стеснительные больно.

Крепыш на мгновение смутился, но сразу же принял невозмутимый вид.

— Здравствуй, Андрей, — после небольшой паузы мягко произнесла Алла. — Рада тебя видеть.

— Я тоже, — улыбнулся уголками губ майор.

Последним на корабле появился Сергей Иванович. Увидел крепыша, и на лице расцвела широкая искренняя улыбка.

— Здорово, Андрей.

— Привет, Серега, — у майора счастливо засияли глаза.

Товарищи крепко обнялись.

Капитан отстранился от друга, оглядел палубу, матросов и спросил:

— А где наш ... гость?

— О нём уже позаботились. Сейчас проведу вас в каюту, расскажу.

— Хорошо, — кивнул ГРУшник...

Нас поселили в небольшой четырехместной каюте. Она была предназначена специально для таких случаев — проживания армейских чинов, непосредственно не относящихся к команде, но временно находящихся на эсминце.

Майор оказался однокурсником, старым другом и боевым товарищем Сергея Ивановича. Как я понял из пространственных намеков в ходе разговора, Василий и Алла тоже с ним работали в Азии и Африке. Для нашей встречи на корабле Ивашутин специально выбрал офицера, знавшего членов нашей маленькой группы. Чтобы переместить его и подчиненного старлея на эсминец была проведена целая операция. Сначала майор и старлей появились на борту «Стерегущего», стоявшего в Конакри. В тот момент они находились в служебной командировке на советской военной базе в столице Гвинеи. Потом, когда «Стерегущий» зашел в порт Алжира, капитан с подчиненным пересели на «Бдительный», возвращавшийся в Севастополь.

Капитан «Бдительного» получил приказ всячески содействовать майору в выполнении секретной операции. Чтобы штатный особист-комитетчик не проявлял чрезмерного

любопытства, накануне нашего появления на эсминце была организована пьянка по случаю дня рождения одного из офицеров.

Когда большинство присутствующих вышло покурить, уже пьяному чекисту в стакан с водкой незаметно капнули специальный препарат, растормаживающий сознание и приводящий любого человека в неадекватное состояние. Особенность его была в том, что наружу выплескивались все тщательно скрываемые комплексы и психические отклонения. Эффект от применения спецсредства в сочетании со спиртным превзошел все ожидания.

В присутствии двух десятков свидетелей из числа командного состава эсминца и довольного, но внешне невозмутимого майора, полностью «слетевший с катушек» комитетчик торжественно спел «Не падайте духом поручик Голицын», пустив искреннюю слезу на строчках «А в комнатах наших сидят комиссары и девочек наших ведут в кабинет». Потом, отрыгивая и икая, весело проорал, не обращая внимания на побледневшие лица присутствующих, о том, что имел противоестественную половую связь лично с товарищем Брежневым и всем Политбюро в придачу.

Под конец, когда его крутили, особист порывался ударить капитана в зубы, истошно вопя об «обнаглевших краснопузых хамах». После чего был скручен и отправлен на корабельную гауптвахту. Как потом признался несколько опешивший майор, такого убойного эффекта от воздействия препарата даже он не ожидал.

На момент нашего прибытия на борт «Бдительного», у особиста наступил мощный откат. После применения препарата напололам с водкой, жертва чувствовала себя так, как ещё живая рыба, распотрошенная на разделочной доске. Занедужившего комитетчика перевели в медсанчасть.

Там он и лежал под капельницами, когда мы оказались на корабле. И майор гарантировал, что особист будет «лечиться» до самого Севастополя. А уже в территориальных водах с ним состоится долгий и обстоятельный разговор, в результате которого одним агентом ГРУ на борту «Бдительного» станет больше. Новоиспеченный тайный агент будет держать язык за зубами, и о подозрительной группе военных, появившейся на борту «Бдительного», начальству не доложит.

Аргументов для убеждения чекиста было более чем достаточно. Военные его не любили. Он сильно достал рядовых матросов и офицеров рьяными поисками антисоветчины, мелочными придирками по любым поводам, и постоянными поисками компромата на командный состав корабля. Поэтому товарищи офицеры, присутствующие на дне рождения, включая самого виновника торжества, с энтузиазмом изложили все подробности нехорошего поведения чекиста в рапортах, заботливо собранных довольным майором в отдельную папочку.

Со мной он, кстати, сухо поздоровался в каюте, услышал от Сергея Ивановича легенду, что я — лейтенант, находящийся на первом задании, и сразу же потерял ко мне интерес. Похоже, что товарища майора убедительно попросили не проявлять излишнего любопытства.

Шалмановича поселили в технических помещениях, рядом со складом. Майор и капитан плотно работали с ним, проводя многочисленные допросы. Судя по их довольным лицам и значительно потолстевшей папочке майора, Генрих рассказал немало интересного.

Через два дня, после нашего появления на «Бдительном», эсmineц прибыл в Севастополь. В порту нас ждала черная «волга» с немногословным водителем. Ночь мы провели на территории военной части, в одной из квартир, предназначенных для

командировочных офицеров. Днём, после обеда вылетели военным бортом в Москву, вместе с майором, сопровождающим его лейтенантом и грустным Генрихом, которого привезли под конвоем двух дюжих матросов сразу из технического помещения «Стережущего». АН-12 активно использовался для транспортировки людей, техники и грузов, а также десантирования подразделений ВДВ вместе с техникой, считался надежным самолетом, но о комфорте пассажиров конструкторы явно не позаботились.

В пути борт делал двухчасовую остановку в Киеве. В самолет заехала БМД-1 с десятком десантников, занявших места недалеко от техники. Бойцы поглядывали на нас, мы желания пообщаться не испытывали, а сами они проявлять инициативу не решились. Особенно после того, как майор отвёл в сторону капитана ВДВ, командующего бойцами, и обменялся с ним несколькими фразами. После этого «войска дяди Васи» спокойно сидели в своей части самолета, переговариваясь между собой, а мы — в своей.

Ещё в самолете решили отвезти меня к Березину завтра, поскольку прибытие в Москву ожидалось поздним вечером, почти ночью. Сергей Иванович выдал Алле ключи от конспиративной квартиры на улице Кирова. Обычно военная разведка не имела подобных «лежбищ». Она работала в странах потенциального противника и в них не нуждалась. Но противостояние с Андроповым и КГБ всё поменяло. Как я понял, после того, как мы распотрошили цеховиков, валютчиков и фарцовщиков, Петр Иванович озаботился наличием подобной жилплощади для оперативных целей, готовясь к будущим событиям и предстоящим операциям.

Поэтому, где переночевать нам было. Имелся вариант опять провести ночь на территории московской военной части, но Сергей Иванович его отверг. Как он объяснил, это Москва, и лишняя засветка даже у своих военных нежелательна, потому что уши КГБ здесь гораздо длиннее, и торчат из каждого куста. К тому же, не исключено, что о нашей группе уже известно противнику, а длительное пребывание в части может дать им время подтянуть своих людей для слежки и последующего нашего захвата в дороге.

В аэропорту нас уже поджидали два «УАЗа». Капитан уехал с майором и лейтенантом на одной из них, забрав с собой Шалмановича. Другой «УАЗ» с добродушным водителем-старшиной доставил меня, Аллу и Василия на улицу Кирова, где находилась конспиративное жильё.

В квартиру мы ввалились голодные и уставшие. Трехкомнатное жильё с мебелью и кухней идеально подходило для ночёвки. Алла и Василий первым делом заглянули в холодильник, и на скорую руку приготовили ужин из колбасы и яиц. После еды всех потянуло спать. Оперативница выдала каждому по комплекту постельного белья из шкафа и ушла в спальню. Я лег на диване в гостиной, Вася — на кровати в соседней комнате.

Утомленный перелетом, я моментально уснул, как только голова коснулась подушки.

* * *

Взмах блестящего лезвия, кровавые росчерки на нежном девичьем лице, россыпь карминовых капель, разлетающихся в стороны, оседающая на землю стройная фигурка. Истошный крик «неет», рвущийся из самых глубин сознания, поднимающаяся внутри волна темного ужаса, и я мгновенно проснулся, ещё находясь под впечатлением пророческого сна. Чувство будущей потери разрывало душу. Постель намочла от пота, руки подрагивали от пережитого кошмара. Теперь я знал, что и когда произойдёт. И готов был действовать. Ладонью стер стекающие со лба прозрачные соленые дорожки, приподнялся на локте, глянул в окно.

За мутным стеклом с причудливыми морозными узорами — серая хмарь наступившего утра. Вьюга игриво кружила в хороводе падающие снежинки, весело взметала с земли белоснежную волну, бросая её на одинокие фигурки прохожих.

В комнату заглянула встревоженная Алла. За её спиной маячил Вася.

— Алексей, с тобой всё в порядке? Ты так вскрикивал и стонал, что мы с Василием даже немного испугались.

— Со мной, да, — ответил я, — а вообще, нет.

— Я резко отбросил одеяло и рывком вскочил с постели. Подошёл к стулу с повешенной на спинку одеждой и, нисколько не стесняясь оперативницы, начал надевать брюки.

— Это как понимать? — встревожилась женщина.

— А вот так, мне нужно в Новоникольск. Который сейчас час?

— Восемь пятнадцать, — ответила оперативница, бросив взгляд на наручные часы. — А что?

— Время ещё есть, — облегченно вздохнул я. — Успею.

— Время на что? — уточнила она. — И причем здесь Новоникольск? Ты же понимаешь, что там не только появляться, но даже приближаться близко опасно?

— Понимаю. А вы понимаете, что речь идёт о жизни и здоровье близкого мне человека — моей девушки? И если я останусь здесь и позволю, чтобы её покалечили и убили, никогда себе этого не прощу.

— Так, подожди, — выставила ладонь Алла. Они с Василием зашли в гостиную, и стали напротив меня.

— Давай всё по порядку. У тебя было видение?

— Да, — кивнул я. — Оно самое. И я знаю, что её сегодня искалечат или убьют, если не вмешаюсь.

— Вася, — повернулась оперативница к парню, — срочно звони Сергею Ивановичу. Пусть едет сюда. Скажи, дело не терпит отлагательств.

Парень кивнул и вышел из гостиной в коридор, где на тумбочке стоял телефон.

— А теперь рассказывай всё в подробностях, — потребовала оперативница.

Я вздохнул и подчинился. Василий зашел в комнату, буркнул «через полчаса будет», уселся на стул, а я всё ещё говорил, нажимая на то, что мне необходимо быть в Новоникольске в два часа дня, когда в школе закончатся занятия и ученики старших классов пойдут домой.

— Мда, сложная ситуация, — признала оперативница. — А ты уверен, что без тебя не обойдемся?

— Уверен, — кивнул я.

— Тогда дождемся Сергея Ивановича. Он принимает решение.

— Хорошо, — обреченно вздохнул я. — Но учтите, мне нужно быть на месте заранее, максимум, в 14:20, кровь из носу. Сегодня у нас шесть уроков и Аня будет возвращаться домой, примерно, без пятнадцати или без десяти три.

Капитан приехал через полчаса, хмурый и злой.

— Ну рассказывай, что там у тебя, — раздраженно бросил он, зайдя в комнату и опустившись на стул.

Я внутренне вздохнул, и повторил утренний рассказ.

— Так, понятно, — задумчиво протянул Сергей Иванович. — А почему ты думаешь, что всё произойдет, как ты говоришь? Я же предупредил Зорина. За девчонкой должны

присматривать. И такого развития событий не допустят.

— Я не думаю, я знаю. Именно так всё и произойдет. Аню отпустят со школы чуть раньше, а те ребята, которые за нею приглядывают, её упустят.

— Хорошо, — кивнул капитан. — Ты, понятно, никуда не поедешь. Слишком многое поставлено на карту. Речь идёт о будущем страны и из-за одной девчонки, мы рисковать не можем. Я немедленно свяжусь с Зориным, расскажу о твоих предчувствиях, уверен, проблема решится.

— Нет, — мотнул головой я. — Не решится. Вы просто их спугнёте и всё. В этот раз Ане ничего не сделают, выберут другой, более подходящий момент. Я должен быть там, и решить проблему раз и навсегда.

— Я же сказал, ты никуда не поедешь, — повысил голос Сергей Иванович. — Я отвечаю за твою безопасность, имею четкие указания и не могу подвергать тебя и наше дело опасности.

— Поеду, — набычился я. — Никогда себе не прощу, если с ней что-то случится. И вам тоже. Остановить меня получится только силой. Вы, конечно, можете попробовать. Но я буду сопротивляться. Поймите простую вещь, Аня — моя девушка. Она мне небезразлична. Как, млять, мне жить дальше, если знать, что я мог это предотвратить, всё знал, но допустил, что её изуродуют и, возможно, убьют? Вы бы так могли поступить со своей женой или дочкой, например? Знать, что можете их спасти, но не сделать этого, чтобы не нарушить приказ.

Минуту мы мерялись бешеными взглядами. Потом капитан вздохнул.

— Неужели без тебя ничего решить не получится?

— Нет. Без меня — не получится, точно знаю. Можете считать, это предостережением свыше. Всё сделать должен сам. В другом случае, они просто испугаются, но не отступятся, дождутся удобного момента и через время подкараулят её в другом месте. А я хочу решить проблему, раз и навсегда.

— Чертовщина какая-то, твою мать, — от души выругался Сергей Иванович, и замолчал, о чем-то задумавшись.

Через минуту капитан снова глянул на меня.

— Хорошо, я сейчас спущусь в машину, и попробую связаться с Петром Ивановичем. Изложу ситуацию, а ты подожди несколько минут. Будем что-то решать.

— Договорились, — покладисто согласился я. — Только недолго. Решение нужно принимать как можно быстрее.

Капитан кивнул и вышел из комнаты. Через десять минут он вернулся, мрачный как грозовая туча.

— Петр Иванович только что ушёл на совещание в Генштабе. Лукашов сказал — это надолго. Как минимум, на несколько часов. Попов подтвердил [\[18\]](#). Совещание только что началось, длиться может очень долго, а решение нужно принимать сейчас.

— И, что вы решите? — я внимательно наблюдал за капитаном, готовый к любому развитию ситуации.

— А пропади оно всё пропадом, — обреченно махнул рукой капитан. — Дальше Магадана не сошлют, младше лейтенанта не дадут. Поедем выручать твою подругу, раз ты говоришь, по-другому нельзя. Только тебя загрядим как следует. Алла иди сюда, и чемоданчик свой захвати.

* * *

С литературы 10-А отпустили на полчаса раньше. Нину Алексеевну вызвали к директору, и завуч, взглянув на часы, разрешила десятиклассникам уйти домой.

Вечно голодная Дашка предложила Ане перекусить в школьной столовой, и, получив отказ, умчалась, торопясь купить последние ватрушки и пирожные. Ваня, составлявший компанию девушкам по дороге домой, уехал на спортивные сборы.

Тимур Мансуров и Сережа Смирнов из параллельного класса в последнее время следовали за девушкой по пятам, держась на расстоянии пяти-семи метров сзади, что безумно раздражало Николаенко. Девушка даже разок подошла к парням и насмешливо поинтересовалась, уж не влюбились ли они в неё. Ребята промолчали и отвели глаза, но ходить за Аней не перестали. А сейчас они еще учились, и знать о том, что 10-А отпустили с урока раньше, никак не могли.

«Наконец-то побуду одна» — мысленно облегченно вздохнула девушка. Не торопясь надев пальто и вязаную шапочку, переобувшись в зимние ботинки, она пошла к выходу. Одноклассники уже убежали вперед, и холл, наполненный на переменах разноголосым ребячьим шумом и гамом, был пустынен и тих. Только её шаги негромко стучали по бетонному полу коридора.

Аккуратно придержав за собою дверь, Аня вышла на улицу, с наслаждением вдохнув свежий морозный воздух. Сугробы сияли белоснежной чистотой, черные деревья надели снежные шубы. Зимнее холодное солнце выглядывало сквозь хмурые тучи, задорно стреляло лучиками и снова скрывалось за наплывающей серой пеленой.

Девушке неожиданно взгрустнулось.

«Жалко, что Леши нет рядом. Где же он сейчас? И что же с ним всё-таки произошло на самом деле? Он не мог совершить ничего плохого! Не верю! Надеюсь, он жив-здоров, обязательно решит все проблемы, и я его снова увижу».

Занятая своими мыслями, Аня не заметила, как вышла со школьного двора, и оказалась рядом с пустырем.

— Эй, подруга, тормози, поговорить надо, — окликнули её.

16 января 1979 года

Новоникольск — Серебряный Бор

16 января, 1979 года. Новоникольск

Аня обернулась. К ней подходили две девицы на вид на год-два старше. Парочка выглядела гротескно. Первая — полноватая с крупным носом-картошкой, пухлыми щеками и грубыми чертами лица. Девчонка ухмылялась, смотрела насмешливо и с полным превосходством. Одета в серое пальто с черным каракулевым воротником. Из-под вязаной черной шапочки выбивались грязные пряди, пережженных перекисью волос.

Вторая, наоборот, брюнетка, болезненно худая, с воровато бегающим взглядом, длинным хрящеватым носом и острым подбородком. Она, то косилась куда-то в сторону, то смотрела вниз, то украдкой кидала быстрый взгляд на Аню и сразу же отводила его. Такое впечатление, что даже немного чего-то побаивалась. Брюнетка была в теплой светло-голубой куртке на змейке. На голове синяя шерстяная шапочка. От обеих девчонок несло перегаром.

— А мы что, знакомы? — спокойно поинтересовалась Анна. — Я вас в первый раз вижу, а вы меня уже в подруги записали.

— Мы поговорить с тобой хотим, — решительно заявила полная. — О твоём парне.

— О Леше? — голос Николаенко дрогнул. — Вы что-то знаете?

Девчонки многозначительно переглянулись.

— О нём, — быстро ответила толстая. — Пошли, спустимся вниз, поболтаем.

— С вами? — Аня задумчиво глянула на девчонок. — Не, не пойду. Не верю. Леша с вами даже разговаривать не стал бы. От вас за километр спиртным воняет. Он таких десятой дорогой обходит.

— Ты чего, вообще оборзела, малолетка? Ты смотри, Танюха, как она с нами разговаривает! Правильная сильно? — завелась брюнетка, но полная резко дернула её за рукав, заставив заткнуться.

— Не хочешь, как хочешь, — пожала плечами пухлая. — Мы-то хотели тебе кое-что важное рассказать. Не всё хорошо с твоим Лешей. Потом пожалеешь, да поздно будет. И предъявлять некому, сама виновата. Пошли, Валюха.

Тощая злобно сплюнула, хотела что-то сказать, но Таня приобняла подругу, и потянула за собой. Девчонки развернулись, и не торопясь пошли по направлению к пустырю.

— Подождите, — поколебавшись, крикнула Аня. — Давайте, поговорим.

Девчонки остановились.

— Давно бы так, — ухмыльнулась толстая. В её глазах на мгновение мелькнуло торжество.

— Пошли, побазарим.

Подруги продолжили спускаться к пустырю, вниз по склону. Аня решительно двинулась следом...

Я стоял за огромным дубом, рядом с пустырем, сзади змеилась извилистая тропинка, опускающаяся в низину. Рядом за таким же большим деревом находился Василий.

— «Второй», я первый, сейчас они спустятся, я на подстраховке, «третья» контролирует вход на пустырь.

— «Первый», вас понял, конец связи, — ответил старший лейтенант, сунул рацию в

чехол на поясе и затянул змейку на куртке под подбородок.

Через минуту мы увидели трех девчонок, спускающихся на пустырь. Две были мне незнакомы, девушки где-то на пару лет старше меня, а вот третья изящная фигурка чуть сзади заставила сердце возбужденно забиться.

«Аня»!

Только сейчас я понял, насколько по ней соскучился. По звонкому смеху, зеленым глазам, похожим на бездонные омуты, в которых так легко утонуть, по мягкой улыбке и маленькой изящной ладошке, доверчиво лежащей в руке.

Я остался на месте, спрятавшись за толстым дубом. Сердце продолжало выстукивать тревожную барабанную дробь, в горле пересохло от волнения.

Дерево находилось метрах в пяти от девчонок, за сухими черными сучьями кустов и небольшим холмиком. Подруги остановились и развернулись к подходящей Николаенко. Они закрыли меня спинами, и за их телами, Аня, уступающая девчонкам в росте, ничего увидеть не могла. Я осторожно выглядывал из-за дуба, наблюдая за развитием событий.

— Так, что там с Лешей произошло? — нетерпеливо спросила Аня. — Вы обещали рассказать.

Девчонки переглянулись и расхохотались. Полная ржала как лошадь, похлопывая себя по здоровенным ляжкам. Худая противно хихикала, покачиваясь как молодое деревце под напором ветра.

— Ничего мы тебе не обещали, — отдышавшись, заявила толстая. — Ты сама всё придумала. Мы с Валюхой о другом хотели с тобой поговорить.

— Тогда я пойду, — хладнокровно заявила Николаенко. — Так и знала. Только время с вами потратила. А разговоры на другую тему меня не интересуют.

Девушка развернулась и двинулась обратно.

— Стой, сука, — завизжала худая, схватила Аню за рукав пальто и рывком развернула к себе. И в то же мгновение ребро ботинка Николаенко с глухим стуком врубилось в голень нападающей. Одновременно Аня рывком выдернула рукав из разжавшейся ладони и отпрыгнула на шаг. Валюха взвизгнула от боли, согнулась, схватившись руками за ушибленное место.

Я знаком показал, вопросительно посмотревшего на меня парня, чтобы он оставался на месте. Пока никакой угрозы для девушки не было.

— Хана тебе, коза малолетняя, — чуть ли не басом заорала Танька и кинулась вперед. Её рука взметнулась вверх, пытаясь схватить Аню за локоны, выглядывающие из-под шапочки, но промахнулась. Аня отклонилась, шагнула навстречу и пробила ладонью в варежке, сложенной лодочкой, точно под основание носа, как учили в «Знамени».

Голова толстой запрокинулась, она сделала два шага назад, пытаясь удержать равновесие, и мягко села задницей на сугроб.

«Молодец», — мысленно похвалил девушку я. — «Не прошли тренировки даром».

— Ты что, сука, творишь?! — обиженно взвыла худая. — Мало того, что чужих парней отбиваешь, ещё и дерешься, стерва такая!

— Каких парней? — удивилась Николаенко. — У меня кроме Лешки никакого нет. Вы меня с кем-то перепутали.

— А Антону кто голову заморочил? — толстая ошеломленно мотнула головой, и вытерла рукавом кровоточащий нос. — Коза драная, зачем парня дразнишь? Отпустила бы его и дело с концом. Никаких бы претензий не было.

— Какого Антона? — девушка уже начала уходить, но услышала ответ и остановилась. — Ты о чем вообще говоришь? Не знаю я никакого Антона.

— Не ври, шалава. Антон Быков из пятой бурсы. Знаешь ты его прекрасно, — шмыгнула окровавленным носом толстая. — Нам всё о тебе рассказали. Как парней соблазняешь, не даешь им и не отпускаешь, издеваешься над ними. Из-за тебя он на нас внимания не обращает. Как на тебя запал, о нас забыл. Раньше в скверике водку с нами пил, а сейчас как от чумы шарахается.

— А, так вы о Быке говорите, — улыбнулась Аня, — да не нужен он мне сто лет в обед. Забирайте своего кавалера, дарю. У меня парень есть, и другого никого не надо.

— Врешь, коза драная, — взвизгнула худая. — Думаешь, пару приемчиков выучила, и крутой стала? Ни фига. Сейчас я тебе рожу попорчу, чтобы чужих парней не отбивала.

Рука брюнетки вынырнула из кармана. Сверкнуло развернутое лезвие опасной бритвы. Толстая тоже приподнялась. Откуда она вытащила выкидной нож, я не заметил, услышал только, как щелкнуло, выпрыгивая из рукояти стальное жало.

Указал взглядом Василию на толстую. Парень кивнул. Девки никуда не торопились, наслаждаясь моментом. Толстая поднялась, и теперь они с худой, крадучись обходили сжавшуюся и поднявшую перед собой портфель Аню с боков.

Я рванулся вперед, под ногами затрещали, ломаясь ветки кустов.

Девки испуганно обернулись, и на секунду застыли в ступоре. Я резко подсек толстую ребром стопы снизу вверх под пятку, одновременно, дернув за пальто. Танька опять грохнулась на снег. Нож, сверкнув, сталью, улетел к деревьям.

— Не подходи, — взвизгнула худая. — Порежу.

— Леша? — в глазах Ани сверкнул огонёк узнавания.

— Попишу, сука, — заблажила Валюха. Она повернулась ко мне и размахивала лезвием опасной бритвы. Сзади на неё налетела Аня, рывком сдвинула вязаную шапку на глаза, и проворно отскочила назад.

И в это же мгновение я рванулся вбок и вперед, оказавшись за спиной брюнетки. Она выставила вперед правую руку с бритвой, совершая махи в воздухе, а левой схватилась за шапку. Но было поздно. Я перехватил запястье с бритвой, ударом предплечья по локтевому сгибу, выбил полетевшее в воздух стальное лезвие, и рывком завернул руку за спину.

Кинул короткий взгляд на толстую. Там было всё в порядке. Василий уложил её мордой на снег, придерживая воющую от страха Таньку коленом.

— Кто вас надоумил разобраться с Аней? Говори! — потребовал я.

— Никто, — прохрипела худая. — Руку отпусти.

Я чуть поднял заломленную в локте руку.

— Ааа, — завыла Валька.

— Леша! — крикнула Аня. — Не надо.

— Ещё раз повторяю вопрос. Кто вам рассказал об Ане, и подстрекал с ней разобраться? Только врать не надо. Сами вы до этого додуматься не могли. Да и о ней ничего не знали.

— Скажу, все скажу, — в голосе худой слышались слезы. — Только руку отпусти.

— Сначала скажи, потом отпущу.

— Трофим и Шпиль-младший, — плачущим голосом призналась Валька. — Они с нами в бурсе учатся. Мы в одной компании тусовались. Бык сначала со мной мутил, потом с Танькой у него пару раз было. А затем как отрезало, шарахался от нас, как от чумных. Ну мы пацанам пузырь выставили, расспросили, что да как. А они нам рассказали, что он в эту

профуру малолетнюю втюрился.

— За словами следы, иначе руку сломаю, — предупредил я. Разумеется, ломать ничего не собирался, просто поугадал, чтобы лишнего себе не позволяла.

— Продолжай.

— А эта. про..., школьница, им вертит как хочет, держит на расстоянии, сама не дает, но и не отпускает. Мы им ещё пузырь поставили, так они нам и школу показали и эту... девчонку издалека.

— Шпиль-младший и Трофим, говоришь, — задумчиво протянул я. — Хорошо, запомню. И что вы хотели с Аней сделать?

— Ничего, поугадать только, — подала голос толстая. — Мы же не совсем тормоза, нам мокрухи не надо. Поговорили бы и отпустили.

— Врешь, — спокойно ответил я. — Не отпустили бы вы её. Правду скажете, и можете идти восвояси. Нет, в отделение отведем. Нож и бритва с вашими опечатками имеются. Свидетельские показания тоже. Хотите лет на семь в зону поехать? Это запросто организовать можно.

— Не надо в милицию, — угрюмо буркнула толстая. — Ну да, хотели её отпинать как следует. Валька ещё собиралась пару раз бритвой по лицу полоснуть, но я отговорила.

— А сама? — завизжала худая. — Ты вообще перо в печень обещала загнать, а теперь на меня всё валишь?!

— Это по пьяни было, — призналась Валентина. — Когда бухая, ещё не то сказать могу. Понтовалась просто, резать никого не собиралась. Что я дура совсем?

— А зачем свои бритвы, ножки повынимали? — вкрадчиво осведомился я. — Просто так?

Толстая угрюмо засопела, но ничего не ответила, худая всхлипнула, давя на жалость.

— Понятно. Значит так. Я вас отпущу, но при одном условии. О своей мести и Ане забудете навсегда. Только попробуете хоть шаг в её сторону сделать, на зону моментально поедете. А там тоже есть варианты организовать вам веселую жизнь. И запомните, Аня правду сказала: ваш Бык ей и даром не нужен. А если он что-то от неё хочет, то это его личная половая драма. Всё понятно? Даете слово, что больше к ней не приблизитесь, и никакой подлости не сделаете, и свободны. Жду ответа.

— Разборок больше не будет, зуб даю, — угрюмо пообещала блондинка. — На фигу мне этот блудняк?

— Всё, завязала, — провыла худая, — пальцем её больше не трону и близко не подойду. Руку отпусти.

— Ладно, поверим вам на слово, — смилостивился я. — И учтите, ножик и бритва с вашими опечатками пальцев у нас остаётся. Валите отсюда, и радуйтесь, что целы.

Я кивнул Василию и отпустил руку брюнетки. Парень убрал колено со спины толстой. Блондинка медленно поднялась и начала оттряхивать с пальто снег. Валуха массировала пострадавшую руку, злобно глядя на меня. Пэтэушницы быстро прошли мимо нас и начали подниматься вверх по склону, торопясь покинуть полянку как можно скорее.

— Леша, — девушка рванулась навстречу. Я едва успел расставить руки и заключить Аню в объятия. Тонкие руки обвили мою шею, а родное лицо с выразительными зелеными глазами светилось такой искренней радостью, что мои губы невольно расплылись в широкой улыбке.

— Привет! — выдохнул я, прижимая хрупкое девичье тело к себе.

— Привет! — откликнулась Николаенко и шутливо стукнула меня варежкой в грудь. — Ты куда от меня спрятался?

— Так обстоятельства сложились, — признался я. — Ты, наверно, уже многое знаешь.

— Знаю, — девушка посерьезнела и отодвинулась от меня. — Слухи ходили, что ты каким-то боком к побоищу на пустыре причастен. Когда ты исчез, там оцепили всё. Милиционеры вооруженные никого не пускали, прокуратура, слышала, приезжала. Вроде даже кого-то убили. Мы все за тебя волновались, не знали, что произошло. Только спустя неделю Игорь Семенович сказал, чтобы я не волновалась, с тобой всё в порядке. Ещё к нам в школу милиция приходила, а потом два серьезных дядьки в костюмах из комитета. Весь класс допрашивали. Вопросы задавали разные о тебе. Не замечали ли чего странного? Где ты можешь находиться? С кем дружишь и общаешься? Не было ли у тебя оружия? И в «Красное Знамя» приходили к Игорю Семеновичу, тоже ребят расспрашивали. Но насколько я знаю, все о тебе только хорошее рассказывали. Никто не верит, что ты мог быть замешан в чём-либо плохом.

— Это замечательно, — улыбнулся я. — Но пока я временно вынужден скрываться до выяснения всех обстоятельств.

— Я понимаю, — вздохнула девушка и снова стукнула меня варежкой в грудь. — Пообещай, что, когда все наладится, ты вернёшься и мне все расскажешь.

— Всё не расскажу, не имею права. Только то, что будет можно, — я, извиняясь, развел руками.

— Ладно, — Аня серьёзно посмотрела на меня. — Пусть будет так. Разберись со своими проблемами и сразу же возвращайся. Обещаешь?

Хотел сказать, что не всё так просто, но заглянул в зеленые омуты глаз, наполненные тревогой и ожиданием и не смог.

— Обещаю, — выдавил я. — Сделаю для этого всё возможное.

— Сделай, пожалуйста, — попросила девушка. — Я буду ждать.

— Нам пора, — осторожно тронул меня за плечо Вася. — Надо уходить отсюда.

Пока мы общались, он подобрал бритву и выкидной нож, рукой, обмотанной носовым платком. Засунул их в карман, подошел и стал сзади, ожидая окончания разговора.

— Хорошо, — выдавил я. — Ань, мы уезжаем. Береги себя, и присмотри за Машей и её подругами, пожалуйста?

— А, ты, же не знаешь, — оживилась девушка. — Маша у вас дома все каникулы провела. Я забрала к себе Олю, а Ваня Валю, родители не были против. Мы вместе по городу гуляли, в кино ходили. Твоя мама с Машей как с родной возится, сладостями её закармливает, одежду покупает. Вот только по тебе все сильно скучают. И малая тоже постоянно спрашивает «где Леша, когда он приедет». Слышала, что твои родители активно удочерением Маши занимаются. Им директор детдома и городские власти помогают, поэтому в конце февраля должны все документы оформить и её к себе забрать.

— Отличная новость, — обрадовался я. От избытка чувств, притянул к себе Аню, и от души поцеловал в заалевшую от смущения щечку. — Спасибо за хорошую весть.

— Да не за что, — улыбнулась девушка. — Я сама обрадовалась, когда узнала. Жалко только, что мои родители не готовы пока Олю удочерить. Говорят, слишком большая ответственность.

— Леша, нам пора, — твердо напомнил Василий.

— Сейчас идём, — отмахнулся я. — Пусть Аня сначала первой выйдет из пустыря, я её

тут одну не оставлю. А мы — за ней пойдём.

— Хорошо, — кивнул парень.

— Ань, иди первой. Мы за тобой поднимемся. Всё, пока, — я обнял девушку, нежно поцеловал в приоткрытые алые губы. Аня неумело ответила, обняла шею руками, но я решительно отстранился.

— Береги себя, солнышко.

— Ты тоже, — шепнула она, замерев на мгновение. Зеленые глаза напряженно всмотрелись в моё лицо, отыскивая что-то важное для себя. Затем девушка развернулась, и зашагала вверх по склону, выбираясь из пустыря. От большой сосны, с другой стороны поляны, отделилась знакомая фигура капитана. Когда он подобрался к нам, я не заметил. Был бы киллером, мог бы легко всех положить, мы даже пискнуть бы не успели. Профи.

— Долго возились, — недовольно проворчал Сергей Иванович. — Уходим. Там на выходе, Алла уже машину подогнала.

16 января. 1979 года. Серебряный Бор. Москва. 18:45. Дача Николая Анисимовича Щелокова

— Здравствуй, Петр Иванович, — министр МВД СССР встретил начальника ГРУ на пороге дома в полном параде — зимнем форменном пальто с погонами и фуражке. Щелоков был серьезен и невозмутим, только прищуренные глаза смотрели на Иващутина с холодным интересом.

— Добрый вечер, Николай Анисимович, — Иващутин, переложил толстую папку в левую руку, пожал протянутую ладонь, и кинул взгляд на приоткрытую дверь. — Разрешите, войти?

— Конечно, Петр Иванович, проходи, — Щелоков шагнул назад, пропуская гостя. — Извини, что так официально, я только с работы, переодеться ещё не успел. Могли бы и у меня поговорить, но Григорий Васильевич почему-то попросил, чтобы я принял тебя на даче.

— Правильно попросил, — улыбнулся Иващутин. — Разговор у нас будет долгий и очень серьезный. И не для посторонних ушей....

16 января 1979 года

Серебряный Бор. Дача Щелокова

Перед дверью кабинета Ивашутин деликатно придержал Щелокова за локоть и тихо спросил:

— Николай Анисимович, помещение проверяли на предмет наличия прослушивающих устройств?

Брови министра внутренних дел СССР изумленно поднялись.

— Петр Иванович, думаешь, меня могут слушать даже тут? — также тихо ответил Щелоков.

— Уверен, Николай Анисимович. И полагаю, что вы об этом сами догадываетесь, — усмехнулся Ивашутин. — Комитету нельзя прослушивать Политбюро и секретарей ЦК КПСС. На вас этот запрет официально не распространяется. А учитывая вашу взаимную нелюбовь с Юрием Владимировичем Андроповым — слушают гарантированно.

— Тогда, может, прогуляемся по двору дачи? — предложил Щелоков.

— Не получится, — вздохнул начальник ГРУ. — Мне нужно показать вам документы и продемонстрировать отснятую информацию на двух видеокассетах. Во дворе дачи, это невозможно. Без этого, все, что я расскажу, может показаться вам фантастичным.

— Хорошо, что ты предлагаешь? — нахмурился Щелоков.

— В кабинет не идти, выбрать другое помещение. Предварительно его осмотрит мой сотрудник. Я взял с собой специалиста технического отдела, занимающегося обнаружением подслушивающих устройств. Если он не найдет «жучки», можем поговорить с вами в комнате, которую вы сами выберете.

— Тогда почему не осмотреть мой кабинет и не убрать оттуда «жучки», а потом пообщаться там? — поинтересовался Николай Анисимович.

— Этого делать ни в коем случае нельзя, — ответил Ивашутин. — Дело в том, что техника будет транслировать не только наши голоса, но и радиопомехи, шорохи, шарканье по паркету, другие звуки. Если мы уберем жучки, наступит полное радиомолчание в эфире, что уже само по себе насторожит спецов двенадцатого отдела КГБ, занимающихся прослушиванием вашей дачи.

— Понял, — кивнул Николай Анисимович. — Тогда предложение такое. У меня есть комната для гостей. В ней изредка ночуют Игорь и Ирина, другие родственники и друзья. Там не так удобно как в кабинете, но кроме кроватей, ещё стол небольшой есть и телевизор. Можем поговорить там.

— Отличный вариант. Только нужно перенести туда видеомагнитофон. Телевизор транслировать видео сможет?

— Сможет, — подтвердил министр. — Дети его пару раз в комнату забирали. Кино какое-то смотрели. Телевизор у нас «Джи Ви Си», а видеомагнитофон «Сони» и всё прекрасно работает.

— Отлично. Тогда я зову своего сотрудника.

— Зови, — кивнул Щелоков. — И, Петр Иванович, перестань уже ко мне на «вы» обращаться. Мы с тобой практически ровесники, оба воевали, зачем эти политесы разводиться? Давай без этих выканий, я их не люблю, будем на «ты», по-товарищески.

— Как скажешь, Николай Анисимович, — улыбнулся Петр Иванович. — Сейчас позову.

Через минуту начальник ГРУ вернулся с невысоким мужчиной в кителе с капитанскими погонами. В руках военный держал железный чемодан, на плече висела объемная сумка.

— Здравия желаю, товарищ министр, — браво отрапортовал капитан. — Какую комнату проверить надо?

— Здравствуйте, — Николай Анисимович пожал руку военному. — Идемте, я покажу. Надо подняться на второй этаж.

Он двинулся к широкой лестнице. За ним потянулись Ивашутин и капитан с сумкой и железным чемоданчиком.

На втором этаже Щелоков остановился возле первой приоткрытой двери в начале коридора.

— Вот эту комнату надо проверить, — министр отошёл в сторону, пропуская вперед капитана с чемоданчиком и Ивашутина. — А я сейчас видеомэагнитофон принесу.

Когда через десять минут Николай Анисимович принес видеомэагнитофон, капитан уже с деловитым видом паковал чемодан.

— Что, уже всё? — спросил Щелоков.

— Да, товарищ министр, всё, — подтвердил офицер техотдела ГРУ. — Давайте выйдем.

Он вместе со Щелоковым и Ивашутиным вышел в коридор, и аккуратно притворил за собой дверь.

— Подслушивающих устройств детектор не зафиксировал. Всё чисто, — отрапортовал капитан. — Рекомендую, вынести имеющийся в комнате телефон за пределы помещения.

— Зачем? — не понял Николай Анисимович. — Или вы думаете, что там тоже жучок? Но ведь трубка лежит на рычаге.

— Дело в том, в конструкцию телефона входит мощный микрофон, — пояснил капитан. — Даже в пассивном состоянии, когда трубка лежит на рычаге, теоретически он может использоваться для прослушивания. Насколько мне известно, работы над подобными технологиями ведутся активно и достаточно давно. Я не знаком со всеми устройствами, которые применяет двенадцатый отдел КГБ и их возможностями. Многие они скрывают даже от ГРУ. Могут, например, использовать новую разработку, официально ещё не поступившую в ОТУ^[19]. Например, с целью тестирования практической работы. Поэтому, во избежание проблем, настоятельно советую убрать телефон из комнаты. Бережённого, товарищ министр, как говорят в народе, бог бережёт.

— Хорошо, — кивнул Щелоков. — Так и сделаем. У вас всё?

— Так точно, — улыбнулся военный. — Всё.

— Тогда у меня к вам вопросов больше нет, товарищ капитан.

— Михайличенко, иди в машину и жди меня там, — добавил Ивашутин.

— Слушаюсь, товарищ генерал армии, — вытянулся капитан. — Разрешите выполнять?

— Разрешаю.

Капитан спустился на первый этаж, придерживая сумку ладонью и держа перед собой железный чемоданчик.

Щелоков обернулся к Ивашутину, открыл дверь и жестом пригласил войти....

Через два часа, когда изображение на телевизоре сменилось мельтешащей серой рябью, Щелоков с силой протер лицо ладонями. Когда он убрал руки, в глазах могущественного министра плескалось потрясение и растерянность. Через мгновение лицо Щелокова окаменело, на скулах заиграли желваки, губы сурово сжались, превратившись в узкую полоску, и в зрачках начал разгораться опасный огонек набирающей силу ярости.

— Я..., - начал он, замолчал и взорвался, — Млять, Петр Иванович, я просто поверить в это не могу. Как они могли?! Ублюдки! Это же измена!

— Вот так и могли, недаром Сталин периодически чистил это предательское племя. Не доработал, к сожалению, отец народов, — невозмутимо ответил Иващутин. — А поверить придётся. Я поэтому к вам с целой папкой доказательств пришёл. С документами вы ознакомились, видеоматериалы посмотрели, мои пояснения выслушали. Доказательства не железные — железобетонные.

— Надо ехать к Леониду Ильичу с этими документами и кассетами, — твердо сказал Щелоков. — Он должен всё увидеть.

— Согласен, — кивнул Иващутин. — Но не сейчас. Через день. В четверг, 18 января 1979 года.

— Почему? — хладнокровно поинтересовался министр.

— Потому, что ранее на даче Гришина, соберутся члены Политбюро. Им продемонстрируют эти документы и видеоматериалы. Затем по плану, должно быть принято решение поехать к Леониду Ильичу Брежневу. Когда до этого дойдёт, я сразу же звоню вам. Вы выдвигаетесь к генеральному секретарю, со своими людьми. Вас примут в любое время. У вас насколько я знаю, активно формируется и тренируется собственное спецподразделение, способное реагировать на теракты и обезвреживать преступников? Оно готовится обеспечивать безопасность на Олимпиаде-80, правильно?

— Так и есть, — осторожно подтвердил Щелоков.

— Держите его в боевой готовности. Как только вы начнёте демонстрировать товарищу Брежневу документы и видеоматериалы, счёт вашей жизни пойдёт на минуты. «Девятка» находится в подчинении Андропова, и он тщательно следит, чтобы членов Политбюро и Леонида Ильича охраняли верные ему люди.

Пусть Леонид Ильич пригласит на дачу Цвигуна. А пока тот будет ехать, жизнь генерального секретаря будет в ваших руках. До прибытия Семена Кузьмича, нужно организовать охрану товарища Брежнева. И не подпускать к нему никого, ни сотрудника «девятки», ни Чазова, ни кого-то из его подчинённых. Вы сами всё слышали. У Андропова нет времени, петля на его горле стягивается, и он это чувствует. Единственное спасение для него и других заговорщиков, убрать Леонида Ильича, забрать чемоданчик с компроматом, хранящийся у Брежнева, экстренно провести заседание Политбюро, и самому стать генеральным секретарем. Исходя из составленного психологического портрета Юрия Владимировича и информации, которая имеется у нас, попытка ликвидации товарища Брежнева будет проведена в самое ближайшее время, ориентировочно, в 20-ых числах января.

Ваша задача, когда я вам позвоню, приехать к Леониду Ильичу, и, повторюсь, пока он будет смотреть документы и видео, обеспечить его охрану, до приезда Цвигуна и остальных членов Политбюро. Километрах в десяти от дач, будут ждать два отделения нашего спецназа. Командир — майор Андрей Валентинович Спесивцев. Он поступает в ваше распоряжение.

— Хорошо, — кивнул Щелоков, — Но у меня есть два вопроса. Первый: почему Цвигун, а не Цинев? Мне было бы удобнее работать с ним.

— Семен Кузьмич — более предан Леониду Ильичу, чем Григорий Карпович. Я знаю, что вы находитесь в приятельских отношениях с Циневым, знаете друг друга, воевали вместе. Но есть нюансы. Подозрения в шпионской деятельности Полякова, впервые появились в 60-ых годах, разработку изменника остановил Цинев, сменивший в то время Банникова на посту

начальника Второго Главного управления КГБ, занимавшегося контрразведкой. Он заявил: «Генералы предателями не бывают». И к каждому факту измены относится скептически. Не говоря уже о том, что ведет двойную игру, заигрывает с Андроповым, и при этом всячески подчеркивает, что является человеком Брежнева. Цинев может убедить Леонида Ильича не торопиться, разобраться во всем досконально, даже, несмотря на то, что доказательства неопровержимые. А значит, шансы заговорщиков на победу возрастают. Поймите, любое промедление для нас будет катастрофой. А Цвигун будет действовать так, как ему скажет генеральный секретарь. И, кстати, у вас никаких проблем с Циневым в будущем не возникнет. Ведь вызывать Цвигуна будет Брежнев. Всегда можно сказать, что это было его решение.

— Допустим, — осторожно согласился Щелоков. — Но Леониду Ильичу может не понравится, что эту информацию одновременно с ним донесли до членов Политбюро.

— Так объясните ему, что это продиктовано заботой, в том числе и о его безопасности, — пояснил Иващутин. — Сейчас Леонида Ильича со всех сторон окружают люди Андропова — сотрудники 9-го управления, Чазов со своими упырями в белых халатах. Как только он узнает всю информацию о перевороте, становится главной целью ликвидации для заговорщиков. Убирают Брежнева, изымают чемоданчик с компроматом, документы о готовящемся перевороте — угроза миновала. Разобраться с нами и всеми нами намного проще. А если с документами и видеоматериалами ознакомятся остальные члены Политбюро, не принимавшие участие в заговоре, для Андропова и его единомышленников, всё становится гораздо сложнее. И смерть Брежнева уже не будет иметь такого эффекта. Слишком мало у нас времени, и речь идёт даже не о нашей безопасности, а о судьбе страны, которую мы во время войны грудью защищали. Поэтому рисковать мы не можем. Даже если что-то пойдет не так, информация будет донесена до всех, кто может и должен оказать сопротивление заговору.

— А Дмитрий Федорович знает? — прищурился Щелоков. — Или ты, Петр Иванович через его голову действуешь?

— Со вчерашнего дня знает, — вздохнув, признался Иващутин. — Сначала психанул, чуть было в отставку не отправил, за то, что не доложил, о своих действиях. Матерился и орал о самоуправстве так, что стены дрожали. Потом осознал, и впал в шоковое состояние. Особенно, когда тот фрагмент видео, в котором о нём говорится, ещё раз внимательно просмотрел.

Пришлось стресс убирать водкой. Посидели, мне даже довелось стакан выпить, хоть терпеть эту гадость не могу. В итоге, Устинов дал мне полный карт-бланш, но попросил держать его в курсе и основные действия с ним согласовывать. На дачу Гришина он тоже приедет. Я убедил его никаких приказов о боевой готовности не отдавать, чтобы информация не дошла до заговорщиков, тем более что это могут неправильно интерпретировать и доложить Леониду Ильичу. Но в случае чего таманцев и ещё кое-какие части поднимут по тревоге моментально. Огарков в курсе. У них с Устиновым свои сложные отношения, но оба не подведут.

— Принимается, — кивнул Щелоков. — Хотя всё висит на волоске. Кто-то ещё в курсе?

— Есть ещё один человек в Политбюро, в котором я уверен, — признался Иващутин. — И мои сотрудники, непосредственно участвовавшие во всех операциях. Больше никто ничего не знает.

— Ладно, тогда давайте уточним детали, — предложил министр. — Значит, вы мне

звоните, я беру с собой своих людей, еду к Леониду Ильичу к Завидово. Дальше у меня возникают вопросы. Работников «девятки» разоружать? Как вы себе это всё представляете? И как Леонид Ильич может отреагировать на то, что его охрану разоружают?

— Проходите к Леониду Ильичу, начинаете с ним разговор. Лучше всего парочку сотрудников захватить с собой в дом, с приказом, никого не пропускать. Остальные пусть займутся работниками «девятки». Оружие у них нужно забрать, затем занять оборону по периметру дачи. Товарищ Брежнев звонит Цвигуну, просит его срочно приехать.

Одновременно в Завидово выдвигаются другие члены Политбюро. Вам нужно любыми способами продержаться до их приезда.

— Членов Политбюро тоже андроповские соколы из «девятки» охраняют, — усмехнулся Щелоков.

— Мы решим вопрос на месте. Варианты имеются, — с невозмутимым лицом ответил Ивашутин.

— И что потом?

— Потом подписывается постановление Политбюро о выводе товарища Андропова из его состава, отстранении его от должности председателя КГБ и заключении его под стражу по обвинению «в государственной измене».

— Думаешь, что всё так просто будет? — усмехнулся Щелоков.

— Не думаю, — лаконично парировал Ивашутин. — Знаю, что непросто. Но у меня имеется несколько козырных карт. Извини, Николай Анисимович, я пока не готов их раскрыть.

— Кто из членов Политбюро должен приехать? — деловито спросил Николай Анисимович.

— Устинов, Гришин, Романов, Щербицкий, Тихонов, Пельше, Черненко. Кунаев, возможно Суслов.

— Значит, об этом уже знает Андропов, — заключил Николай Анисимович.

— Не совсем так, — не согласился Ивашутин. — 19 января собирается заседание Политбюро. Дело в том, что в одном московском городке цэрэушники убили нашего офицера, а в Турине в компании итальянского миллионера застрелили зятя Косыгина — Джермена Гвишиани. Вы должны об этом слышать.

— Слышал, естественно, Косыгин рвёт и мечет. Такую истерику Ильичу закатил, требует надавить на итальянцев, использовать все возможности, чтобы найти и покарать убийц, — Щелоков, прищурившись, посмотрел на Ивашутина, хотел что-то спросить, но передумал.

— Вот поэтому они и собираются в Москве. Хотят обсудить, что делать дальше и как строить отношения с Западом. И Гришин с Романовым их пригласят пообщаться, разумеется, под разными поводами. Так что, если Андропов об этом узнает, то в последний момент. Мы готовы пойти на такой риск.

— Ладно, давай так и сделаем, — согласился министр. — Какие-то ещё вопросы, просьбы, пожелания имеются?

— Имеются, — улыбнулся уголками губ Ивашутин. — Никто из твоих сотрудников до последнего момента не должен знать, куда едут, и что будут делать. Как только введешь их в курс дела, они больше не должны куда-либо отлучаться и тем более кому-то звонить. Пусть всё время будут на виду. Учти, Николай Анисимович, Андропова и его свору недооценивать нельзя. Агентов КГБ в твоём ведомстве хватает. И любая ошибка может быть роковой.

— Сам знаю, — проворчал помрачневший Щелоков. — Принимается.

16-17 января 1979 года

Новоникольск — Терехово — Москва

Когда Аня ушла, я попросил Сергея Ивановича встретиться с наставником и окончательно решить вопрос с двумя ПТУшницами, предполагая, что они не успокоятся. Девки могут выпить, и по пьяному делу опять прийти разбираться. Что делать и как с ними поступить, мысли имелись. Я подробно изложил их капитану, который дополнил сказанное своими соображениями и пообещал заняться этим вопросом в ближайшее время. Сергей Иванович настоял на нашем немедленном отъезде, а сам остался в городе, чтобы пообщаться с Игорем Семеновичем. А тот, в свою очередь, должен подключить наших «клубных» милиционеров, благо нужными связями и знакомствами мы уже обросли. Были даже мысли задействовать Веронику и её ухажера. Капитан клятвенно пообещал, что всё сделает как надо, и проблема будет решена.

В Терехово мы приехали часов в шесть. Березин встретил нас во дворе. Когда увидел меня, выбирающегося из машины, на его лице расцвела искренняя широкая улыбка. Соскучился старик. И я по нему тоже. Побритый Иван Дмитриевич как будто помолодел. Морщины чуть разгладились, в глазах появились задорные огоньки. Даже двигаться стал пошустрее. Старик предложил гостям чаю, но Василий и Алла отказались, сославшись на неотложные дела, и сразу же уехали. Березин впустил меня в дом и закрыл дверь. Жар, идущий от растопленной печки, ударил меня теплой волной, заставив чуть сомлеть.

Березин это заметил, и, дождавшись, пока я скину куртку и ботинки, сразу же потащил в большую комнату. А там уже стоял исходящий паром самовар. Рядом примостилась пиалка с малиновым вареньем. Старик усадил меня за стол, и быстро убежал к холодильнику, доставать кастрюлю с гречкой и сковородку для яичницы.

Через тридцать минут я, отдуваясь, отвалился от тарелки. Иван Дмитриевич так обрадовался моему приезду, что устроил настоящий пир.

К гречке с яичницей присоединилась сочащаяся жиром селедочка с нарезанным кольцами хрустящим лучком. На большую тарелку Березин выложил по-быстрому нарезанные бутерброды из ноздреватого черного, ещё свежего хлеба с толстыми розовыми ломтями «Любительской», украшенной белыми кругляшами сала.

И только тогда я почувствовал, как соскучился по родной советской еде. Лопал так, что за ушами трещало. Старик с хитрым прищуром наблюдал, как я энергично уничтожаю гречку, заедая её бутербродами и селедкой.

И только когда я закончил с трапезой, лукаво улыбнулся и спросил:

— Что, Леша, родное всегда вкуснее?

— Ага, — признался я. — За рубежом тоже вкусно готовят. Но непривычно. Вроде бы всё классно. Но когда вы стол накрыли, я сразу понял, чего мне не хватало.

— То, то и оно, — назидательно поднял палец старик. — Дома и укус сладкий.

— Вообще-то, в пословице о доме ничего не говорится, — усмехнулся я. — Там сказано «на халяву», а так мысль верная, полностью поддерживаю.

— То не суть, — отмахнулся Березин. — Главное, ты понял.

Он помолчал и спросил:

— Как съездили?

— Нормально, — дипломатично ответил я. — Всё, что было намечено, сделали.

— Молодцы, — вздохнул Иван Дмитриевич. — Понимаю, особо распространяться нельзя. Хорошо, что у вас всё получилось. Знаешь, когда я тебе окончательно поверил?

— Когда?

— Когда собственными глазами увидел, что за мразь Чикатило. Эта очкастая сволочь к себе маленькую девчущку заманила. Лет восьми-девяти. И не поспей я вовремя, — старик скривился, — Даже говорить не хочу, тьфу, мразота. Уничтожал эту гниду с большим удовольствием. Как говорил мой начальник, полковник Иосиф Яковлевич Лоркиш, «раздавил гадину с чувством глубокого морального удовлетворения». Отправил паскуду в ад. Там ему самое место.

— Грохнули, таки Чикатило? — оживился я. — Отлично. Большое дело сделали. Считайте, Иван Дмитриевич, доброй полусотне детей и подростков жизнь спасли. Они теперь не погибнут в муках, истерзанные молотком и ножом маньяка, а будут жить, учиться, работать, детей растить.

— Грохнул, — подтвердил помрачневший Березин. — Повесил сволочь. Он ещё и обоссался, когда я его вырубал и от девчонки оттаскивал. Был животным и сдох как животное.

— Правильно сделали, — подтвердил я. — А с девчонкой, что?

— Отпустил её домой, — пробурчал старик. — Она маленькая ещё совсем. Нельзя девочкам такое смотреть.

— Тоже верно. Вас там никто срисовать не мог?

— Никто. Я шарф на подбородок намотал, на лоб ушанку надвинул, да и улица пустынная совсем была, когда уходил. А о следах своего пребывания, сам понимаешь, в первую очередь позаботился. Во дворе хаты сумку с одеждой бросил. Потом, когда к станции подошел, переоделся. Думаю, найти меня очень проблематично. Своих документов не засветил. Даже хату снял в Ростове у одинокого алкоголика. А потом ранним утром в Шахты ездил, один раз на электричке, второй — попутку ловил. И целый день там проводил. На всякий случай даже левые документы взял. Они у меня давно имелись для подобных ситуаций. Как чувствовал.

Старик подвинул ко мне раскрытую коробку с белоснежными квадратиками сахара-рафинада, выложенными ровными рядами, поставил под краник самовара чашку, повернул рычажок. Забулькал, клубясь паром, кипятком, заполняя фарфоровую емкость. Березин дождался, пока чашка почти наполнилась, повернул запор-ветку обратно, подхватил мозолистой рукой пузатенький чайничек и добавил заварки.

— Пей чай, — чашка с блюдцем оказалась передо мной. — И сахарок возьми. Мы на фронте вприкуску любили.

— Хорошо, — я поочередно подхватил пальцами два белых квадратика рафинада, положил их на блюдце, осторожно пригубил чай и поморщился. — Очень горячий.

— Так мы никуда и не торопимся, — усмехнулся Иван Дмитриевич. — Дай ему остынуть чуток.

— Так и сделаю, — пообещал я, дуя на чай.

— Леша, хочу тебя попросить кое о чём.

Я невольно напрягся:

— Внимательно вас слушаю, Иван Дмитриевич.

— Не желаю сидеть на печи, пока вы действуете, — заявил Березин. — Конечно, я уже не молод. Но сила в руках ещё есть, могу быть полезен. Может, это мой последний шанс,

принести пользу стране. Вас же немного, и каждый человек на счёту. А я не желаю штаны просиживать, пока судьба Родины решается. Я за неё кровь в Великую Отечественную проливал, а сейчас вы мне предлагаете в стороне остаться? Не получится! Поговори со своими, чтобы меня подключили.

— Иван Дмитриевич, — вздохнул я. — Вы же понимаете, решения принимаю не я.

— А кто? Сергей Иванович? — цепко глянул Березин.

— Он тоже решает далеко не всё. Командует Петр Иванович Ивашутин. Но если вы так хотите не оставаться в стороне, пообщайтесь сперва сами с капитаном.

— Так и сделаю, — кивнул старик. — Поговорю обязательно. Сразу, как только его увижу.

— Правильно. А я вас поддержу, если что.

Приятная сытость и тепло, идущее от печки, разлились по телу блаженной истомой. Я откусил кусочек рафинада, запил чаем и прикрыл глаза. Чувствовал: ещё немного и вырублюсь прямо здесь за столом.

— Разморило с дороги? — где-то далеко, пробиваясь в затуманенное сознание, послышался участливый голос Березина. — Иди спать. Завтра договорим.

На автомате дошёл до печи, избавился от одежды, в майке и трусах нырнул под толстое одеяло и сразу же вырубился, как только голова коснулась большой пуховой подушки.

* * *

Проснулся мгновенно, когда день полностью вступил в свои права. Просто выплыл из серого марева сна и открыл глаза. В комнате было светло, лучи холодного зимнего солнца рисовали на полу силуэт окна, поверхность печки приятно грела спину, под толстым пуховым одеялом было тепло и уютно. Вставать не хотелось. Я сладко зевнул, потянулся, хрустнув суставами и замер от пришедшей мысли.

«Сегодня же мой день рождения — 17 лет».

«Ну и что?», — мысленно одернул себя. — «Если победим, отмечу его позднее с Аней, Игорем Семеновичем и ребятами. Проиграем — это уже будет не важно».

Решив не заморачиваться мыслями о «дне варенья», бодро спрыгнул с печки, на деревянный пол. Надел на ноги тапочки и побежал в тамбур умываться. Деда в доме не было, но снаружи раздавался частый стук топора. Иван Дмитриевич рубил дрова.

Поплескал себе водички на лицо, надраил зубной щеткой зубы. Вернулся в комнату и начал зарядку. Сначала делал вращения и махи ногами и руками, разогревая связки и суставы. Потом сорок раз отжался в быстром темпе. Порастягивался, попрыгал и поприседал. После этого провел три раунда боя с тенью, пока не услышал шум подъезжающей машины.

Сразу же рванулся к сумке, вытаскивая из неё верный «дерринджер» и «ТТ». Входная дверь открылась, дохнув на меня белым облаком холода. Иван Дмитриевич увидел стволы в моих руках, усмехнулся:

— Отбой, это наши приехали.

— Понял, — кивнул я. ТТ опустил обратно. Дерринджер оставил. В комнате натянул брюки, и сунул маленький пистолет в карман. Своих я не боялся, но пистолет лучше иметь под рукой. Так, на всякий случай. Мало ли что может произойти.

Через пару минут в дом ввалились Алла, Василий и хмурый капитан с сумками.

Сергей Иванович с порога протянул мне руку:

— С днём рождения, — капитан обменялся со мной рукопожатием. — Это тебе от всех

нас.

Капитан достал из сумки маленькую стальную фигурку рыцаря с мечом и щитом и вложил мне в ладонь.

— Спасибо, — улыбнулся я, рассматривая подарок. Фигурка была миниатюрной и очень качественно сделанной, с отличной прорисовкой деталей. Рыцарь гордо выпрямился, положив меч себе на плечо. На щите сияла надпись «Верить и защищать».

— Один из сослуживцев фигурки изготавливает, — чуть смущенно признался капитан. — У него всегда целая коллекция имеется в наличии. Вот мы одну из них и взяли тебе на день рождения. Подумали, тебе такая подходит.

Сергей Иванович отошёл, уступая место Алле. Женщина притянула меня к себе и звонко чмокнула в щечку:

— Поздравляю, — оперативница улыбнулась. На заалевших от мороза щеках выглянули кокетливые ямочки.

Потом подошел и пожал руку Василий.

Капитан за спиной Аллы о чём-то задумался. Улыбка с его лица исчезла, как будто стертая ластиком, лицо нахмурилось. Он поставил сумку в коридор и вышел.

— Что это с ним? — кивнул я в сторону двери.

— Выволочку от Петра Ивановича получил, — объяснил Василий. — Наверно вспомнил об этом. Когда генерал узнал о нашей поездке в Новоникольск, вызвал к себе Сергея Ивановича как старшего группы. Два часа его воспитывал. Капитан говорит, что голоса не повышал, но лучше бы орал. Вроде ему за нашу поездку внеочередное звание дать должны были. Теперь майора не получит. Но это ладно. Ивашутин конкретно его сношал, капитан бледный и злой всю дорогу был. Даже с нами сквозь зубы разговаривал. К тебе хорошо относится, но выволочки от генерала простить не может.

— Понятно, — вздохнул я. — Попрошу у него прощения. А лично Петру Ивановичу скажу, что я во всем виноват. Поездка — целиком моя идея. Просто бывают ситуации, когда не можешь поступить иначе.

— Да правильно ты поступил, — вмешалась в разговор Алла. — Пэтэушницы могли зарезать девочку. Но и Петра Ивановича можно понять. Этой поездкой мы чуть под удар все наше дело не поставили. Хорошо, что всё обошлось.

Дверь снова открылась. Хмурый капитан занес в дом очередную сумку и оглядел нас.

— Ну что, давайте поедим, через часа три в Москву надо ехать.

— Мне с вами тоже? — уточнил я.

— Всем, кроме Ивана Дмитриевича, — буркнул Сергей Иванович. — Дело близится к концу. Завтра — решающий день. Петр Иванович сказал, что тебе с твоими способностями обязательно нужно быть рядом. Сейчас посидим немного за столом, поздравим тебя и поедим.

— Сергей Иванович, можем отойти на минутку? Мне нужно с тобой кое-что обсудить, — попросил Березин.

Капитан глянул на старика, вздохнул, поняв, о чем будет разговор, и ответил:

— Да, конечно.

— Пройдем тогда в мою комнату, — предложил дед. — Там нам никто не помешает.

— Хорошо.

Когда они скрылись в комнате, и Березин аккуратно прикрыл за собой дверь, Алла вопросительно глянула на меня:

— Чего это он?

— Хочет быть в деле. Не может сидеть, сложа руки, когда решается будущее страны, — лаконично пояснил я.

— Понятно, наш человек, — уважительно кивнула оперативница.

Через пару минут капитан и Иван Дмитриевич вышли из комнаты. Старик выглядел довольным, капитан по-прежнему, мрачным и сосредоточенным.

— Я сейчас позвонить отойду, а вы пока с хозяином стол накрывайте, — распорядился он, надевая ботинки.

Из сумок появились поллитровые бутылки «Буратино», половинка «Финского сервелата», баночка черной икры, копченые куриные окорочка, сливочное масло и сыр «Голландский», завернутые в серую бумагу, кусок балыка, и бутылка шампанского.

Алла и Василий под руководством Ивана Дмитриевича резали хлеб и колбасу, раскладывали их по тарелкам. От моей помощи отказались. Отправили сидеть и слушать радио.

Стол перетащили на середину комнаты, накрыли белой скатертью. Как по волшебству на нём появились тарелки и приборы, заботливо разложенные хозяином.

В тамбуре хлопнула дверь. Через минуту в гостиную вошел капитан, и чуть заметно кивнул, напрягшемуся в ожидании старику. Иван Дмитриевич сразу же повеселел.

А стол тем временем, наполнился тарелками с бутербродами, кругляшами колбасы, ломтиками балыка и сыра. Старик торжественно расставил помытые бокалы, и водрузил посередине хлебницу с нарезанным батоном.

Гости расселись.

— Разрешаю выпить по одному бокалу шампанского за здоровье именинника. Не больше. Завтра предстоит трудный день. Васе спиртное не положено, он за рулем, — объявил капитан.

— А мне можно? — спросил я.

— Можно, но «Буратино», — злорадно улыбнулся Сергей Иванович.

— Товарищ капитан, не будьте занудой, — заступилась за меня Алла. — Плесните Леше чуть-чуть, символически, на доньшко.

— Хорошо, — после секундной паузы кивнул Сергей Иванович. — Но только один раз и на доньшке.

Когда Березин разлил шампанское, капитан встал с бокалом в руке:

— Минуточку внимания, — зычно гаркнул он, заставив присутствующих замолчать.

— Леша, я поздравляю тебя с днём рождения. 17 лет — это золотая пора жизни, когда ты молод, здоров, полон творческих планов и надежд. К сожалению, обстоятельства сложились так, что тебе пришлось многое пережить за последние несколько месяцев. Ты показал себя верным товарищем, смелым и самоотверженным мужчиной, достойным своего героического деда. Я хочу тебе пожелать и дальше по жизни быть настоящим: искренним, сильным и всегда готовым защитить свою Родину и близких. Именно этими качествами определяется мужчина. Пусть здоровье твоё будет богатырским, жизнь — долгой и счастливой, а любовь — яркой и красивой. Уверен, мы победим, все недоработки, проблемы и недочёты будут устранены, а Союз будет крепнуть и развиваться, на зависть другим странам. С днём рождения!

— Спасибо, — я немного покраснел от такого проникновенного спича, и поднял бокал. — Обязательно победим!

— С днём рождения, Леша, будь счастлив, — старик встал, и фужер в его лапище, двинулся ко мне.

— С днём рождения, — подхватила Алла.

— Здоровья, счастья и всех благ, — добавил Вася, поднимая бокал с сидром.

Фужеры с хрустальным звоном столкнулись, под смех и веселые шутки гостей и хозяина. Солнце скрылось за тучами, и золотистое сияние сменилось серой хмарью зимнего дня. Но на душе расцветала весна. Мне было хорошо в окружении людей, ставшими за короткое время друзьями и соратниками, и искренне желающими счастья. Тем более я чувствовал: скоро наступит развязка. И мы должны обязательно победить, а Союз — получить шанс на новую жизнь.

* * *

Привезли меня в московскую квартиру в центре города, предварительно хорошо загримировав и заставив переодеться в зарубежные шмотки. Жилплощадь оказалась пятикомнатной сталинкой и не имела никаких следов проживания. Нет, всё было в порядке: в комнатах хватало мебели, оборудованный всем необходимым санузел с большой ванной, забитый едой холодильник. Вот только всё было казённым, стерильно чистым, без каких-либо следов проживания людей. Сразу было видно: в квартире долгое время никто не жил. Максимум, она использовалась для кратковременных встреч и после каждой тщательно убиралась.

Петр Иванович прибыл через полчаса после нашего приезда. Начальник ГРУ влетел в квартиру как ураган, внутренне напряженный и злой и бросил портфель у порога.

Скинул с себя зимний китель с погонами, повесил фуражку на крючок вешалки. Развернулся к подошедшему Березину.

— Рад познакомиться, Иван Дмитриевич, — протянул руку начальник ГРУ. — Наслышан о тебе. Спасибо, что Лешу принял.

— Не за что, товарищ генерал, — усмехнулся Березин. — Сами понимаете, по-другому не мог.

Мужчины, генерал армии и бывший смершевец посмотрели друг другу в глаза и обменялись рукопожатием.

Березин отошёл, а генерал жестом подозвал меня, скромно стоявшего в сторонке.

— Ну здравствуй, Леша, — ледяной взгляд начальника ГРУ пронизывал до самых костей. — Прокатился в свой родной город? Доволен?

— Нет, — я внутренне похолодел, ожидая проблем. — Но иначе поступить не мог. Что-то случилось?

— Пока нет, — сухо ответил Ивашутин. — Но вполне могло, из-за твоей дурацкой выходки.

— Я не мог поступить иначе, — насупился я. — Если бы там не оказался, Аню гарантированно зарезали.

— Ладно, — лицо начальника ГРУ немного смягчилось. — Об этом мы ещё с тобой потом поговорим, а пока.

Он клацнул замками портфеля, откинул кожаную крышку и вытащил новенькие часы «Командирские».

— Это тебе, с днём рождения.

— Спасибо, но у меня уже есть, — растерянно проговорил я, принимая подарок. — Батя подарил.

— Значит, будут ещё одни, именные, — усмехнулся Иваштуин. — Переверни.

Я развернул и вчитался в выгравированную на стальном корпусе надпись:

«А. А. Шелестову от руководства ГРУ за отвагу и самоотверженность».

— Нравится? — улыбнулся начальник ГРУ, наблюдая за моей реакцией.

— Да, — растерянно выдавил я. — Но это же...

— Пока у меня полежат в укромном месте, — перебил Петр Иванович и бесцеремонно отобрал у меня часы. — Когда придёт время, лично награжу. А пока тебе с ними светиться не нужно.

— Хорошо, — кивнул я. — Как скажете, товарищ генерал.

— А теперь пройдем в комнату, расскажу тебе ситуацию.

В гостиной Иваштуин уселся во главе стола и пригласил присутствующих.

— Присаживайтесь, товарищи.

Капитан, Алла и Василий уселись рядом. Мне досталось место рядом с Иваштуиным.

— Значит так, товарищи военные, — генерал обвёл тяжелым взглядом окружающих. — Завтра тяжелый день. От него зависит, что будет с нашей страной дальше. Ваша группа остается в резерве. Задача всеми силами охранять Алексея и моментально передавать любую информацию, которую он сочтёт нужным. Будьте во всеоружии и готовыми по приказу выдвинуться в указанное место. Вы одни из немногих, которые посвящены в суть происходящих событий. Поэтому задействовать вашу группу могут в любую секунду. Общее командование группой осуществляет капитан Сосновский. Его приказы выполняются беспрекословно. Вопросы есть?

— Нет, товарищ генерал, — за всех ответил Сергей Иванович.

— Сергей Иванович и Алексей, останьтесь. Остальных более не задерживаю, — сухо сказал Иваштуин.

Оперативники встали, отодвигая стулья. Через десяток секунд в комнате остались мы втроём.

— Сергей, учти, никакой самодеятельности, — отчеканил Иваштуин. — Полное подчинение моим приказам. Учудишь ещё что-нибудь, как с поездкой в Новоникольск, вылетишь из ГРУ как пробка, с волчьим билетом или пойдешь под трибунал. Ясно?

— Так точно, товарищ генерал, — вздохнул капитан, бросив на меня угрюмый взгляд.

— Петр Иванович, он не виноват, это была моя инициатива, — попробовал заступиться я, но был остановлен предупреждающе вскинутой ладонью Иваштуина.

— Так, стоп, с этим разбираться будем потом, — заявил он. — Капитан, вы можете быть свободны.

— Слушаюсь, — Сергей Иванович встал и быстро вышел из комнаты, не забыв аккуратно закрыть за собой дверь.

Убедившись, что в комнате никого не осталось, начальник ГРУ вытащил из портфеля стопку бумаги, ручку и придвинулся ко мне:

— Леша, завтра на даче у Гришина, Романов и Устинов собирают членов Политбюро. Будут продемонстрированы все собранные материалы о перевороте, в том числе и те, которые собрала ваша группа. Вот список присутствующих, — Иваштуин быстро написал несколько фамилий и придвинул ко мне. — Можешь попробовать использовать свой дар, и спрогнозировать реакцию каждого? И возможное развитие событий?

Я пробежался глазами по списку. Так, Гришин, Щербицкий, Тихонов, Пельше, Черненко, Суслов, Громыко, Тихонов.

— Кроме них ещё, как понимаешь, Романов и Устинов будут. Но они, естественно, в курсе дела и на нашей стороне, — добавил Иващутин. — Есть ещё фотографии дачи Гришина и зала, где будет происходить совещание. Если тебе поможет, я их достану из портфеля.

— Не нужно, — остановил я начальника ГРУ. — Петр Иванович, я ничего не обещаю. Мой дар — штука непредсказуемая. Но попробую.

Закрыв глаза и сосредоточился. Сознание взорвалось калейдоскопом картинок, сменяющих друг друга с быстротой, набирающего скорость локомотива. Через минуту я открыл глаза. Моё лицо блестело от влаги, по позвоночнику обжигаящим ручейком стекала прозрачная дорожка пота.

Я хрипло выдохнул и тряхнул головой, приходя в себя.

— Леша, с тобой всё в порядке? — обеспокоенно спросил Иващутин. — Ты весь мокрый.

17-18 января 1979 года

Москва

— Нормально, Петр Иванович. Всё уже прошло, — заверил я. Мозги скрипели от напряжения, лихорадочно анализируя полученные сведения и выстраивая дальнейшую модель разговора.

— Ладно, — начальник ГРУ немного успокоился. — Что-то по моим вопросам сказать можешь?

— Да. Не только у нас завтра решающий день. Андропов и его единомышленники тоже всё проанализировали, поняли, что тянуть больше нельзя. Они планируют организовать переворот завтра, с учетом того, что в Москву съезжаются все члены Политбюро для внеочередного заседания.

— Откуда знаешь? Я этого не говорил, — прищурился Ивашутин, внимательно изучая моё лицо. — Видения?

— Они самые, — подтвердил я.

— Ладно, рассказывай, что у там тебя.

— Завтра Андропов планирует ликвидировать Леонида Ильича Брежнева. Днём Чазов повезёт ему заряженные таблетки «от бессонницы». На подхвате имеется ещё один сотрудник «девятки». Брежневу врачи запретили курить, и он постоянно выпрашивает у него сигареты. И таблетки, и сигареты подготовлены в знаменитой «Лаборатории X» КГБ. В таблетках Чазова находятся компоненты, резко повышающие артериальное давление. У Леонида Ильича ещё при Сталине, когда он работал первым секретарём ЦК Молдавии, случился инфаркт. В шестьдесят восьмом году, во время совещания по вводу советских войск в Чехословакию, он перенес сердечный приступ. В начале семидесятых — ещё один. Сейчас у Леонида Ильича диагностирована ишемическая болезнь сердца с очаговыми поражениями коронарных артерий. Прием хоть одной таблетки вызовет мощный сердечный приступ и гарантированно его убьёт.

Для подстраховки, человеку Андропова из «девятки», майору Липатову, одному из телохранителей Леонида Ильича, вручены две пачки сигарет марки «Новость», изготавливаемых из высококачественного табака и лучшей сигаретной бумаги. Именно их любит Брежнев.

В одной пачке сигареты нормальные. Майор может курить, привлекая внимание генерального секретаря табачным дымом. Во второй — пропитаны отравляющим веществом, синтезированным на основе яда кураре.

Брежнев знает, что у майора всегда в наличии сигареты, и периодически «стреляет» их. После того, как летучие соединения табака попадут в дыхательные пути, а затем в легкие, он умрёт от сильнейшего удушья.

Задачи Чазову и Липатову председатель КГБ поставил конкретные — из своей дачи Леонид Ильич живым выйти не должен. Как только Брежнев умрёт, об этом моментально доложат Андропову. Во избежание каких-либо проблем, председатель КГБ должен уже находиться где-то не очень далеко. Когда он узнает о смерти генсека, сразу же рванёт на дачу, чтобы забрать чемодан с компроматом на остальных членов Политбюро из сейфа в спальне.

После этого, будет дана команда об аресте и ликвидации вас, Петр Иванович. Вы будете

арестованы подразделением «А», допрошены Андроповым и Бобковым, а потом убиты их людьми «при попытке к бегству». Основания они подготовят. С остальными Андропов, и те, кто стоят за его спиной, планируют разобраться после избрания председателя КГБ Генеральным секретарем. С помощью «волшебного чемоданчика» Леонида Ильича Андропову будет несложно обеспечить голосование в свою пользу.

Затем из Политбюро уберут Пельше, Устинова, Романова, Сусллова, Щербицкого, Гришина, других влиятельных аппаратчиков и министров, тех, кто может помешать Юрию Владимировичу и его единомышленникам проводить реформы. На смену им придут полные бездарности и серые личности, которые будут безропотно голосовать и делать то, что им скажут заговорщики. Андропов их уже подобрал: Это Рыжков, Лигачев, Ельцин и многие другие партийные чиновники на местах.

И да, за председателем КГБ стоит ещё одна мощная и влиятельная фигура. Именно она и является одним из основных инициаторов развала СССР и двигателем грядущих «либеральных» реформ, хотя сама предпочитает держаться в тени. Судя по тому, что среди фамилий приглашённых членов Политбюро, её нет, Вы на этого деятеля уже вышли.

— Конечно, вышел. Такого «гиганта мысли и отца советской демократии» сложно не заметить, — усмехнулся Ивашутин. — Ты об Алексее Николаевиче Косыгине?

— О нём, — подтвердил я. — Он, Андропов, покойный Гвишиани, директор института Востоковедения АН СССР Евгений Примаков, заведующий Международным отделом ЦК КПСС, кандидат в члены Политбюро Борис Пономарев, начальник Пятого управления КГБ Филипп Бобков, заместитель главы Торгово-Промышленной палаты и одновременно руководитель «Фирмы», личной спецслужбы Андропова — Евгений Питовранов — руководство заговорщиков. К ним примыкают чиновники и партийные функционеры рангом поменьше — директор института США и Канады Георгий Арбатов, посол СССР в Канаде Александр Яковлев и многие другие.

— Ладно, — лицо начальника ГРУ помрачнело. — То, что ты сообщил очень серьезно. Мне нужно срочно кое-куда позвонить. Ты пока посиди здесь, подожди меня, я быстро, потом продолжим беседу. Сказать Алле, чтобы чаю тебе приготовила?

— Не надо, — отказался я. — Вы же ненадолго? А чаю мне сейчас чего-то не хочется...

Вернулся начальник ГРУ действительно быстро, минут через семь, когда я с интересом рассматривал лепные узоры на потолке сталинки.

Петр Иванович стал более собранным и напряженным. Даже фигура в военном мундире как-то подобралась, лицо посуровело, плечи расправились.

— А что, по членам Политбюро скажешь?

— Откровенных предателей среди них нет, — заверил я. — С Громыко Андропов уже поговорил. Намекнул, что у Леонида Ильича плохое здоровье, сказал, что Косыгин, скорее всего, через полгода уйдет на пенсию сам, после пережитой клинической смерти в 1976 году, он уже не может справляться со своими обязанностями и должность председателя Совета Министров у Андрея Андреевича в кармане. Если, конечно, он предложит кандидатуру Юрия Владимировича на пост Генерального секретаря ЦК КПСС.

— Он правду сказал? — быстро спросил Ивашутин.

— Не совсем, — тонко улыбнулся я. — Уговаривать своего сообщника уйти на пенсию председатель КГБ не намерен. Пока тот может и хочет, будет сидеть на этой должности. Но здоровье у него плохое, поэтому такой вариант событий не исключен.

— И что, Громыко, согласился?

— Конечно, он спит и видит себя предсовмином.

— Понятно, значит, может сдать, — помрачнел начальник ГРУ.

— Не сдаст, — покачал головой я. — Доказательства слишком убойные. Даже те, что вы мне показали. Думаю, что это лишь малая часть того, что вы накопили. А с арестом Шалмановича и захватом полковника Остроженко, думаю, их стало ещё больше.

— Правильно думаешь, — усмехнулся Иващутин.

— Громько — трусливый приспособленец. Он зависит от Андропова. Возглавляемый им МИД прогнал весь. Отдел КГБ при министерстве, созданный четыре года назад, уж собрал горы компромата на советских дипломатов и Андрея Андреевича лично. Его любимчик и протеже Шевченко сбежал в США, и слил американцам множество секретов. Поэтому Громько боится Андропова, и, одновременно, очень хочет стать председателем Совета Министров СССР. Но когда под председателем КГБ зашатается кресло, защищать его не будет. Предпочтёт занять выжидательную позицию. А потом, как он думает, всегда можно оправдать свои действия перед победителями.

— Что скажешь по остальным? — прищурился Петр Иванович, изучая моё лицо.

— Многие могу рассказать. Но это займет уйму времени. Если кратко, подавляющее большинство надо убирать из Политбюро в самое ближайшее время. Исключение — Романов. Может быть ещё — Дмитрий Федорович, немного успокоится и перестанет в огромных количествах клепать ненужную бронетехнику. Даже то, что я посмотрел, будет достаточно для того, чтобы они почувствовали угрозу, исходящую от Андропова.

— С чего ты решил, что бронетехника — ненужная? — язвительно усмехнулся Петр Иванович.

— Потому что, при ядерном оружии, способном уничтожать города и сотни тысяч населения, она в таких количествах не требуется. Устинов и наш генералитет участвовали в ВОВ. Они до сих пор впечатлены ужасом первых месяцев войны, когда гитлеровские танковые армады наступали, перемалывая РККА. Министр и его маршалы мыслят устаревшими категориями, не актуальными в эпоху баллистических ракет с ядерными боеголовками.

— Ладно, к этому вопросу мы ещё вернёмся, — задумчиво пообещал Иващутин. — А что о Косыгине скажешь?

— Косыгин искренне считает, что наша экономика неэффективна. Он ставит во главе угла прибыль, пытался внедрять нормы хозрасчета на предприятиях. Это хорошо для капиталистических государств, но плохо для нас. Социалистическая экономика по Сталину базируется на других принципах — удовлетворении потребностей трудящихся, наращивании экономического и индустриального потенциала при сохранении общенародной собственности на средства производства. Косыгин вместе с Андроповым решили, что наша промышленная модель неэффективна, а получать огромные деньги РСФСР, ставшая капиталистической страной, может за счет продажи ценных природных ресурсов, которые можно продавать всему миру. Только сначала надо скинуть с себя балласт республик, тянувших РСФСР, по их мнению, «на дно».

Они оба являются тайными противниками социализма и коммунистов. А их единомышленники и окружение, стоящие за спинами этих двух «вождей», просто ждут не дождутся того момента, когда можно открыто грабить страну с огромным экономическим потенциалом и мощной промышленностью, созданной Сталиным.

— Хорошо, я понял, — решительно хлопнул ладонью по столу Петр Иванович. —

Знаешь, твои предложения по реформам в промышленности и сельском хозяйстве очень понравились Григорию Васильевичу. Если всё пройдет нормально, он хочет обсудить с тобой их более подробно. Но пока об этом говорить рано.

— Согласен. Не будем забегать вперед.

— Не будем, — кивнул Иващутин и поднялся. — Ладно, Леша, мне уже пора ехать. Подкинул ты мне, конечно, работёнки. Все планы поменялись.

— Всего доброго, Петр Иванович. Уверен, всё будет хорошо, — я тоже встал, и протянул ладонь генералу армии.

— Мне бы твою уверенность, — проворчал начальник ГРУ. Рукопожатие у него по-прежнему было железным.

Я промолчал. Иващутину я рассказал не всё, о последнем видении промолчал. А оно было пугающим: неясная фигура, видимая как будто сквозь залитое струями дождя толстое стекло, направила на меня ствол. Черное дуло «ГТ» и вороненую сталь пистолета, на фоне расплывающегося перед глазами силуэта и напрягшегося на спусковом крючке пальца, я видел во всех подробностях. Было внутреннее ощущение: в нашей группе — предатель. Петра Ивановича я пугать своим видением не захотел. У него и так будет нервный день. Сами разберемся. Есть на этот счёт мысли.

18 ноября. Усадьба Ильинское. Дача первого секретаря Московского горкома КПСС. В.В. Гришина

— Ну и зачем ты всех нас сюда пригласил? — проскрипел Пельше, недовольно окидывая взглядом просторную гостиную со столом, выставленным на середину комнаты, огромным телевизором и видеомагнитофоном на тумбочке напротив.

— По просьбе Григория Васильевича, — спокойно ответил Гришин. — Это действительно очень важно. По пустякам бы я тебя, Арвид Янович не беспокоил. И других тоже.

— Меня вообще Дмитрий Федорович притащил, — пробурчал Громыко, зашедший следом. — Если бы не его настоятельная просьба, ни за что бы, не приехал. Дел по горло, с американцами проблемы, итальянцы, как вы знаете, тоже начудили. Телефоны в министерстве трезвонят, не переставая, все на ушах стоят. Некогда мне ерундой заниматься. Давайте быстрее говорите, что там у вас, мне обратно ехать нужно, работы море.

— Не торопись, Андрей Андреевич, — министр обороны в форменном кителе присел на стул и указал на место рядом. — Присядь, сейчас всё узнаешь.

— Товарищи, думаю, надо подождать и послушать, что нам расскажут, — рассудительно предложил Щербицкий. — А потом уже делать выводы.

— Абсолютно верно, — кивнул Григорий Васильевич. — Разговор предстоит серьезный и непростой.

— А товарищ Машеров, эээ, какими судьбами здесь оказался? По своим делам из Белоруссии примчался? — раздался надтреснутый голос Тихонова. Кандидат в члены Политбюро и заместитель Косыгина с интересом разглядывал стоящего рядом с Романовым главу БССР.

— Петр Миронович приехал со мной, — сухо ответил Григорий Васильевич. — Его, как руководителя республики и кандидата в члены Политбюро, это тоже касается.

— Товарищи, — Черненко, зашедший следом за Романовым, опустился на стул. — Давайте, действительно, перейдем к делу. Завтра у нас внеочередное заседание Политбюро. Общему отделу необходимо подготовить все материалы и документы. Работы очень много.

Клавдий сейчас этим занимается, но я должен лично все проконтролировать.

— Тогда не будем терять времени, — согласился Романов. — Но боюсь, когда вы всё услышите, вам уже будет не до работы.

— Заинтриговал, Григорий Васильевич, — ухмылка на худом, болезненном лице Пельше, изборожденном глубокими морщинами, выглядела жутковато. — Выкладывай, что там у тебя. Не томи душу.

— Надеюсь, товарищ Романов знает, что делает, — сухо процедил Суслов. Вся его худая и сутулая фигура выражала крайнее неодобрение. В прихожей он долго возился с пальто и обувью, и появился в зале последним. Главному идеологу страны не нравилась идея собрания на даче Гришина в отсутствие Брежнева. Но отказать Устинову, заявившему, что будет опубликована информация государственной важности, способная повлиять на будущее страны, он не мог.

— Товарищи члены и кандидаты в Политбюро, — начал Романов. — Вас всех собрали здесь по моей инициативе. Виктор Васильевич, в данном случае, пошел мне навстречу и согласился предоставить свою дачу для нашего собрания. Дело очень важное и не терпит отлагательств. Прежде чем мы заслушаем доклад генерала армии Иващутина, прошу не поддаваться эмоциям, выслушать его до конца и внимательно ознакомиться с представленными доказательствами.

— Речь идёт о Петре Ивановиче Иващутине, начальнике Главного Разведывательного Управления Министерства Обороны? — уточнил Суслов, заинтересованно сверкнув линзами очков.

— Да, — коротко ответил Романов.

— Петр Иванович месяца два назад большое дело сделал, — проскрипел Пельше. — Около трех десятков предателей в КГБ и ГРУ выявил. Если кратко, тема доклада?

Лицо Романова посуровело, в глазах появился стальной блеск.

— Организация государственного переворота с целью смены конституционного строя и развала страны, подготавливаемая отдельными личностями в руководстве, — отчеканил он.

Присутствующие окаменели. В комнате на секунду повисла тягостная гробовая тишина. Затем Тихонов всхрипнул и схватился пятернёй за грудь. У Пельше нервно дернулось веко. Черненко ошеломленно откинулся на спинку стула, хватая ртом воздух. Щербицкий нахмурился. В глазах Гришина мелькнули растерянность и испуг. Даже Громыко потерял чопорный и строгий вид. Его лицо обмякло и опустилось, как воздушный шарик, из которого резко выпустили воздух. Суслов начал медленно багроветь.

Чепуха! — выкрикнул Громыко. — Бред какой-то! Не верю.

— Андрей Андреевич, я бы на твоём месте не делал скоропалительных выводов, — заметил министр обороны. — Так получилось, что я, как непосредственный начальник Иващутина ознакомился со всеми материалами первым. Всё более чем серьёзно.

— О ком идёт речь? Кто эти отдельные личности в руководстве, подготавливающие государственный переворот? — вмешался в разговор красный от ярости Суслов. — Дайте конкретику. Факты, доказательства, имена, фамилии.

— Вы всё узнаете из доклада Петра Ивановича, — невозмутимо ответил Романов. — Там конкретики, которую ты, Михаил Андреевич, требуешь, более чем достаточно.

— Надеюсь, Леонид Ильич ни причём? — саркастично поинтересовался главный идеолог партии.

— Конечно, ни причём, — кивнул первый секретарь Ленинградского обкома. — Вы это

сами прекрасно знаете. Товарищ Брежнев — фронтовик, глава Коммунистической партии и руководитель страны. Даже мысли о том, что Леонид Ильич может быть замешан в чем-то подобном быть не должно. Странные у тебя вопросы, Михаил Андреевич?

— Тогда почему мы собираемся здесь и без него? — продолжал напирать Суслов. — Как-то это всё дурно пахнет.

— Потому, что нельзя давать заговорщикам лишний повод для беспокойств. Все слишком серьезно и далеко зашло. Не волнуйтесь, товарищ Брежнев получит информацию, практически, в одно время с вами.

— А сейчас вы не даете, этим таинственным, как вы выразились «заговорщикам», повод для беспокойств? — иронично осведомился Суслов. — Ведь о нашей встрече они могут узнать в любой момент.

— Даём, — признал Романов. — Но мы готовы рискнуть. Вы являетесь руководителями страны и должны знать, что происходит за вашими спинами.

— Почему вы не обратились к товарищу Андропову? — поинтересовался Черненко. — Это, прежде всего его компетенция. Он же у нас председатель КГБ. Или я что-то пропустил и он уже не председатель?

— Вы обо всем узнаете из доклада генерала Ивашутина, — дипломатично ответил Григорий Васильевич.

— Зовите уже своего Ивашутина, — недовольно бросил Громыко. — Послушаем, что он нам расскажет.

18 января 1979 года

Москва (Окончание)

Ивашутин перехватил портфель в левую руку, беззвучно выдохнул, взялся за ручку двери и дернул её на себя:

— Разрешите войти?

— Проходи, Петр Иванович, — добродушно усмехнулся Устинов. — Мы тебя уже три минуты ждём.

Ивашутин шагнул вперед. Взгляды присутствующих скрестились на невысоком плечистом мужчине в генеральском мундире. От каменных лиц людей, с холодным любопытством рассматривающих начальника ГРУ, веяло такой мощной аурой власти, что Петру Ивановичу стоило немалых усилий удержать бесстрастное выражение лица. Даже он, отдавший всю свою жизнь разведке и повидавший всякое, чувствовал себя некомфортно среди искушенных в интригах партийных бонз, способных одним словом или росчерком пера сломать человеческую жизнь.

Романов заметно улыбнулся уголками губ, Устинов ободряюще кивнул, Машеров, убедившись, что никто не видит, тихонько подмигнул, и Ивашутину немного полегчало.

— Петр Иванович, мы вас слушаем, — напомнил Пельше.

— На стол можно выложить документы и видеокассеты? — вежливо уточнил Петр Иванович. — Мне так удобнее будет все рассказывать и показывать.

— Можно, — кивнул Суслов. — Выкладывайте. И рассказывайте уже поскорее, чего там накопили.

— Так точно, — Ивашутин открыл портфель, выложил толстую стопку бумаг и пару видеокассет и повернулся к министру обороны. — Дмитрий Федорович, разрешите приступить?

— Разрешаю, — кивнул Устинов.

— Уважаемые члены и кандидаты в Политбюро. Речь пойдет о государственном перевороте с целью реставрации капитализма, готовящимся за вашими спинами. Но перед тем, как перейти непосредственно к делу, небольшое предисловие. Это займет, буквально, пару минут, но оно необходимо. Прошу не делать скоропалительных выводов. Возможно, вам что-то покажется высосанными из пальца обвинениями, чепухой, не стоящей внимания, но не торопитесь. Каждое своё слово я буду подтверждать доказательствами. Поэтому очень важно, чтобы вы досмотрели и дослушали, всё что вам скажут и покажут до конца.

— Дослушаем, — буркнул Громыко. — Начинай уже, Петр Иванович.

— Хорошо, — кивнул Ивашутин. — Всё началось в шестидесятых годах. После прошедшего XX съезда КПСС, среди партийных руководителей среднего и высшего звена на почве антисталинизма начались дискуссии. Велись откровенные разговоры, о том, что экономике нужен новый импульс, и, возможно, некоторые сталинские реформы следует откорректировать. Никита Хрущев показательно стучал ботинком по трибуне ООН, обещал американцам «похоронить США», и «показать кузькину мать». Но в реальности, заигрывал с представителями бизнеса и западными политиками. При Хрущеве в 60-ых годах между элитами СССР и США начали проводиться Дартмутские встречи. На них высшие чиновники, политики и учёные начали общаться друг с другом, дискутировать на социальные и политические темы. Это оказало влияние на мышление многих

представителей советской элиты и вызвало заметное «брожение в умах». В 1962 году в них участвует Дэвид Рокфеллер — президент «Chase Manhattan Bank» и выходец из одной из самых богатых семей на планете. В 1964 году он прилетает в Москву, встречается с Хрущевым и рядом представителей советских элит. Именно в это время Рокфеллер знакомится с Алексеем Николаевичем Косыгиным, уже занимавшим пост Председателя Совета Министров СССР.

— Пока что вы нам ничего интересного не рассказали, — раздраженно бросил Громыко. — Мне некогда слушать пустую болтовню. Что-то по делу будет? С доказательствами повесомее ваших слов?

— Обязательно будет, Андрей Андреевич, — спокойно ответил Ивашутин. — Доказательств хватает. Но предыстория нужна, чтобы потом понимать, о чем идёт речь. Я же просил вас и других товарищей внимательно выслушать меня, ознакомиться с имеющимися материалами, видео и другими доказательствами. И только потом делать выводы.

— Продолжай, Петр Иванович, — попросил Устинов. — Мы все тебя внимательно слушаем. Товарищи, прошу вас не перебивать генерала Ивашутина. Имейте терпение, будут вам доказательства, мало никому не покажется.

— С наступлением 70-х фонд Кеттеринга, организовывающий встречи по инициативе Рокфеллера, передает большую часть своих обязанностей структурам банкира. Из состава американских делегаций исчезли знаменитости: актёры, писатели и другие представители богемы. Они были заменены на политиков, дипломатов и специалистов по «Советам», таким как Ричард Гарднер, Джеймс Биллингтон и даже сегодняшний советник по национальной безопасности в администрации Картера Збигнев Бжезинский, ярый ненавистник СССР прилетел на Дартмутские встречи в Москву в 1975-ом году. Зачем всё это было нужно? Чтобы установить информационный канал и тесные неформальные контакты с элитой СССР, познакомить оппонентов с ценностями «западного мира» и заставить их задуматься. Именно на этих встречах с нашей стороны участвовали Евгений Примаков и Борис Арбатов, будущие заговорщики. Бизнес и экономическая система США с 71 года, когда Никсон отвязал доллар от золотого эквивалента, пережили ряд кризисов. Сначала обесценивание национальной валюты, потом нефтяной кризис 73-го года, взлёт цен на энергоносители. Это вызвало резкий спад в автомобильной отрасли, а потом во всем машиностроении. Города юго-востока США, бывшие промышленными центрами, пустели и разрушались. И американцам отчаянно нужны были новые рынки и ресурсы. СССР и стран социалистического блока могли дать им и то, и другое. Поэтому в 70-ых годах, во время Холодной войны Рокфеллерами и другими бизнесменами и политическими деятелями принимались активные действия по работе с советской элитой. Но полностью открыть рынки и ресурсы СССР, могла лишь смена социального строя. И здесь американские политики и бизнесмены нашли союзников в СССР. Вот доклад Джона Рокфеллера в одноименном фонде, основанном его отцом. Там же, ещё один доклад — специалистов этой организации. Официально фонд Рокфеллера — филантропическая организация, работающая на благо общества. На деле, мощный аналитический центр с миллиардным бюджетом. Он собрал самых лучших аналитиков США и других стран. Их задача: моделировать сценарии будущего и планировать решения, позволяющие избегать экономических рисков, правильно распределять инвестиции и получать сверхприбыли.

Здесь английский текст оригинала и русский перевод, сделанный моими сотрудниками.

Прочтите, пожалуйста, и передайте другим товарищам.

Ивашутин раздал несколько листков бумаги в руки Громыко, Гришину, Щербицкому.

— И что здесь написано в докладе Дэвида Рокфеллера? — спросил Пельше, с интересом наблюдающий за читающими текст коллегами.

— Если кратко, то, когда господин банкир первый раз прилетел в Москву, то сделал полезный для себя вывод. Цитирую.

Ивашутин вскинул листок бумаги перед собой и прочитал:

«Они не знают основ марксистской науки, не владеют даже элементарными понятиями для коммунистов. Даже я понимаю, что такое диктатура пролетариата, и на чем она основана. А эти высшие чиновники не способны адекватно воспринимать не только простые догмы марксистской теории, но даже текущую политическую и экономическую повестку. Они надели на себя сапоги Сталина и утонули в них. Самовлюблённые болваны с надменными лицами мудрецов, изрекающих непреложные истины. С этими людьми можно и нужно работать».

— Это он так о членах советских делегаций выразился? — глаза Сулова метали молнии.

— Да, именно о них, — подтвердил Ивашутин.

— А что в докладе фонда говорится? — спросил Щербицкий.

— Там рассказывается о продолжающемся экономическом спаде США и негативных последствиях для страны, если проблемы, которые привели к кризисным явлениям, не будут устранены. Одно из наиболее эффективных решений — открытие новых рынков и получение ресурсов по демпинговым ценам. Рассматривается теоретическая возможность проникновения западного бизнеса в СССР и страны социалистического блока. Но наибольший эффект, способный вызвать взрывной экономический рост может быть только при смене социального строя в этих государствах, подкупе элиты и получении ресурсов по заниженной стоимости.

Члены Политбюро напряженно вчитывались в листки, передавали их друг другу, а Ивашутин продолжил:

— Как я уже говорил, Дэвид Рокфеллер на Дартмутских встречах познакомился с Алексеем Николаевичем Косыгиным — председателем Совета министров СССР. Там внизу в примечаниях, после отчёта Рокфеллера, интересные факты указываются. Помимо краткого обзора встречи с Хрущевым, рассказ о беседах с Косыгиным. Говорится о предложениях Андрея Ивановича американскому бизнесу совместно разрабатывать месторождения газа и строить АЭС. Проще говоря, допустить американских капиталистов к советским стратегическим технологиям и полезным ископаемым. А Дэвид в свою очередь сумел внушить советскому премьеру мысль о необходимости международной конвертации рубля, скромно промолчав о том, что после этого, валюта станет уязвимой ко всем кризисам, происходящим в мировой экономике. В 1973 году в Москве открывается представительство его банка. В СССР начинают проникать западные корпорации и компании — «Пепси-кола, Тектрон, Фиат» и многие другие.

А теперь товарищи, — Ивашутин сделал эффектную паузу. — Перейдем к доказательствам, которые вы просили.

Он достал из портфеля кассету VHS. Подошел к тумбочке с телевизором и видеомagneтофоном. Щелкнул железным переключателем на передней панели, заставив крышку «NR-3300» открыться. Вставил кассету, захлопнул её, включил телевизор, начавший

транслировать серую мельтешащую рябь.

— Начнем мы с допроса генерал-майора Первого Главного управления КГБ, Олега Даниловича Калугина, — объявил Иваштуин. — Он длился много часов, но для вас я собрал наиболее показательные и интересные моменты.

— Секунду, Петр Иванович, Калугин вроде погиб при задержании вашими сотрудниками. Я даже съемку видел, — Пельше с интересом глянул на генерала. — Вы что его с того света вытянули, чтобы допросить?

— Я тоже видел съемку задержания Калугина, — сухо подтвердил Громыко. — Юрий Владимирович был очень недоволен, что его проводили ваши сотрудники, товарищ Иваштуин, и справедливо утверждал, что вы сильно превысили свои полномочия. Вас спасло только заступничество Леонида Ильича. Он, как и Суворов, посчитал, что победителей не судят. Так что это получается, Калугин жив, а вы занимаетесь фальсификациями и сознательно ввели в заблуждение Леонида Ильича и членов Политбюро?

— Отвечаю на оба вопроса. Калугин на этом свете. Жив, здоров и находится в надежном месте. И я сознательно буду делать всё, что возможно и невозможно, если от этого зависит безопасность моей Родины и советского народа, — так же сухо ответил Иваштуин. — Что касается съемки. Мы действительно зафиксировали всё на пленку с нескольких точек. Кадры, где Калугин забирает шифрограммы с контейнера, замаскированного под камень в Филевском парке, подлинны. Если вы их внимательно смотрели, то должны отметить, что его лицо в этот момент прекрасно видно. А вот момент его задержания — фальшивка. Мы просто надели плащ генерал-майора на своего человека, фигурой напоминавшего Калугина и сняли это так, чтобы лица не было видно. Он сразу «якобы» принял ампулу с ядом и упал вперед. На самом деле, генерал-майор был взят на выходе из парка, а момент его фальшивого задержания был заснят позднее. Сделали это специально. Калугин — важное звено в цепочке заговорщиков. Он являлся одним из каналов связи с ЦРУ. Если бы было объявлено, что он живой, предатели бы засуетились. Взятый на месте преступления и умерший от яда генерал-майор — полностью безопасен для заговорщиков, потому что уже ничего не расскажет.

— Да кто ж такие эти заговорщики? — взорвался Громыко. — Фамилии, имена сказать можете?

— Я хочу, чтобы вы сами всё это послушали, — невозмутимо ответил Иваштуин. — Сначала от Калугина, а потом от других фигурантов. Моменты их допросов тоже на кассете записаны.

Начальник ГРУ щелкнул рычажком видеомagnитофона и мельтешащая серая рябь, сменилась черным квадратом. Потом на экране возникла фигура сидящего на стуле Калугина. Генерал-майор смотрел прямо в объектив камеры.

— Фамилия, имя, отчество, — раздался голос невидимого следователя.

— Калугин Олег Данилович, — глухо ответил предатель.

— Число, месяц и год рождения.

— Шестое сентября, тысяча девятьсот тридцать четвертого года.

— Должность.

— Генерал-майор Комитета Государственной Безопасности. Начальник управления «К».

— Показания даете в здравом уме и по доброй воле?

— Да. И очень надеюсь, что согласие на добровольное сотрудничество будет учтено

судом.

— Когда вы были завербованы ЦРУ?

— Я был завербован сотрудниками ФБР в 1958 году, когда находился в США на стажировке в Колумбийском Университете. Они свели меня с агентом ЦРУ.

— На чём вас взяли?

— Ни на чём. Сейчас даже вспоминать стыдно. Классическая подстава. Проходившие стажировку советские граждане держались вместе, на это была четкая команда кураторов. Но всегда и за всеми уследить они не могли. Периодически мы оказывались на улице и в университете одни. Отошел от товарищей в туалет, подцепил на обратной дороге симпатичную аспирантку-мулаточку. Пообщались. Потом она попала мне на глаза ещё раз. И ещё. Я, конечно же, понимал, что дело, может быть нечисто, но сомневался. Она особо не навязывалась, ждала, когда сам прыгну к ней в постель захочу. А мне двадцать четыре года всего было, баб хотелось, безумно.

Кончилось это тем, что я зашёл в её квартирку, которую девушка снимала недалеко от университета. Классическая медовая ловушка. Только легли в постель, она начала визжать, царапаться, и сразу же ворвались фбровцы с камерами. Дальше поставили выбор — или едем в полицейский участок, скандал, я сажусь на несколько лет за изнасилование, или сотрудничаю и получаю от них деньги. Я подумал и согласился сотрудничать. Первой совместной операцией с ФБР была вербовка агента «Кука». Я тогда перетрусил знатно. Очень грубая работа. Рассказ о знакомстве с супругами Котлобай и последующего предложения раскрыть секрет ядерного топлива, был неправдоподобен, от него разило за версту. Однако, прокатило, КГБ заглотнул наживку. После этого меня сочли перспективным, и перевели к куратору из ЦРУ.

— Как у вас установились контакты с Юрием Владимировичем Андроповым?

— Он знал, что я двойной агент и работаю на американцев. Вызвал к себе в кабинет, предложил проехаться на конспиративную квартиру. Там поговорили по душам. Когда Юрий Владимирович заявил, что ему известно о моей вербовке ЦРУ, меня чуть инфаркт не схватил.

Андропов меня успокоил, сказал, что всё через несколько лет изменится коренным образом, холодная война закончится, американцы станут друзьями и партнёрами, а у нас будет капитализм. Правда, для этого надо ещё как следует поработать. Пообещал, что будет двигать меня по карьерной лестнице и прикрывать во всех возможных ситуациях.

— Как вы думаете, откуда он мог узнать, что вы работаете на ЦРУ? — в голосе следователя явно слышались нотки сарказма.

— Уверен, Андропову меня слили в Лэнгли. Как резервный вариант для связи и человека, с которым можно работать для реализации озвученных им планов.

— Вы сказали, что являлись дополнительным каналом для связи. Кто был основным, знаете?

— Генерал-лейтенант Евгений Петрович Питовранов. Сейчас он заместитель председателя Торгово-промышленной палаты. У Питовранова постоянные контакты с представителями западного бизнеса, в том числе и американского. Он может с ними встречаться практически легально, под прикрытием своей работы.

Евгений Петрович располагает собственными людьми и ресурсами для проведения любой работы: разведки, диверсий, ликвидаций, расследований. У него имеется собственная структура под крылом КГБ. «Фирма» называется. Она работает лично на Юрис

Владимировича Андропова. Люди Питовранова в большинстве своем отставники спецслужб, на многих имеется убойный компромат. Выполняют самые деликатные поручения и задания, которые Андропов по ряду причин не может поручить своим подчиненным из Комитета.

— Вы общались не только с Юрием Владимировичем? Знаете и других лиц, задействованных в будущем перевороте?

— Знаю, конечно. Долго перечислять. Из окружения Андропова лично общался с Питоврановым, Евгением Максимовичем Примаковым — директором института Востоковедения. Был в хороших отношениях с Филиппом Денисовичем Бобковым, начальником Пятого Управления КГБ. Помогал ему организовать подбор кадров для командировок в МИПСА и создания ВНИИСИ.

— МИПСА — это Международный Институт Системного Анализа в Вене? А ВНИИСИ — советский аналог в Москве?

— Да, всё верно.

— Зачем это делалось?

— Там готовились экономисты для работы в нашей стране, когда строй сменится на капиталистический. Подбор был сильно усложнен, они должны были быть внутренними диссидентами, готовыми принять западные ценности и внедрять капитализм у нас, но при этом очень осторожными, чтобы говорить об этом вслух. Кандидатуры определялись по различным тестам и определенным признакам, если хотите, могу перечислить.

— Это потом. Можете рассказать, как возникла идея смены общественного строя?

— Здесь все просто. Андропов — выходец из богатой еврейской семьи. Его отец был успешным предпринимателем, ювелиром. Официальная биография Юрия Владимировича целиком вымышленная. Мать ненавидела Советов, считала себя «белой костью» и передала это чувство сыну. Юрий Владимирович был вынужден жить и делать карьеру в Союзе, но при этом ненавидел коммунистов, считал себя обделенным. Ненавидел не только потому, что его папаша был ювелиром. Он рассказывал, что при Сталине жил в постоянном напряжении, ждал, что о его тщательно скрываемом прошлом узнают, и боялся ареста. А в семидесятых нашел себе единомышленника в лице председателя Совета Министров. Андрей Николаевич, его зять Гвишиани, Евгений Примаков, женатый на сводной сестре Джермена, Борис Арбатов были под впечатлением Дартмутских встреч. Они ездили в западные страны, видели, как живут буржуа, и хотели обладать такими возможностями. Окружение Косыгина бесило, что они занимают высокие государственные должности, обладают властью в одной из двух самых сильных держав мира, но ничего не имеют. И в старости их ждет только не очень большая пенсия. А западные политики и функционеры — обеспеченные люди, с миллионами долларов на счетах.

— Откуда вы все это знаете?

— Андропов и остальные считали меня полностью своим, и при мне не особо стеснялись высказывать свои мысли. К Юрию Владимировичу я был особенно близок. Можно сказать, являлся доверенным лицом.

— Косыгин тоже хотел жить как капиталист?

— Нет. С ним немного другая история. Он искренне считал, что плановая экономика в том виде, котором она есть, себя исчерпала. И находился под сильным впечатлением общения с Дэвидом Рокфеллером. Зачем производить свою продукцию, которая будет уступать западной, если можно стать капиталистической страной, продавать сырье, и

нормально жить. Во всяком случае, я такое слышал.

— Расскажите, что вы собирались делать, когда придёте к власти? Существовал ли какой-то поэтапный план?

— Конечно. Сначала Юрий Владимирович собирался потратить пару лет на подготовку. Затянуть гайки, то есть максимально настроить людей против КПСС. Объявить борьбу с коррупцией, напугать торгашей и спекулянтов, усилить «трудовую дисциплину» облавами в рабочие часы. Выпустить дешёвую водку, чтобы население начало потихоньку спиваться. Затем, постепенно менять экономические отношения. Запустить хозрасчёт и рыночные механизмы работы на государственных предприятиях. Косыгин это уже пытался сделать, но неудачно. Реформы заставили свернуть. Невозможно встраивать капиталистические детали в механизм плановой экономики. Так это не работает, или работает в краткосрочной перспективе.

Помните, как в «Интернационале» пелось «весь мир насилья мы разрушим. До основания. А затем, мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем». Так и тут, чтобы построить новую систему экономики — капиталистическую, старую социалистическую, нужно было разрушить. До основания.

И одновременно, под лозунгами «гласности», начать мощную кампанию против КПСС. Сначала понемногу поднять вой о сталинских репрессиях и преступлениях коммунистов, благо дорожка уже протоптана Хрущевым, затем оседлать тему привилегий партийных работников, мол, они в спецраспределителях дефицитные продукты и товары получают, и на роскошных дачах отдыхают, а простой народ вынужден на одну зарплату жить. Затем грамотно нагнетать и разгонять волну истерии, добавляя всё новые раздутые явные и выдуманные преступления коммунистов.

Суслов побледнел и схватился рукой за сердце.

— Вам плохо, Михаил Андреевич? Может валидолу поискать? — участливо осведомился хозяин дачи, сидящий рядом.

— Нормально, — главный идеолог глубоко выдохнул и выпрямился. — Ничего не надо, полегчало уже.

Тем временем допрос на экране телевизора продолжался:

— Для этого, — вещал Калугин, — Андропов во время подготовительного периода рассадит своих людей в Государственный комитет по радио- и телевидению, в «Правду», «Комсомолку» и другие советские газеты.

— Думаете, что всё будет так просто? — уточнил следователь. — Раз, и все стали поливать грязью КПСС? Как-то в это всё не очень верится.

— Убежден, что просто, — ответил предатель. — Вы Двадцатый съезд вспомните. Ещё три года назад вся страна рыдала, когда Сталин умер. А потом, раз, и он уже сам тиран и враг народа. И все схавали. Были отдельные волнения, но ведь схавали же. И те, кого он из грязи в князи поднял, сами же первые его дерьмом мазали. Даже просто промолчали единицы. Почти все наверху считали своим долгом на его могилу плюнуть. А народу, что и скажешь, в то он и будет верить. Если, конечно, это грамотно сделать.

— Хорошо, допустим, и что дальше?

— А дальше, больше, — усмехнулся Калугин. — На этой волне начинаем развитие предпринимательства и частной инициативы. В заключение, на подъеме всеобщего недовольства коммунистами отменяем 6 статью Конституции.

— О руководящей роли КПСС?

— Именно. Учреждаем пост президента Союза. Даем республикам максимум самостоятельности. Местные функционеры не дураки, сразу смекнут, что к чему. Станут полноценными баями, князьками на местах. А если намекнуть, что им ничего не будет, начнут отделяться, есть лазейки в Конституции, позволяющие это сделать. По итогу, скидываем балласт, все ресурсы остаются у нас, и переходят в подготовленные частные руки. Всё.

— По вашему мнению никто сопротивляться не будет? Не забывайте, Юрий Владимирович — это ещё не всё Политбюро.

— Смешно, — ухмыльнулся Калугин. — Я вам интересную вещь расскажу. Два года назад скончался маршал Гречко. Здоровенный лось, даже в свои 72 года. С теннисной ракеткой бегал, в волейбол играл. Но был очень недоволен расширением штатов Комитета и усилением его роли в государстве. Считал, что на КГБ тратится неоправданно много денег и ресурсов. На Андропова даже наезжал. И в один прекрасный день умер. С Кулаковым та же история. Не нужен он был Юрию Владимировичу в Политбюро.

— Вы считаете, что Андропов к этому приложил руку?

— Я ничего не утверждаю. Но в подчинении Юрия Владимировича находится токсикологическая лаборатория, производящая самые современные смертельные яды, которая ни одна экспертиза не обнаружит. Разработанные ею вещества убивают людей ещё с тридцатых годов. А Андропов мне когда-то многозначительно намекнул о Гречко: мол, много о себе думал, пытался Юрия Владимировича убрать с поста главы КГБ, вот и однажды утром уснул, и не проснулся. А в Политбюро все дедушки. Большинство из них уже на ладан дышат. Никто даже не удивится, если умрут, возраст. Учитывая, что Чазов — большой друг Юрия Владимировича и сделает всё, что он прикажет, убрать любого деда из Политбюро, задача решаемая, причем легко.

Пельше позеленел, Суслов хрипло выдохнул, Громыко сидел мрачный как грозовая туча. Черненко налил в стакан воды из графина и залпом выпил. Устинов спокойно наблюдал за остальными присутствующими. Машеров внимательно смотрел и слушал видео.

Текли минуты, складываясь в часы. На экране Калугина сменил полковник Остроженко, оживленно рассказывающий о попытке захвата Ивашутина на трассе, отмазке «шпионов», «диссидентов» и других темных делишках Андропова.

Затем появился Шалманович, поведавший об оффшорных зонах Комитета, потоках денег, вливаемых в западные банки и коммерческие структуры, подготавливаемом плане по будущим скупкам советских промышленных активов, в котором он был задействован кураторами из КГБ.

Присутствующим был продемонстрирован протокол собрания МИПСА под председательством Печчеи — своеобразное руководство по реформатированию сознания советских сотрудников в рамках капиталистической либеральной идеологии.

Затем Ивашутин запустил аудиозапись разговора сотрудников ВНИИСИ Шаталина и какого-то Михаила с молодым кандидатом в группу «прогрессивных экономистов» Гайдаром, на заранее подготовленном Гришиным магнитофоне «Весна».

Молодые экономисты обсуждали будущее построение капитализма в Союзе посредством «шоковой терапии», попутно словесно оплеывая коммунистов, принимая как неизбежное «что в рынок впишутся не все, миллионов десять-пятнадцать просто сдохнет, но ничего страшного, такова цена свободного общества и рыночной экономики».

Щербицкий услышав это, грязно выругался, назвав молодых светил либеральных

реформ «фашистами и мерзкими пи...арасами».

Особенное впечатление на членов Политбюро произвел Егор Тимурович. Каждый раз, что-то вещая голосом заучки-отличника, он так противно причмокивал, что старики непроизвольно морщились и кривились.

Пельше даже съязвил своим скрипучим голосом, где, мол, нашли это младое чудо, и давно ли его от мамкиной сиськи оторвали?

Присутствующим показали много других документов. Стратегию «парада суверенитетов», разработанную молодыми экономистами ВНИИСИ с коллегами из МИПСА. Фотографию улыбающихся Дэвида Рокфеллера и Аугусто Печчеи на заседании Бильдербергского клуба, участниками которого являются богатейшие люди планеты, влиятельные политики, члены известных монархических династий. Снимок в рамке висел в комнате Дэвида, и был засвечен по чистой случайности, во время интервью Рокфеллера представителям прессы. Иващутин продемонстрировал список участников конференции «Условия Нового Мирового порядка», проведенной в итальянском поместье Дэвида, и предложил сравнить их с именами основателей «Римского клуба», созданного спустя три года. Последняя организация возглавлялась покойным Печчеи, и принимала активное участие в создании МИПСА. Списки участников конференции и создателей клуба оказались полностью идентичными.

Рассказ Иващутина прервал здоровенный старлей, ворвавшийся в зал. Увидел Устинова, повернулся к нему, лихо козырнул:

— Товарищ маршал Советского Союза, разрешите обратиться к товарищу генералу армии.

— Обращайтесь, — кивнул Дмитрий Федорович.

— Товарищ генерал-армии, срочное сообщение, — выпалил парень, повторно отдав честь. — Приказано передать вам.

— Передавай, — приказал Иващутин.

— Прямо здесь? — растерянно спросил старлей.

— Прямо здесь, — подтвердил генерал армии. — У меня от Дмитрия Федоровича и товарищей из Политбюро секретов нет.

— Звонил товарищ Щелоков. Он на объекте Заречье-6. На Генерального секретаря товарища Брежнева совершено покушение...

Утро в московской квартире выдалось пасмурным. Когда я открыл глаза, тусклая полоска света робко проникала сквозь заледеневшее окно. На улице злобно выла вьюга, бросая горстями в редких прохожих снежную пыль. Она, то игриво кружила хороводом снежинки, то на мгновение затихала, собираясь с силами, чтобы снова яростно взметнуться в воздух белой пеленой. Люди брели по делам в шубах, куртках и зимних пальто, с поднятыми воротниками и закутанными мохеровыми и самодельными вязаными шарфами до самого носа, прикрывая глаза перчатками и варежками от порывов ветра и снежной пороши.

— Проснулся? — из приоткрывшейся двери выглянула довольная мордашка Аллы. Без яркой косметики женщина выглядела лет на десять моложе.

— Ага, проснулся, — вздохнул я, отбрасывая одеяло.

— Замечательно, — улыбнулась оперативница. — Иди, умывайся и присоединяйся к нам. Я такие котлеты приготовила, пальчики оближешь.

— Сейчас, — я сладко потянулся, хрустнув суставами. — Только приду в себя немножко.

— Ладно, — лицо Аллы исчезло, дверь медленно закрылась. Я бодро вскочил с кровати, сделал несколько приседаний и махов руками, разгоняя кровь, натянул брюки и двинулся ванную. Оказавшись на месте, накиннул крючок запора на железную петельку, вбитую в дверной проем, сбросил одежду и полез в душ. Открыл холодную воду, добавив чуточку горячей, чтобы поток не был совсем ледяным, и с удовольствием подставил тело под тугую струю прохладной воды. Освежающий душ оказал на меня волшебное воздействие. Остатки сонливости пропали, тело наполнилось энергией, голова работала как швейцарские часы.

Вытерся полотенцем, усердно поелозил щеткой по зубам, благо тюбик «Колгейта» мы привезли из заграничной поездки. Натянул брюки и майку и вышел в коридор. Из кухни уже доносился умопомрачительный запах жареных котлет.

— Леша, заходи, — махнул мне рукой Иван Дмитриевич, сидящий у входа. Рядом с ним примостился на табуретке Вася. Вид у парня был какой-то помятый, глаза красные. Возле плиты сутилась оперативница в переднике. На конфорке аппетитно шкварчала, разбрызгивая горячие капли масла и стреляя клубами пара, последняя порция котлет с золотистой коричневой корочкой. Рядом на большой тарелке, они были выложены небольшой горкой, от которой по всему помещению витал аромат сочного мяса.

— Привет всей честной компании, — весело поздоровался я, ввалившись на кухню. — А где Сергей Иванович?

— Сегодня ранним утром позвонили, за ним приехала машина, — ответила Алла, переворачивая вилкой котлеты. — Сергей Иванович сказал, скорее всего, после обеда приедет, а может вообще поздно вечером. Дал команду, не терять бдительности, сидеть на месте и ждать дальнейших указаний.

— Понятно, — вздохнул я. — Он работает. А мы сидим здесь без дела.

— Не переживай, Леша, на твой век дел ещё хватит, — усмехнулся Березин. — Куда ты торопишься? Тебе они ещё надоест успеют.

— Да я и не переживаю. Просто мог быть полезным, особенно сейчас.

— Так, полезный, — Алла поставила передо мною тарелку с макаронами и котлетой. —

Ешь, давай.

— Спасибо, — я вяло поковырял вилкой котлету. Настроение с самого пробуждения не улучшилось и есть особого желания, не было. Кинул кусочек в рот, затем ещё один, наколол на вилку несколько макаронин, прожевал их и отодвинул тарелку.

— Что-то не хочется.

— Невкусно? — в голосе женщины прозвучали нотки обиды.

— Очень вкусно, — поспешил заверить я. — Просто сегодня какое-то непонятное состояние. Ни аппетита, ни настроения нет.

— Ты хотя бы чайку с нами попей, горячего, — предложил Вася. — Глядишь, и настроение поднимется.

— Спасибо, что-то не хочется, — я встал, отодвигая табуретку. — Пойду в гостиную, телевизор посмотрю.

Через пять минут в гостиной затрезвонил телефон. Алла принимала душ, и к аппарату подошёл Вася.

— Да, понял, хорошо, — сказал он.

Я оторвался от телевизора. Из своей комнаты вышел Иван Дмитриевич.

— Капитан звонил?

— Он, — кивнул Вася. — Сказал, срочно уезжать отсюда. Пересидеть день в области, в вашем доме или любом другом месте.

Парень подошел к двери ванной и постучал.

— Ну что там такое? — раздался недовольный голос оперативницы.

— Алла, выходи, капитан звонил. Сказал срочно уезжать отсюда.

Спустя минуту дверь ванной открылась и в коридоре появилась Алла в халатике и тюрбане из полотенца, намотанном на волосы.

— В чём дело? — недовольно спросила она. — Почему уезжать?

— Так Сергей Иванович сказал, — развел руки Вася. — Он не пояснил, почему. Дал на сборы двадцать минут, и сказал, чтобы в течение этого времени покинули квартиру. Сказал, чтобы уехали из Москвы, и отсиделись денек в области у Дмитриевича в доме.

— Да? — недоверчиво спросила женщина, стянула с головы полотенце и тряхнула влажными волосами. — Тогда собирайте вещи. А я — сушить волосы.

Она удалилась на кухню, а мы пошли собирать вещи и одеваться. Вася убежал прогревать стоящую недалеко от дома белую «ниву».

Через двадцать минут мы уже сидели в белой «Ниве». За рулем Вася. Рядом — Алла. Мы с Иваном Дмитриевичем на заднем сиденье. В окне мелькали заснеженные московские улочки, остановки и тонкий ручеек людей идущих на работу и по своим делам. Пробегали мимо веселые стайки ребятишек с портфелями, проходили компании студентов, спешащих в учебные заведения, парочки пенсионеров с сумками и авоськами, смотревшимися зимой немного экзотично.

Спустя полчаса многоэтажки сменили укутанные снегом безлюдные поля в окружении черных деревьев.

— Чего-то мне спать охота, аааа, — зевнул Иван Дмитриевич, сомкнул глаза и уронил голову на грудь. Алла как кукла лежала, безжизненно раскинувшись на переднем сиденье. Только голова чуть качалась в такт движению машины.

Вася кинул короткий взгляд на деда и затормозил, приткнувшись к обочине. Беспокойство в душе нарастало, как снежный ком, катящийся с горной вершины. Чувство

тревоги внутри вопило оглушительной сиреной. Моя рука рванулась в карман куртки, где лежал верный «дерринжер». До ТТ в сумке, к сожалению, не добраться.

— Не вздумай дергаться, — мне в лицо смотрело черное дуло ПСМ. — Ты нужен живым, но рисковать я не буду. Попробуешь сопротивляться — завалю.

— Не понял, — выдавил я, внезапно осипшим голосом. — И что это значит?

— Только то, что ты — моя путевка в будущее, — ухмыльнулся предатель. — Приз, благодаря которому я обеспечу себе жизнь и свалю из этой страны.

— Что с Аллой и дедом? Ты их отравил?

— Усыпил, — губы старшего лейтенанта искривились в глумливой усмешке. — Поспят часиков пять, а когда проснутся, ими уже будут заниматься другие люди. Ты тоже мог составить им компанию, жаль чайком побаловаться не захотел.

— Так ты, получается, с самого начала был «кротом»? — уточнил я. — Тогда почему нас не сдал с самого начала?

— Не был, — старший лейтенант презрительно сплюнул. — Дурак, потому что. Надо было раньше вас слить.

— Кому? — спокойно поинтересовался я. — Американцам или Андропову?

— Американцам, конечно, — предатель просто светился от самодовольства. — На фиг мне этот Андропов нужен.

— Почему, Вася? — спросил я. — Страна тебя вырастила, выучила. Профессию дала, работой обеспечила. Чего тебе не хватало? Зарплату ты получал, жил нормально. Со временем и отдельную жилплощадь бы выделили. Женился, растил бы детишек, как все.

— Это ты называешь нормальной жизнью? — вскинулся старлей. — Получать жалкие копейки, в сороковник обзавестись квартирой, если с семьей — могут дать двухкомнатную конуру, а если сам — ютиться в однокомнатной собачьей будке. Жениться на какой-нибудь Клаве, жить от зарплаты до зарплаты, пересчитывая каждый рубль. Это, млять, не жизнь. Настоящая жизнь, там за кордоном. Я после нашего путешествия об этом много думал. Вспоминал посетителей казино, людей в Германии и Лондоне. Богатые мужики, куча удовольствий, дорогие машины, ухоженные женщины, большие дома. Вот где жизнь, а не в этой убогой серой Совдепии. Что у нас хорошего? Все ездят на дребезжащих тарантасах, ходят в этих уродливых костюмах и платьях, похожих на половые тряпки. Год за годом проходит по графику — дом, работа, по выходным дача, раз в год в санаторий по путевке. Это не жизнь, а дерьмо собачье!

И после нашей поездки понял, я тоже могу реализовать свой шанс на хорошую жизнь, не в этом гамнице, а в Америке, центре современной цивилизации. За сведения и вас мне обещали хорошо заплатить, открыть солидный счёт в банке, купить дом, обеспечить престижной работой, помочь сделать карьеру. Я хочу жить ярко и красиво, понимаешь?

— Понимаю, — гадливо усмехнулся я. — Дешево же ты, Вася, Родину продал. На банку варенья и пачку печенья променял. Как Мальчиш-Плохиш в известной сказке. Только вот одного не учёл, для американцев ты, грубо говоря, резинка для члена одноразовая. Употребят и выбросят как рванный гандон. Далекое не факт, что ты вообще какие-то деньги получишь.

— Замолчи, — взвизгнул старлей. — Они не обманут. Мой однокурсник к ним три года назад свалил. Сейчас в Нью-Йорке живет. Всё у него в порядке.

— Значит, он им ещё нужен. Используют в пропагандисткой войне, — объяснил я. — Вон, Аркадий Шевченко сбежал на Запад. До этого был уважаемым человеком, советским

дипломатом, заместителем Генерального секретаря ООН, за которым стояла вся мощь нашей страны. А стал крысой, перебежчиком, обрек свою семью на страдания, доставил им множество проблем. Жена закончила жизнь самоубийством, сын потерял работу. А сам Шевченко, спустя время обанкротится, сопьется и умрет от цирроза печени. И будет очень раскаиваться, что предал Родину, которая дала ему всё: возможность построить карьеру и занять высокое положение в обществе. Действительно, красивая жизнь, о которой ты мечтал. Но вот ведь в чем проблема. Ещё с глубины веков повелось: Рим предателям не платит. И тем более их не уважает. Может использовать, кинуть какой-то кусок, а когда изменники перестают быть нужными, их выбрасывают на мусорку.

— Врешь, — фыркнул Вася. — Не будет этого. И вообще прекращай свои штучки. Осторожно двумя пальцами вытягивай «дерринжер». Отлично. Теперь аккуратно положи его между сидений. И не вздумай резко дернуться, сразу выстрелю. Молодец.

Он подхватил дерринжер и засунул в карман.

— И что дальше? — спросил я.

— А ничего. Свяжу тебе руки, передам вас американцам. А сам получу деньги, поеду отдыхать в Майами, там говорят такие классные девочки есть, — Вася мечтательно вздохнул. — Ладно, протягивай лапы, буду тебя вязать.

— Подожди, ещё пару вопросов задать можно? Даже приговоренным к смерти исполняют последнее желание, а я хочу прояснить для себя несколько моментов.

— Хорошо, — нахмурился предатель. — Спрашивай.

— Как ты вышел на ЦРУ?

— А я на них не выходил, — самодовольно улыбнулся старлей. — Они сами на меня вышли. Был у меня однокурсник в академии — Толик Рыбалко. Он после двух лет работы в Африке сам к американцам сбежал. После нашего вояжа по Германии и Франции, меня отпустили домой ненадолго. А там уже янки наблюдение организовали. Скорее всего, наврали с три короба шпане местной, дали деньги и номер телефона, чтобы стукнули, как меня увидели.

Вот меня возле подъезда, когда вышел в магазин, и подловили. И знаешь, кого послали? Толика Рыбалко. Только он уже не Толик. Мистер Анатолий Фиш. А со мной встречался с документами Антона Перовского. Но это не суть. Увидел я его, окаменел, а он спокойно предлагает прогуляться в скверике рядом. Там и сделал своё предложение. Ему ты нужен был. Ещё интересовала любая информация о Сергее Ивановиче и членах нашей группы. Любые деньги и условия обещал, был готов сразу же вручить десять тысяч долларов или пять — рублями. Просто так, за согласие. И тут я понял, что это мой шанс.

— Слушай, а как он на тебя вышел? Откуда узнал, что мы вместе работаем? Неужели тебя этот вопрос не заинтересовал?

— Заинтересовал, — усмехнулся Вася. — Я сразу спросил. Сказал, мне это нужно, чтобы представлять последствия. Раз они на меня вышли, значит, могут и другие. Попросил быть откровенным, как партнер с партнером. И он мне сразу ответил. Оказалось янки с Новоникольском плотно работать начали. И тебя давно разрабатывали, окружение, клуб «Красное Знамя». Наш капитан с вашим главным тренером плотно контактит. А я с ним в паре обычно работаю. И отсутствуем мы одновременно. А ещё и в Новоникольск приезжали вместе, тебя искали. Вот и срисовали меня. Как, все подробности не раскрыли, но прозрачно намекнули, на варианты. Я думаю, у них есть ещё кто-то в ГРУ, знакомый с нашей внутренней кухней и, естественно, Сергеем Ивановичем. А возможно и к отделу кадров

доступ. Мой же домашний адрес они вычислили. Вот как-то так получается.

— И много ты им рассказал при встрече? — поинтересовался я.

— Нет, — ухмыльнулся старший лейтенант. — Не много. У меня просто времени мало было. Я же в магазин на пять минут вышел. Подтвердил, что работаю в группе с тобой и другими сотрудниками. Выставил свои условия для работы. Они их приняли. Пообещал дать детальные показания и сообщить немало интересного, когда увижу счёт в банке, и меня вывезут в Америку. Чтобы не было вопросов, готов рассказать кое-что в посольстве. Сказал, что работали с Красными бригадами в Германии, подробности выдам позже, ну и ещё кое-что по мелочи. Я же говорю, времени особо не было. Вместе быстро разработали операцию. Вот и все.

Вася говорил, и держал меня на прицеле, контролируя каждое движение. А я боковым зрением заметил, как дрогнули ресницы Ивана Дмитриевича. Старик имитировал сон, и слышал каждое слово старлея.

— Больше вопросов у тебя не имеется? — после паузы осведомился предатель.

— Нет, — подтвердил я. — Мне всё ясно.

— Вот и отлично. — Вася смотрел на меня с чувством собственного превосходства. — А теперь нужно тебя обыскать и связать руки. Мало ли, что у тебя ещё по карманам лежит. Мне неожиданные проблемы не нужны. В машине это делать не очень удобно. Поэтому медленно и одновременно, выходим, не совершая лишних движений, без попыток героического сопротивления и самопожертвования. Ты поднимаешь руки, кладешь их на машину, широко расставляешь ноги и спокойно стоишь, пока я тебя обыскиваю и связываю.

— Хорошо.

Под дулом пистолета я вылез из «нивы», оставив дверь чуть приоткрытой. Думаю, что дед догадается, что делать. Сместился в сторону, положил ладони на багажник «нивы», стоя рядом со своей дверцей. Вася сместился ко мне, прохлопывая рукой брюки и куртку.

Дед медленно сместился, подтягивая ноги. Увлеченный шмоном предатель этого не увидел.

Сокрушительный удар прозвучал как выстрел. Резко распахнувшаяся дверь, отбросила Васю в сторону. Он даже выронил пистолет от неожиданности. ПСМ взмыл в воздух, отлетая далеко в заснеженное поле. А я уже прыгнул к нему, пробивая «орлиным клювом» в кадык и сразу же каблуком ботинка в район паха.

От первого удара Вася ушёл, чуть смесившись в сторону. Второй заблокировал предплечьем и сразу же контратаковал, выбросив ребро ладони в сонную артерию. Теперь ставить блок пришлось мне. Удар был хлестким и резким, рука на секунду онемела. И сразу же ребро стопы вlepилось мне в грудь. Я отлетел на пару метров, мягко хлопнувшись спиной в сугроб. А Иван Дмитриевич уже летел на старлея, сшибая его плечами, как шар кеглю. Они, рыча и матерясь, покатались по снегу, охаживая друг друга ударами. Я встал. Грудь противно ныла, каждый вдох после пропущенного удара отзывался болью. Но медлить было нельзя, и я рванул вперед. И вовремя, поскольку молодой уже оказался сверху и дубасил хрипящего и плюющего кровью деда с двух рук, стараясь всадить в висок, горло, ключицу или подбородок. Предатель заметил моё движение и каким-то невероятным образом умудрился отпрыгнуть назад, встав на ноги.

— Ссука, — прохрипел Иван Дмитриевич, перевернулся, приподнялся на локтях, и выплюнул на снег кровавый сгусток.

— Согласен, — кивнул я. — Ещё какая.

— Меньше слов, больше дела, — предатель хищно улыбнулся и двинулся к нам.

— Нна, — он попытался вклеить мне ребром ботинка в колено, но я вовремя убрал ногу. Первый удар был примитивной обманкой, чтобы спрятать второй, прямой правой в подбородок. Я качнул корпусом, подседая под удар и всадил навстречу двумя выдвинутыми вперед фалангами указательного и среднего пальцами в солнечное сплетение, прямо в пучок нервных окончаний «под ложечку».

Предатель выдохнул и чуть согнулся, отшатнувшись назад и прилагая гигантские усилия, чтобы не скрутиться в три погибели. Я скакнул следом, закрепляя успех. Одновременно со мной, неожиданно дернулся вперед старик, обхватил ручищами Васины ноги и резко рванул их на себя. Не ожидавший сдвоенной атаки старший лейтенант нелепо взмахнул руками и начал медленно падать. В последнее мгновение, я на рефлексах выбросил вперед колено, с глухим стуком врубившееся ему в подбородок. Голова предателя мотнулась, его откинуло назад, и последний удар кулачищем, подгрешивший его под себя, дед наносил уже по бесчувственной тушке.

— Как, вы, Иван Дмитриевич? — спросил я.

— Жить буду, — прокряхтел старик, с трудом поднимаясь на ноги.

— И чего же вы чай пили? — попенял я. — Мы же с вами разговаривали об этом, что надо предельно внимательными быть, особенно с питьем и едой. Все нюансы обговаривали. Вы же знали, что в группе — предатель.

— А я его не пил. Почти, — Березин скривился и плюнул вязкой и тягучей красной слюной в снег. — Если бы, как и ты, отказался, совсем бы подозрительно выглядело и засланного казачка насторожило. Чуть-чуть глотнул, остальное, когда Алка сковородку мыла, а Васька-аспид вышел, в горшок с цветами вылил. Но все равно рубить начало. Старый уже, здоровье уже не то, что в молодости.

Я поддержал пошатывающего Березина.

— Уходить надо, Иван Дмитриевич. Американцы в любой момент появиться могут. А нам, сами понимаете, встреча с ними противопоказана.

— Правильно говоришь, — кивнул старик. — Уходим.

Я подхватил старика под руку, довел до «нивы». От души вклеил бесчувственному предателю ногой в голову, тушку подбросило и развернуло в позу «морской звезды». Теперь наверняка, не скоро очнётся и проблем доставлять не будет. Связал Васю найденной в кармане веревкой, взял за ворот куртки и поволок к багажнику.

КОНЕЦ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Важно (!!!): Часть фамилий, фактов биографий и имен персонажей «оффшорных схем» изменены. Это всё-таки не документальная повесть или обвинительный акт, а фантастика в жанре АИ.))) Прошу это учитывать. Всякие совпадения с реальными лицами, конечно же, абсолютно случайны.)))

Галабея — национальная арабская одежда, напоминающая длинную рубаху, доходящую до пят.

Meine geliebte Mutter (майне гелибте мутер) нем. — моя дорогая мать.

БКА — Федеральное ведомство криминальной полиции, которое вело борьбу с РАФ. Затем, в мае 1991 г. после очередного политического убийства членами РАФ был создан специальный Координационный совет по борьбе с терроризмом (КГТ), включавший уже не только представителей БКА, но и БНД (разведки) и БФФ (Ведомства по охране Конституции — контрразведки), пограничной охраны и других федеральных ведомств.

У Сергея Ивановича Вебер забрал пистолет МСП «Гроза». Создан в ЦНИИточмаш по заказу КГБ СССР в 1965 году. Принят на вооружение 24 августа 1972 года. Является бесшумным пистолетом, предназначенным для специальных (тайных) операций (в том числе ликвидаций).

Девятая пограничная группа (GSG 9) — подразделение спецназа Федеральной полиции Германии. GSG 9 было сформировано в сентябре 1973 года, ровно через год после трагической гибели израильских спортсменов на Олимпиаде в Мюнхене, с целью пресечения террористических действий на территории Германии в будущем. Спецгруппа находится в прямом и единственном подчинении у министра внутренних дел Германии, командир спецподразделения круглосуточно готов к началу действий.

Коллега — обращение немецких коммунистов друг к другу. В третьем рейхе было принято обращение партайгеноссе — товарищ по партии. После поражения во Второй мировой войне оно было дискредитировано. Поэтому немецкие коммунисты и левые вместо слова «геноссе» (товарищ) использовали обращение «коллега» к единомышленникам и союзникам.

Первая фраза, перевод:

— Артур, просыпайся, — крепкая рука теребила моё плечо. — Нам скоро выезжать из отеля. Папа сказал, чтобы ты через пять минут был на ногах.

Приезд к Лучано в Европу агентов, именно ЦРУ — художественный вымысел (в отличие от связей с армейской разведкой). Есть ещё пара логических допущений. В остальном, сведения о торговле ЦРУ и армейским командованием наркотой, многократно обнародованная информация из разных источников, включая тех же Маккоя, Рупперта, журналиста Генри Уэбба (позже времени происходящих событий) и многих других правозащитников, гражданских активистов и репортёров. Многие уже нет в живых...

Роджер — сленговое обращение по рации военных НАТО. Как правило, конечная фраза скоротечного разговора. По смыслу «Принято (сообщение получено)». Сергей Иванович специально использует английский язык и жаргонный сленг американских военных при общении по рации, чтобы при предполагаемом радиоперехвате ввести в заблуждение вероятных противников.

Sì, compagno — да, товарищ.

Mordi e fuggi — лозунг итальянских «Красных Бригад» — «Бей и беги»!

Buona fortuna! Arrivederci! — Удачи! До встречи!

Addio amico mio — Прощай мой друг!

НОКС — Nucleo Operativo Centrale di Sicurezza (N.O.C.S.) или NOCS – антитеррористическое спецподразделение итальянской государственной полиции. Сформировано для выполнения самых сложных задач по освобождению заложников, пресечению криминальной деятельности, охране VIP-персон и противодействию терроризму. Организационно подчиняется Центральной директории полиции общественной безопасности итальянского министерства внутренних дел. Образовано в 1978 году. Решение о создании НОКС было принято после теракта на Мюнхенской Олимпиаде в 1972 году.

Mio amico — мой друг (итал.)

Урбано Раттаци (итал. Urbano Pio Francesco Rattazzi; 20 июня 1808, Алессандрия Пьемонт — 5 мая 1873, Фрозиноне, Лацио) — итальянский политик и государственный деятель, дважды избирался премьер-министром. Считается одним из основателей современной Италии.

Майор Лукашов — начальник секретариата Ивашутина.

Игорь Попов — лейтенант, адъютант Ивашутина.

ОТУ — оперативно-техническое управление КГБ, работало со всеми технологиями перлюстрации корреспонденции, прослушивания разговоров в помещениях, устройствами радиоразведки, технологиями тайнописи. В ОТУ структурно входили ЦНИИС (Центральный Научно-Исследовательский Институт Специальной Техники) и НИИАИ (занимающийся внедрением ЭВМ и созданием автоматизированной системы информационного обеспечения).